

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Островъ Сахалинъ.—Глава I по XIII.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

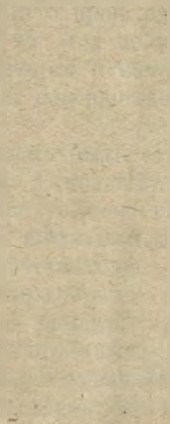
<http://rcin.org.pl>

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

24.113/15-16

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

I.

Г. Николаевскъ на Амурѣ.—Пароходъ *Байкаль*.—Мысъ Пронге и входъ въ Лиманъ.—Сахалинъ полуостровъ.—Лаперузъ, Браунтъ, Крузенштеръ и Невельской.—Японскіе изслѣдователи.—Мысъ Джаре.—Татарскій берегъ.—Де-Кастри.

5 іюля 1890 г. я прибылъ на пароходѣ въ г. Николаевскъ, одинъ изъ самыхъ восточныхъ пунктовъ нашего отечества. Амуръ здѣсь очень широкъ, до моря осталось только 27 верстъ; мѣсто величественное и красивое, но воспоминанія о прошломъ этого края, рассказы спутниковъ о лютой зимѣ и о не менѣе лютыхъ мѣстныхъ нравахъ, близость каторги и самый видъ заброшеннаго, вымирающаго города совершенно отнимаютъ охоту любоваться пейзажемъ.

Николаевскъ былъ основанъ не такъ давно, въ 1850 г., извѣстнымъ Геннадіемъ Невельскимъ, и это едва ли не единственное свѣтлое мѣсто въ исторіи города. Въ пятидесятые и шестидесятые годы, когда по Амуру, не щадя солдатъ, арестантовъ и переселенцевъ, насаждали культуру, въ Николаевскѣ имѣли свое пребываніе чиновники, управлявшіе краемъ, наѣзжало сюда много всякихъ русскихъ и иностранныхъ авантюристовъ, селились поселенцы, прельщаемые необычайнымъ изобиліемъ рыбы и звѣря, и, повидимому, городъ не былъ чуждъ человѣческихъ интересовъ, такъ какъ былъ даже случай, что одинъ заѣзжій ученый нашелъ нужнымъ и возможнымъ прочесть здѣсь въ клубѣ публичную лекцію. Теперь же почти половина домовъ покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темныя окна безъ рамъ глядятъ на васъ, какъ глазныя впадины черепа. Обыватели ведутъ сонную, пьяную жизнь и вообще

живуть впроголодь, чѣмъ Богъ послалъ. Пробавляются поставками рыбы на Сахалинѣ, золотымъ хищничествомъ, эксплуатаціей инородцевъ, продажей понтовъ, т. е. оленьихъ роговъ, изъ которыхъ китайцы готовятъ возбуждательныя шлюли. На пути отъ Хабаровки до Николаевска мнѣ приходилось встрѣчать не мало контрабандистовъ; здѣсь они не скрываютъ своей профессіи. Одинъ изъ нихъ, показывавшій мнѣ золотой песокъ и пару понтовъ, сказалъ мнѣ съ гордостью: «И мой отецъ былъ контрабандистъ!»— Эксплуатація инородцевъ, кромѣ обычнаго спаиванія, одураченія и т. п., выражается иногда въ оригинальной формѣ. Такъ, николаевскій купецъ Ивановъ, нынѣ покойный, каждое лѣто ѣздилъ на Сахалинъ и бралъ тамъ съ гиляковъ дань, а неисправныхъ плательщиковъ истязалъ и вѣшалъ.

Гостиницы въ городѣ нѣтъ. Въ общественномъ собраніи мнѣ позволили отдохнуть послѣ обѣда, въ залѣ съ низкимъ потолкомъ — тутъ зимою, говорятъ, даются балы; на вопросъ же мой, гдѣ я могу переночевать, только пожали плечами. Дѣлать нечего, пришлось двѣ ночи провести на пароходѣ; когда же онъ ушелъ назадъ въ Хабаровку, я очутился какъ ракъ на мели: камо пойду? Багажъ мой на пристани; я хожу по берегу и не знаю, чтѣ съ собой дѣлать. Какъ разъ противъ города, въ двухъ-трехъ верстахъ отъ берега, стоитъ пароходъ *Байкал*, на которомъ я пойду въ Татарскій проливъ, но говорятъ, что онъ отойдетъ дня черезъ четыре или пять, не раньше, хотя на его мачтѣ уже развѣвается отходный флагъ. Развѣ взять и поѣхать на *Байкал*? Но неловко: пожалуй, не пустятъ,—скажутъ, рано. Подулъ вѣтеръ, Амуръ нахмурился и заволновался, какъ море. Становится тоскливо. Иду въ собраніе, долго обѣдаю тамъ и слушаю, какъ за сосѣднимъ столомъ говорятъ о золотѣ, о понтахъ, о фокусникѣ, пріѣзжавшемъ въ Николаевскъ, о какомъ-то японцѣ, дергающемъ зубы не щипцами, а просто пальцами. Если внимательно и долго прислушиваться, то, Боже мой, какъ далека здѣшняя жизнь отъ Россіи! Начиная съ балыка изъ кеты, которымъ закусываютъ здѣсь водку, и кончая разговорами, во всемъ чувствуется что-то свое собственное, не русское. Пока я плывъ по Амуру, у меня было такое чувство, какъ будто я не въ Россіи, а гдѣ-то въ Патагоніи или Техасѣ; не говоря уже объ оригинальной, не русской природѣ, мнѣ

все время казалось, что складъ нашей русской жизни совершенно чуждъ кореннымъ амурцамъ, что Пушкинъ и Гоголь тутъ непонятны и потому ненужны, наша исторія скучна, и мы, прѣзжіе изъ Россіи, кажемся иностранцами. Въ отношеніи религиозномъ и политическомъ я замѣчалъ здѣсь полиѣйшее равнодушіе. Священники, которыхъ я видѣлъ на Амурѣ, ѣдятъ въ постъ скоромное и, между прочимъ, про одного изъ нихъ, въ бѣломъ шелковомъ кафтанѣ, мнѣ рассказывали, что онъ занимается золотымъ хищничествомъ, соперничая со своими духовными чадами. Если хотите заставить амурца скучать и зѣвать, то заговорите съ нимъ о политикѣ, о русскомъ правительствѣ, о русскомъ искусствѣ. И нравственность здѣсь какая-то особенная, не наша. Рыцарское обращеніе съ женщиной возводится почти въ культъ и, въ то же время, не считается предосудительнымъ уступить за деньги пріятелю свою жену; или вотъ еще лучше: съ одной стороны, отсутствіе сословныхъ предразсудковъ—здѣсь и съ сѣмьнымъ держать себя, какъ съ ровней, а съ другой—не грѣхъ подстрѣлить въ лѣсу китаецъ-бродягу, какъ собаку, или даже поохотиться тайкомъ на горбачиковъ.

Но буду продолжать о себѣ. Не найдя пріюта, я подъ вечеръ рѣшился отправиться на *Байкаль*. Но тутъ новая бѣда: развело порядочную зыбъ и лодочки-гиляки не соглашаются везти ни за какія деньги. Опять я хожу по берегу и не знаю, чтѣ съ собой дѣлать. Между тѣмъ, уже заходитъ солнце и волны на Амурѣ темнѣють. На этомъ и на томъ берегу неустово воють гиляцкія собаки. И зачѣмъ я сюда поѣхалъ?—спрашиваю я себя, и мое путешествіе представляется мнѣ крайне легкомысленнымъ. И мысль, что каторга уже близка, что черезъ нѣсколько дней я высажусь на сахалинскую почву, не имѣя съ собой ни одного рекомендательнаго письма, что меня могутъ попросить уѣхать обратно,—эта мысль неприятно волнуешь меня. Но вотъ, наконецъ, два гиляка соглашаются везти меня за рубль, и на лодкѣ, сбитой изъ трехъ досокъ, я благополучно достигаю *Байкала*.

Это пароходъ морского типа средней величины, купецъ, показавшійся мнѣ послѣ байкальскихъ и амурскихъ пароходовъ довольно сноснымъ. Онъ совершаетъ рейсы между Николаевскомъ, Владивостокомъ и японскими портами, во-

зять почту, солдатъ, арестантовъ, пассажировъ и грузы, главнымъ образомъ, казенные; по контракту, заключенному съ казною, которая платитъ ему солидную субсидію, онъ обязанъ нѣсколько разъ въ теченіе лѣта заходить на Сахалинъ: въ Александровскій постъ и въ южный Корсаковскій. Тарифъ очень высокій, какого, вѣроятно, нѣтъ нигдѣ въ свѣтѣ. Колонизація, которая, прежде всего, требуетъ свободы и легкости передвиженія, и высокіе тарифы—это ужъ совсемъ непонятно. Каюль-компанія и каюты на *Байкаль* тѣсны, но чисты и обставлены вполне по-европейски; естъ шанино. Прислуга тутъ—китайцы съ длинными косами, ихъ называютъ по-англійски—бой. Поваръ тоже китайецъ, но кухня у него русская, хотя всѣ кушанья бывають горьки отъ прянаго кери и пахнутъ какими-то духами, въ родѣ корилопенса.

Начитавшись о буряхъ и льдахъ Татарскаго пролива, я ожидалъ встрѣтить на *Байкаль* китобоевъ съ хрипыми голосами, брызгающихъ при разговорѣ табачною жвачкой, въ дѣйствительности же нашелъ людей вполне интеллигентныхъ. Командиръ парохода, г. А., уроженецъ западнаго края, плаваетъ въ сѣверныхъ моряхъ уже болѣе 30 лѣтъ и прошелъ ихъ вдоль и поперекъ. На своемъ вѣку онъ видѣлъ много чудесъ, много знаетъ и рассказываетъ интересно. Покруживъ по жизни около Камчатки и Курильскихъ острововъ, онъ, пожалуй, съ большимъ правомъ, чѣмъ Отелло, могъ бы говорить о «безплоднѣйшихъ пустыняхъ, страшныхъ безднахъ, утесахъ неприступныхъ». Я обязанъ ему многими свѣдѣніями, пригодившимися мнѣ для этихъ записокъ. У него три помощника: г. Б., племянникъ извѣстнаго астронома Б., и два шведа—Иванъ Мартынычъ и Иванъ Веняминычъ, добрые и привѣтливые люди.

8 іюля, передъ обѣдомъ, *Байкаль* снялся съ якоря. Съ нами шли сотни три солдатъ подъ командой офицера и нѣсколько арестантовъ. Одного арестанта сопровождала пятилѣтняя дѣвочка, его дочь, которая, когда онъ поднимался по трапу, держалась за его кандалы. Была, между прочимъ, одна каторжная, обращавшая на себя вниманіе тѣмъ, что за нею добровольно слѣдовать на каторгу ся мужъ *). Кромѣ меня и офицера, было еще нѣсколько

*) На амурскихъ пароходахъ и *Байкаль* арестанты помѣщаются на палубѣ вмѣстѣ съ пассажирами III класса. Однажды, выйдя на

классныхъ пассажировъ обоого пола, и, между прочимъ, даже одна баронесса. Читатель пусть не удивляется такому изобилію интеллигентныхъ людей здѣсь, въ пустынь. По Амуру и въ Приморской области интеллигенція при небольшомъ вообще населеніи составляетъ немалый процентъ, и ея здѣсь относительно больше, чѣмъ въ любой русской губерніи. На Амурѣ есть городъ, гдѣ одинъхъ лишь генераловъ, военныхъ и штатскихъ, насчитываютъ 16. Теперь ихъ тамъ, быть-можетъ, еще больше.

День былъ тихій и ясный. На палубѣ жарко, въ каютахъ душно; въ водѣ +18°. Такую погоду хоть Черному морю въ пору. На правомъ берегу горѣлъ лѣсъ; сплошная зеленая масса выбрасывала изъ себя багровое пламя: клубы дыма слились въ длинную, черную, неподвижную полосу, которая виситъ надъ лѣсомъ... Пожаръ громадный, но кругомъ тишина и спокойствіе, никому нѣтъ дѣла до того, что гибнутъ лѣса. Очевидно, зеленое богатство принадлежитъ здѣсь одному только Богу.

Послѣ обѣда, часовъ въ шесть, мы уже были у мыса Пронге. Тутъ кончается Азія и можно было бы сказать, что въ этомъ мѣстѣ Амуръ впадаетъ въ Великій океанъ, если бы поперекъ не стоялъ о. Сахалинъ. Передъ глазами широко разстилается Лиманъ, впереди чуть видна туманная полоса—это каторжный островъ; налѣво, теряясь въ собственныхъ извилинахъ, исчезаетъ во мглѣ берегъ, уходящій въ невѣдомый сѣверъ. Кажется, что тутъ конецъ свѣта и что дальше уже некуда плыть. Душой овладѣваетъ чувство, какое, вѣроятно, испытывалъ Одиссей, когда плавалъ по незнакомому морю и смутно предчувствовалъ встрѣчи съ необыкновенными существами. И въ самомъ дѣлѣ, справа, при самомъ поворотѣ въ Лиманъ, гдѣ на отмели приютилась гиліяцкая деревушка, на двухъ лодкахъ несутся къ намъ какія-то странныя существа, воить на непонятномъ языкѣ и чѣмъ-то машутъ. Трудно понять, чтó у нихъ въ рукахъ, но когда они подплываютъ поближе, я различаю сѣрыхъ птицъ.

разсвѣтъ прогуляться на бакъ, я увидѣлъ, какъ солдаты, женщины, дѣти, два китайца и арестанты въ каютахъ крѣпко спали, прижавшись другъ къ другу; ихъ покрывала роса и было прохладно. Конвойный стоялъ среди этой кучи тѣлъ, держась обѣими руками за ружье, и тоже спалъ.

— Это они хотятъ продать намъ битыхъ гусей, — объясняетъ кто-то.

Поворачиваемъ направо. На всемъ нашемъ пути поставлены знаки, показывающіе фарватерь. Командиръ не сходитъ съ мостика и механикъ не выходитъ изъ машины; *Байкал*зъ начинаетъ идти все тише и тише, и идетъ точно ощупью. Осторожность нужна большая, такъ какъ здѣсь не трудно съѣсть на мель. Пароходъ сидитъ 12¹/₂, мѣстами же ему приходится идти 14 фут., и былъ даже моментъ, когда намъ послышалось, какъ онъ проползъ килемъ по песку. Вотъ этотъ-то мелкій фарватерь и особенная картина, какую даютъ вмѣстѣ Татарскій и Сахалинскій берега, послужили главною причиною тому, что Сахалинъ долго считали въ Европѣ полуостровомъ. Въ 1787 г., въ іюнь, извѣстный французскій мореплаватель, графъ Лаперузъ, высадился на западномъ берегу Сахалина, выше 48°, и говорилъ тутъ съ туземцами. Судя по описанію, которое онъ оставилъ, на берегу засталъ онъ не однихъ только жившихъ здѣсь айно, но и пріѣхавшихъ къ нимъ торговать гиляковъ, людей бывалыхъ, хорошо знакомыхъ и съ Сахалиномъ, и съ Татарскимъ берегомъ. Чертя на песокъ, они объяснили ему, что земля, на которой они живутъ, есть островъ и что островъ этотъ отдѣляется отъ материка и Иессо (Японіи) проливами *). Затѣмъ, плывя дальше на сѣверъ вдоль западнаго берега, онъ разсчитывалъ, что найдетъ выходъ изъ Сѣверо-Японскаго моря въ Охотское и тѣмъ значительно сократитъ свой путь въ Камчатку; но чѣмъ выше подвигался онъ, тѣмъ проливъ становился все мельче и мельче. Глубина уменьшалась черезъ каждую милю на одну сажень. Плывъ онъ къ сѣверу до тѣхъ поръ, пока ему позволяли размѣры его корабля, и, дойдя до глубины 9 сажень, остановился. Постепенное равномерное повышеніе дна и то, что въ проливѣ теченіе было почти незамѣтно, привели его къ убѣжденію, что онъ находится не въ про-

*) Лаперузъ пишетъ, что свой островъ они называли Чоко, по, вѣроятно, названію это гиляки относили къ чему-нибудь другому, и онъ ихъ не понималъ. На картѣ нашего Крашенинникова (1752 г.) на западномъ берегу Сахалина показана рѣка Чуха. Не пѣветъ ли эта Чуха чего-нибудь общаго съ Чоко? Кетати сказать, Лаперузъ пишетъ, что, рисуя островъ и называя его Чоко, гилякъ нарисовалъ и рѣчку. Чоко переводится словомъ — мы.

ливъ, а въ заливъ и что, стало-быть, Сахалинъ соединитъ съ материкомъ перешейкомъ. Въ де-Кастри у него еще разъ происходило совѣщаніе съ гиляками. Когда онъ начертилъ имъ на бумагѣ островъ, отдѣленный отъ материка, то одинъ изъ нихъ взявъ у него карандашъ и, проведя черезъ проливъ черту, пояснилъ, что черезъ этотъ перешеекъ гилякамъ приходится иногда перетаскивать свои лодки и что на немъ даже растетъ трава,— такъ понялъ Лаперузъ. Это еще крѣпче убѣдило его, что Сахалинъ—полуостровъ *).

Девятью годами позже его въ Татарскомъ проливѣ былъ англичанинъ В. Браутонъ (Broughton). Судно у него было небольшое, сидѣвшее въ водѣ не глубже 9 фут., такъ что ему удалось пройти нѣсколько выше Лаперуза. Остановившись на глубинѣ двухъ сажень, онъ послалъ къ сѣверу для промѣра своего помощника; этотъ на пути своемъ встрѣчалъ среди мелей глубины, но онъ постепенно уменьшался и приводили его то къ сахалинскому берегу, то къ низменнымъ песчанымъ берегамъ другой стороны, и при этомъ получалась такая картина, какъ будто оба берега сливались; казалось, заливъ оканчивался здѣсь и никакого прохода не было. Такимъ образомъ, и Браутонъ долженъ былъ заключить то же самое, что Лаперузъ.

Нашъ знаменитый Крузенштернъ, изслѣдовавшій берега острова въ 1805 г., впалъ въ ту же ошибку. Плылъ онъ къ Сахалину уже съ предвзятою мыслью, такъ какъ пользовался картою Лаперуза. Онъ прошелъ вдоль восточнаго берега и, обогнувъ сѣверные мысы Сахалина, вступилъ въ самый проливъ, держась направленія съ сѣвера на югъ, и, казалось, былъ уже совсѣмъ близокъ къ разрѣшенію загадки, но постепенное уменьшеніе глубины до $3\frac{1}{2}$ сажень, удѣльный вѣсъ воды, а, главное, предвзятая мысль заставили и его признать существованіе перешейка, котораго онъ не видѣлъ. Но его, все-таки, точилъ червь сомнѣнія. «Весьма вѣроятно,— пишетъ онъ, — что Сахалинъ былъ нѣкогда, а можетъ-быть, еще въ недавнія времена, островомъ». Возвращался онъ назадъ, повидимому, съ неспокойною душой:

*) Тутъ вѣстятъ привести одно наблюденіе Невельскаго: туземцы проводятъ обыкновенно между берегами черту для того, чтобы показать, что отъ берега къ берегу можно проплыть на лодкѣ, т. е. что существуетъ между берегами проливъ.

когда въ Китаѣ впервые попались ему на глаза записки Браутона, то онъ «обрадовался не мало» *).

Ошибка была исправлена въ 1849 году Невельскимъ. Авторитетъ его предшественниковъ, однако, былъ еще такъ великъ, что, когда онъ донесъ о своихъ открытіяхъ въ Петербургъ, то ему не повѣрили, сочли его поступокъ дерзкимъ и подлежащимъ наказанію и «заклучили» его разжаловать, и неизвѣстно, къ чему бы это повело, если бы не заступничество самого государя, который нашелъ его поступокъ молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ **). Это былъ энергическій, горячаго темперамента человѣкъ, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, чистый нравственно. Одинъ изъ знавшихъ его пишетъ: «болѣе честного человѣка мнѣ не случалось встрѣчать». На восточномъ берегу въ и на Сахалинѣ онъ сдѣлалъ себѣ блестящую карьеру въ какія-нибудь пять лѣтъ, но потерялъ дочь, которая умерла отъ голода, состарился, состарилась и потеряла здоровье его жена, «молоденькая, хорошенькая и привѣтливая женщина», переносившая всѣ лишения героически ***).

*) То обстоятельство, что трое серьезныхъ изслѣдователей, точно сговорившись, повторили одну и ту же ошибку, говорить уже само за себя. Если они не открыли входа въ Амуръ, то потому, что пѣли въ своемъ распоряженіи самыя скудныя средства для изслѣдованія, а, главное, — какъ гениальные люди, подозрѣвали и почти угадывали другую правду и должны были считаться съ ней. Что перешеекъ и полуостровъ Сахалинъ — не мѣны, а существовалъ когда-то на самомъ дѣлѣ, въ настоящее время уже доказано.

Обстоятельная исторія изслѣдованія Сахалина имѣется въ книгѣ А. М. Никольскаго: *Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ*. Въ этой же книгѣ можно найти и довольно подробный указатель литературы, относящейся къ Сахалину.

***) Подробности въ его книгѣ: *Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ Востоку Россіи 1849—1855 г.*

***) Жена Невельскаго, Екатерина Ивановна, когда ѣхала изъ Россіи къ мужу, сдѣлала верхомъ 1.100 верстъ въ 23 дня, будучи больною, но тощимъ болотамъ и дикимъ гористымъ тайгамъ и ледникамъ охотскаго тракта. Самый даровитый сподвижникъ Невельскаго, Н. К. Бошнякъ, открывшій Императорскую гавань, когда ему было еще только 20 лѣтъ, «мечтатель и дитя», — такъ называетъ его одинъ изъ сослуживцевъ, — рассказываетъ въ своихъ запискахъ: «На транспортѣ «Байкаль» мы всѣ вмѣстѣ перешли въ Аянъ и тамъ пересѣли на слабый баркъ «Шелеховъ». Когда баркъ сталъ тонуть, никто не могъ уговорить г-жу Невельскую первую съѣхать на берегъ. «Командиръ

Чтобы покончить съ вопросомъ о перешейкѣ и полуостровѣ, считаю не лишнимъ сообщить еще нѣкоторыя подробности. Въ 1710 г. пекинскими миссіонерами, по порученію китайскаго императора, была начертана карта Татаринъ; при составленіи ея миссіонеры пользовались японскими картами, и это очевидно, такъ какъ въ то время о проходимости Лаперузова и Татарскаго проливовъ могло быть извѣстно только японцамъ. Она была прислана во Францію и стала извѣстною, потому что вошла въ атласъ географа д'Анвилля*). Эта карта послужила поводомъ къ небольшому недоразумѣнію, которому Сахалинъ обязанъ своимъ названіемъ. У западнаго берега Сахалина, какъ разъ противъ устья Амура, на картѣ есть надпись, сдѣланная миссіонерами: «Saghalien-angahata», что по-монгольски значитъ «скалы черной рѣки». Это названіе относилось, вѣроятно, къ какому-либо утесу или мысу у устья Амура, во Франціи же поняли иначе и отнесли къ самому острову. Отсюда и названіе Сахалинъ, удержанное Крузенштерномъ и для русскихъ картъ. У

и офицеры съѣзжаютъ послѣдними, — говорила она: — и я съѣду съ барка тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на суднѣ». Такъ она и поступила. Между тѣмъ, баркъ уже лежалъ на боку»... Дальше Бошнякъ пишетъ, что, часто находясь въ обществѣ г-жи Невельской, онъ съ товарищами не слыхалъ ни одной жалобы или упрека, — напротивъ, всегда замѣчалось въ ней спокойное и гордое сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое предназначило ей Провидѣніе. Она проводила зиму обыкновенно одна, такъ какъ мужчины были въ командировкахъ, въ комнатахъ съ 5^о тепла. Когда въ 1852 г. изъ Камчатки не пришли суда съ провіантомъ, то все находилось въ болѣе чѣмъ отчаянномъ положеніи. Для грудныхъ дѣтей не было молока, больнымъ не было свѣжей пицци и нѣсколько людей умерло отъ цинги. Невельская отдала свою единственную корову во всеобщее распоряженіе; все, что было свѣжаго, поступало въ общую пользу. Обращалась она съ туземцами просто и съ такимъ вниманіемъ, что это замѣчалось даже неотесанными дикарями. А ей было тогда только 19 лѣтъ (*Лейт. Бошнякъ: Экспедиція въ Пріамурскомъ вратѣ, Морской Сборникъ. 1859, 11*). Объ ея трогательномъ обращеніи съ глыбами упоминаетъ и ея мужъ въ своихъ запискахъ. «Екатерина Ивановна, — пишетъ онъ, — усаживала ихъ (глыбовъ) въ кружокъ на полъ, около большой чашки съ кашей или чаемъ, въ единственной бывшей во флигелѣ у насъ комнатѣ, служившей и заломъ, и гостиной, и столовой. Они, наслаждаясь подобнымъ угощеніемъ, весьма часто трепали хозяйку по плечу, посылая ее то за тамчи (табакъ), то за чаемъ».

*) *Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie, Chinoise et de Thibet. 1737.*

японцевъ Сахалинъ называли Карафто или Карафту, что значитъ китайскій островъ.

Работы японцевъ попадали въ Европу или слишкомъ поздно, когда въ нихъ уже не нуждались, или же подвергались неудачнымъ поправкамъ. На картѣ миссіонеровъ Сахалинъ имѣлъ видъ острова, но д'Анвилль отнесся къ ней съ недовѣріемъ и положилъ между островомъ и материкомъ перешеекъ. Японцы первые стали изслѣдовать Сахалинъ, начиная съ 1613 г., но въ Европѣ придавали этому такъ мало значенія, что, когда впоследствии русскіе и японцы рѣшали вопросъ о томъ, кому принадлежитъ Сахалинъ, то о правѣ перваго изслѣдованія говорили и писали только одни русскіе *).

Давно уже на очереди новое, возможно тщательное изслѣдованіе береговъ Татаріи и Сахалина. Теперешнія карты неудовлетворительны, что видно хотя бы изъ того, что суда, военныя и коммерческія, часто садятся на мель и на камни, гораздо чаще, чѣмъ объ этомъ пишутъ въ газетахъ. Благодаря, главнымъ образомъ, плохимъ картамъ, командиры судовъ здѣсь очень осторожны, мнительны и нервны. Командиръ *Вайкала* не довѣряетъ официальной картѣ и смотритъ въ свою собственную, которую самъ чертитъ и исправляетъ во время плаванія.

Чтобы не съѣсть на мель, г. А. не рѣшился плыть ночью, и мы послѣ захода солнца бросили якорь у мыса Джаоре. На самомъ мысу, на горѣ стоитъ одиноко избушка, въ которой живетъ морской офицеръ г. Б., ставящій знаки на фарватерѣ и имѣющій надзоръ за ними, а за избушкой непроходимая дремучая тайга. Командиръ послалъ г. Б. свѣжаго мяса; я воспользовался этимъ случаемъ и поплылъ на шлюпкѣ къ берегу. Въмѣсто пристани, куча большихъ скользящихъ камней, по которымъ пришлось прыгать, а на гору къ избѣ ведетъ рядъ ступеней изъ бревнушекъ, врытыхъ въ землю почти отвѣсно, такъ что, поднимаясь, надо крѣпко

*) Японецъ, землемеръ Маміа Ринзо, въ 1808 г. путешествуя въ лодкѣ вдоль западнаго берега, побывалъ на Татарскомъ берегу у самаго устья Амура и не разъ плавалъ съ острова на материкъ и обратно. Онъ первый доказалъ, что Сахалинъ островъ. Нашъ натуралистъ Ф. Шмидтъ отзывался съ большою похвалою объ его картѣ, находя, что она «особенно замѣчательна, такъ какъ, очевидно, основана на самостоятельныхъ съемкахъ».

держаться руками. Но какой ужас! Пока я взбирался на гору и подходилъ къ избѣ, меня окружали тучи комаровъ. буквально тучи, было темно отъ нихъ, лицо и руки мои жгло и не было возможности защищаться. Я думаю, что если здѣсь остаться ночевать подъ открытымъ небомъ, не окруживъ себя кострами, то можно погибнуть или, по меньшей мѣрѣ, сойти съ ума.

Изба раздѣляется сѣнями на двѣ половины: палѣво живутъ матросы, направо—офицеръ съ семьей. Хозяина дома не было. Я засталъ изящно одѣтую, интеллигентную даму, его жену, и двухъ дочерей, маленькихъ дѣвочекъ, искусанныхъ комарами. Въ комнатахъ всѣ стѣны покрыты еловою зеленью, окна затянуты марлей, пахнетъ дымомъ, но комары, несмотря ни на что, все-таки есть и жалятъ бѣдныхъ дѣвочекъ. Въ комнатѣ обстановка не богатая, лагерная, но въ убранствѣ чувствуется что-то милое, вкусное. На стѣнѣ висятъ этюды и, между прочимъ, женская головка, набросанная карандашомъ. Оказывается, что г. В.—художникъ.

— Хорошо ли вамъ тутъ живется?—спрашиваю я даму.

— Хорошо, да вотъ только комары.

Свѣжему мясу она не обрадовалась; по ея словамъ, она и дѣти давно уже привыкли къ солонинѣ и свѣжаго мяса не любятъ.

— Впрочемъ, вчера варили форелей,—добавила она.

Провожалъ меня до шлюпки угрюмый матросъ, который, какъ будто догадавшись, о чемъ мнѣ хочется спросить его, вздохнулъ и сказалъ:

— По доброй волѣ сюда не заѣдешь!

На другой день рано утромъ пошли дальше при совершенно тихой и теплой погодѣ. Татарскій берегъ гористъ и изобилуетъ пиками, т. е. острыми, коническими вершинами. Онъ слегка подернутъ синеватою мглой: это—дымъ отъ далекихъ лѣсныхъ пожаровъ, который здѣсь, какъ говорятъ, бываетъ иногда такъ густъ, что становится опасенъ для моряковъ не меньше, чѣмъ туманъ. Если бы птица полетѣла на-прямикъ съ моря черезъ горы, то, навѣрное, не встрѣтила бы ни одного жилья, ни одной живой души на разстояннн пятисотъ верстъ и больше... Берегъ весело зеленилъ на солнцѣ и, повидимому, прекрасно обходится безъ чловѣка. Въ шесть часовъ были въ самомъ узкомъ мѣстѣ

пролива, между мысами Погоби и Лазарева, и очень близко видѣли оба берега, въ восемь проходили мимо Шанки Невельскаго—такъ называется гора съ бугромъ на вершинѣ, похожимъ на шапку. Утро было яркое, блестящее, и наслажденіе, которое я испытывалъ, усиливалось еще съ гордаго сознанія, что я вижу эти берега.

Во второмъ часу вошли въ бухту де-Кастри. Это единственное мѣсто, гдѣ могутъ во время бури укрываться суда, плавающія по проливу, и не будь ея, судоходство у сахалинскихъ береговъ, которые сплошь негостепримны, было бы невысказуемо *). Даже есть такое выраженіе: «удирать въ де-Кастри». Бухта прекрасная и устроена природою точно по заказу. Это круглый прудъ, версты три въ діаметрѣ, съ высокими берегами, защищающими отъ вѣтровъ, съ неширокимъ выходомъ въ море. Если судить по наружному виду, то бухта идеальная, но, увы!—это только кажется такъ; семь мѣсяцевъ въ году она бываетъ покрыта льдомъ, мало защищена отъ восточнаго вѣтра и такъ мелка, что пароходы бросаютъ якорь въ двухъ верстахъ отъ берега. Выходъ въ море сторожатъ три острова, или, вѣрнѣе, рифа, придающіе бухтѣ своеобразную красоту; одинъ изъ нихъ названъ Устричнымъ: очень крупныя и жирныя устрицы водятся на его подводной части.

На берегу нѣсколько домиковъ и церковь. Это Александровскій постъ. Тутъ живутъ начальникъ поста, его дѣлопроизводитель и телеграфисты. Одинъ мѣстный чиновникъ, пріѣзжавшій къ намъ на пароходѣ обѣдать, скучный и скучающій господинъ, много говорилъ за обѣдомъ, много шилъ и рассказалъ намъ старый анекдотъ про гусей, которые, наѣвшись ягодъ изъ-подъ наливки и ольянѣвши, были приняты за мертвыхъ, ошпианы и выброшены вонъ, и потомъ, проспавшись, голые вернулись домой; при этѣмъ чиновникъ побожился, что исторія съ гусями происходила въ де-Кастри въ его собственномъ дворѣ. Священника при церкви нѣтъ и опъ, когда нужно, пріѣзжаетъ изъ Маріинска. Хорошая погода бываетъ здѣсь очень рѣдко, такъ же какъ въ Николаевскѣ. Говорятъ, что весною этого года здѣсь работала промѣрная экспедиція и во весь май было только три солнечныхъ дня. Извольте работать безъ солнца!

*) О назначеніи этой бухты въ настоящемъ и будущемъ смотри *К. Скалковскаго*. «Русская торговля въ Тихомъ океанѣ», стр. 75.

На рейдѣ мы застали военныя суда *Бобръ* и *Тургузъ* и двѣ миноноски. Вспоминается и еще одна подробность: едва мы бросили якорь, какъ потемнѣло небо, собралась гроза и вода приняла необыкновенный, ярко-зеленый цвѣтъ. *Байкалу* предстояло выгрузить четыре тысячи пудовъ казеннаго груза, и потому остались въ де-Кастри ночевать. Чтобы скоротать время, я и механикъ удили съ палубы рыбу и намъ попадались очень крупныя, толстоголовые бычки, какихъ мнѣ не приходилось ловить ни въ Черномъ, ни въ Азовскомъ морѣ. Попадалась и камбала.

Выгружаютъ здѣсь пароходы всегда томительно долго, съ раздраженіемъ и порчей крови. Впрочемъ, это горькая участь всѣхъ нашихъ восточныхъ портовъ. Въ де-Кастри выгружаютъ на небольшія баржи-шаланды, которыя могутъ приставать къ берегу только во время прилива и потому нагруженныя часто садятся на мель; случается, что, благодаря этому, пароходъ простаиваетъ изъ-за какой-нибудь сотни мѣшковъ муки весь промежутокъ времени между отливомъ и приливомъ. Въ Николаевскѣ безпорядковъ еще больше. Тамъ, стоя на палубѣ *Байкала*, я видѣлъ, какъ буксирный пароходъ, тащившій большую баржу съ двумя сотнями солдатъ, утерьялъ свой буксирный канатъ; баржу понесло теченіемъ по рейду и она пошла прямо на якорную цѣпь паруснаго судна, стоявшаго недалеко отъ насъ. Мы съ замираніемъ сердца ждали, что вотъ еще одинъ моментъ и баржа будетъ перерѣзана цѣпью, но, къ счастью, добрые люди въ-время перехватили канатъ, и солдаты отдѣлались однимъ только испугомъ.

II.

Краткая географія.—Прибытіе въ Сѣверный Сахалинъ.—Пожаръ.—Пристань.—Въ Слободкѣ.—Обѣдъ у г. Л.—Знакомства.—Ген. Консповичъ.—Пріѣздъ генераль-губернатора.—Обѣдъ и иллюминація.

Сахалинъ лежитъ въ Охотскомъ морѣ, загоразживая собою отъ океана почти тысячу верстъ восточнаго берега Сибири и входъ въ устье Амура. Онъ имѣетъ форму удлиненную съ сѣвера на югъ, и фигуурою, по мнѣнію одного изъ авторовъ, напоминаетъ стерлядь. Географическое положеніе его опредѣляется такъ: отъ 45° 54' до 54° 53' с. ш. и отъ 141° 40' до 144° 53' в. д. Сѣверная часть Сахалина, черезъ ко-

торию проходить линия вѣчно промерзлой почвы, по своему положенію соотвѣтствуетъ Рязанской губ., а южная—Крыму. Длина острова 900 верстъ; наибольшая его ширина равняется 125, и наименьшая 25 верстамъ. Онъ вдвое больше Греціи и въ полтора раза больше Даніи.

Прежнее дѣленіе его на сѣверный, средній и южный неудобно въ практическомъ отношеніи и теперь дѣлятъ только на сѣверный и южный. Верхняя треть острова по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ совершенно непригодна для поселенія и потому въ счетъ не идетъ; средняя треть называется Сѣвернымъ Сахалиномъ, а нижняя—Южнымъ; строго опредѣленной границы между двумя послѣдними не существуетъ. Ссылные въ настоящее время живутъ въ Сѣверномъ, по рѣкѣ Дуйкѣ и по рѣкѣ Тымѣ; Дуйка впадаетъ въ Татарскій проливъ, а Тымь—въ Охотское море, и обѣ рѣки на картѣ встрѣчаются своими верховьями. Живутъ также и по западному побережью, на небольшомъ пространствѣ вверхъ и внизъ отъ устья *Дуйки*. Въ административномъ отношеніи Сѣверный Сахалинъ дѣлится на два округа: Александровскій и Тымовскій.

Переночевавши въ де-Кастри, мы на другой день, 10-го іюля, въ полдень пошли поперекъ Татарскаго пролива къ устью Дуйки, гдѣ находится Александровскій постъ. Погода и въ этотъ разъ была тихая, ясная, какая здѣсь бываетъ очень рѣдко. По совершенно гладкому морю, пуская вверхъ фонтаны, гуляли парочками киты, и это прерасное, оригинальное зрѣлище развлекало насъ на весь пути. Но настроеніе духа, признаюсь, было невеселое, и чѣмъ ближе къ Сахалину, тѣмъ хуже. Я былъ непокоенъ. Офицеръ, сопровождавшій солдатъ, узнавъ, зачѣмъ я ѣду на Сахалинъ, очень удивился и сталъ увѣрять меня, что я не имѣю никакого права подходить близко къ каторгѣ и колоніи, такъ какъ я не состою на государственной службѣ. Конечно, я зналъ, что онъ неправъ, но все же отъ словъ его становилось мнѣ жутко, и я боялся, что и на Сахалинѣ, пожалуй, я встрѣчу точно такой же взглядъ.

Когда въ девятомъ часу бросали якорь, на берегу въ пяти мѣстахъ большими кострами горѣла сахалинская тайга. Сквозь потемки и дымъ, стлавшійся по морю, я не видѣлъ пристани и построекъ и могъ только разглядѣть тусклые постовые огоньки, изъ которыхъ два были крас-

ные. Страшная картина, грубо скроенная из потемокъ, сдуэтовъ горъ, дыма, пламени и огненныхъ искръ, казалась фантастическою. На лѣвомъ планѣ горять чудовищныя костры, выше нихъ—горы, изъ-за горъ поднимается высоко къ небу багровое зарево отъ дальнихъ пожаровъ; похоже, какъ будто горитъ весь Сахалинъ. Вправо темною тяжелою массой выдается въ море мысъ Жонкьеръ, похожій на крымскій Аю-Дагъ; на вершинѣ его ярко свѣтитсѣ маякъ, а внизу, въ водѣ, между нами и берегомъ стоятъ три остроконечныхъ рифа—«Три брата». И все въ дыму, какъ въ аду.

Къ пароходу подошелъ катеръ, таща за собою на буксирѣ баржу. Это привезли каторжныхъ для разгрузки парохода. Слышались татарскій говоръ и брань.

— Не пускать ихъ на пароходъ! — раздался крикъ съ борта.— Не пускать! Они ночью весь пароходъ обокрадутъ!

— Тутъ въ Александровскѣ еще ничего, — сказалъ мнѣ механикъ, замѣтивъ, какое тяжелое впечатлѣнiе произвелъ на меня берегъ: — а вотъ вы увидите Дуэ! Тамъ берегъ совсѣмъ отвѣсный, съ темными ущельями и съ угольными пластами... мрачный берегъ! Бывало, мы возили на *Байкаль* въ Дуэ по 200—300 каторжныхъ, такъ я видѣлъ, какъ многіе изъ нихъ при взглядѣ на берегъ плакали.

— Не они, а мы тутъ каторжные,—сказалъ съ раздраженіемъ командиръ.— Теперь здѣсь тихо, но посмотрѣли бы вы осенью: вѣтеръ, пурга, холодъ, волны валяютъ черезъ бортъ,—хоть пропадай!

И остался ночевать на пароходѣ. Рано утромъ, часовъ въ пять, меня шумно разбудили: «Скорѣе, скорѣе! Катеръ въ послѣдній разъ уходитъ къ берегу! Сейчасъ снимаемся!» Черезъ минуту я уже сидѣлъ въ катерѣ, а рядомъ со мной молодой чиновникъ съ сердитымъ заспаннымъ лицомъ. Катеръ засвистѣлъ и мы пошли къ берегу, таща за собой двѣ баржи съ каторжными. Изморенные ночью работой и бессонницей, арестанты были вялы и угрюмы; все время молчали. Лица ихъ были покрыты росой. Мнѣ припоминается теперь нѣсколько кавказцевъ съ рѣзкими чертами и въ мѣховыхъ шапкахъ, надвинутыхъ до бровей.

— Позвольте познакомиться,—сказалъ мнѣ чиновникъ:— коллежскій регистраторъ Д.

Это былъ мой первый сахалинскій знакомый, поэтъ,

авторъ обличительнаго стихотворенія *Сахалино*, которое начиналось такъ: «Скажи-ка, докторъ, вѣдь, не даромъ...» Потомъ онъ часто бывалъ у меня и гулялъ со мной по Александровску и его окрестностямъ, рассказывая мнѣ анекдоты или безъ конца читая стихи собственнаго сочиненія. Въ длинныя зимнія ночи онъ пишетъ либеральныя повѣсти, но при случаѣ любитъ дать понять, что онъ коллежскій регистраторъ и занимаетъ должность X класса; когда одна баба, придя къ нему по дѣлу, назвала его господиномъ Д., то онъ обидѣлся и сердито крикнулъ ей: «И тебѣ не господинъ Д., а ваше благородіе!» По пути къ берегу я разспрашивалъ его насчетъ сахалинской жизни, какъ и что, а онъ зловѣще вздыхалъ и говорилъ: «А вотъ вы увидите!» Солнце стояло уже высоко. То, что было вчера мрачно и темно и такъ пугало воображеніе, теперь утопало въ блескѣ ранняго утра; толстый, неуклюжій Жонкьеръ съ маякомъ, «Три брата» и высокіе кругые берега, которые видны на десятки верстъ по обѣ стороны, прозрачный туманъ на горахъ и дымъ отъ пожара давали при блескѣ солнца и моря картину недурную.

Гавани здѣсь нѣтъ и берега опасны, о чемъ внушительно свидѣтельствуешь шведскій пароходъ *Atlas*, потерпѣвшій крушеніе незадолго до моего приѣзда и лежащій теперь на берегу. Пароходы останавливаются обыкновенно въ верстѣ отъ берега и рѣдко ближе. Пристань есть, но только для катеровъ и баржъ. Это большой, въ нѣсколько сажень срубъ, выдающійся въ море въ видѣ буквы T; толстыя листовныя сваи, крѣпко вбитыя въ дно морское, образуютъ ящики, которые до верху наполнены камнями; настилка изъ досокъ, по ней вдоль всей пристани проложены рельсы для вагонетокъ. На широкомъ концѣ T стоитъ хорошенькій домикъ—контора пристани—и тутъ же высокая черная мачта. Сооруженіе солидное, но не долговѣчное. Во время хорошаго шторма, какъ говорятъ, волна иногда хватаетъ до оконъ домика и брызги долетаютъ даже до мачтовой реи, причемъ дрожить вся пристань.

Возлѣ пристани по берегу, повидимому, безъ дѣла, бродило съ полсотни каторжныхъ: одни въ халатахъ, другіе въ курткахъ или пиджакахъ изъ сѣраго сукна. При моемъ появленіи вся полсотня сняла шапки, — такой чести до сихъ поръ, вѣроятно, не удостоивался еще ни одинъ ли-

тераторъ. На берегу стояла чья-то лошадь, запряженная въ безрессорную линейку. Каторжные взвалили мой багажъ на линейку, человекъ съ черною бородой, въ пиджакъ и въ рубахъ на-выпускъ, сѣлъ на козлы. Мы поѣхали.

— Куда прикажете, ваше высокоблагородіе? — спросилъ онъ, оборачиваясь и снимая шапку.

Я спросилъ, не отдастся ли тутъ гдѣ-нибудь внаймы квартира, хотя бы въ одну комнату.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, отдастся.

Двѣ версты отъ пристани до Александровскаго поста я ѣхалъ по превосходному шоссе. Въ сравненіи съ сибирскими дорогами это чистенькое, гладкое шоссе, съ канавами и фонарями, кажется просто роскошью. Рядомъ съ нимъ проложена рельсовая дорога. Но природа по пути поражаетъ своею бѣдностью. Вверху на горахъ и холмахъ, окружающихъ Александровскую долину, по которой протекаетъ Дуика, обгорѣлые пни, или торчатъ, какъ иглы дикобраза, стволы лиственницъ, высушенныхъ вѣтромъ и пожарами, а внизу по долинѣ кочки и кислые злаки — остатки недавно бывшаго здѣсь непроходимаго болота. Свѣжій разрѣзъ земли въ канавахъ обнажаетъ во всемъ ея убожествѣ болотную перегорѣлую почву съ полувершковымъ слоемъ плохого чернозема. Ни сосны, ни дуба, ни клена, — одна только лиственница, тошная, жалкая, точно огрызенная, которая служить здѣсь не украшеніемъ лѣсовъ и парковъ, какъ у насъ въ Россіи, а признакомъ дурной болотистой почвы и суроваго климата.

Александровскій постъ или, короче, Александровскъ представляетъ изъ себя небольшой благообразный городокъ сибирскаго типа, тысячи на три жителей. Въ немъ нѣтъ ни одной каменной постройки, а все сдѣлано изъ дерева, главнымъ образомъ изъ лиственницы: и церковь, и дома, и тротуары. Здѣсь резиденція начальника острова, центр сахалинской цивилизаціи. Тюрьма находится близъ главной улицы, но по внѣшнему виду она мало отличается отъ военной казармы, и потому Александровскъ совсѣмъ не носитъ того мрачнаго острожнаго характера, какой я ожидалъ встрѣтить.

Возница привезъ меня въ Александровскую слободку, предмѣстье поста, къ крестьянину изъ ссыльных П. Миѣ показали квартиру. Небольшой дворикъ, мощенный по-си-

бирски бревнами, кругомъ навѣсы; въ домѣ пять просторныхъ, чистыхъ комнатъ, кухня, но ни слѣда мебели. Хозяйка, молодая бабенка, принесла столъ, потомъ минутъ черезъ пять табурировать.

— Эта квартира у насъ ходила съ дровами 22 рубля, а безъ дровъ 15,—сказала она.

А когда, часъ спустя, вносила самоваръ, сказала со вздохомъ:

— Заѣхали въ эту пропасть!

Она дѣвушкой пришла сюда съ матерью за отцомъ-ка торжнымъ, который до сихъ поръ еще не отбылъ своего срока; теперь она замужемъ за крестьяниномъ изъ сельныхъ, мрачнымъ старикомъ, котораго я мелькомъ видѣлъ, проходя по двору; онъ былъ боленъ чѣмъ-то, лежалъ на дворѣ подъ навѣсомъ и кряхтѣлъ.

— Теперь у насъ въ Тамбовской губерніи, чай, жнутъ,—сказала хозяйка:—а тутъ глаза бы мои не глядѣли.

И въ самомъ дѣлѣ не интересно глядѣть: въ окно видны грядки съ капустною разсадой, около нихъ безобразныя канавы, вдали маячить тощая, засыхающая листовница. Охая и держась за бока, вошелъ хозяинъ и сталъ мнѣ жаловаться на неурожай, холодный климатъ, нехорошую землю. Онъ благополучно отбылъ каторгу и поселеніе, имѣлъ теперь два дома, лошадей и коровъ, держалъ много работниковъ и самъ ничего не дѣлалъ, былъ женатъ на молодой, а, главное, давно уже имѣлъ право переселиться на материкъ—и, все-таки, жаловался.

Въ полдень я ходилъ по слободкѣ. На краю слободки стоитъ хорошенькій домикъ съ палисадникомъ и съ мѣдною дощечкой на дверяхъ, а возлѣ домика въ одномъ съ нимъ дворѣ лавочка. Я зашелъ купить себѣ чего-нибудь поѣсть. «Торговое дѣло» и «Торгово-комиссіонный складъ»,—такъ называется эта скромная лавочка въ сохранившихся у меня печатномъ и рукописномъ преісъ-курантахъ,—принадлежитъ ссыльно-поселенцу Л., бывшему гвардейскому офицеру, осужденному лѣтъ 12 тому назадъ петербургскимъ окружнымъ судомъ за убійство. Онъ уже отбылъ каторгу и занимается теперь торговлей, исполняетъ также разныя порученія по дорожной и инымъ частямъ, получая за это жалованье старшаго надзирателя. Жена его свободная, изъ дворянокъ, служитъ фельдшерницей въ тюремной больницѣ.

Въ лавочкѣ продаются и звѣздочки къ погонамъ, и рахатъ-лукумъ, и пилы поперечныя, и серпы, и «шапсы дамскія, лѣтнія, самыя модныя, лучшихъ фасоновъ отъ 4 р. 50 к. до 12 р. за штуку». Пока я разговаривалъ съ приказчикомъ, въ лавочку вошелъ самъ хозяинъ въ шелковой жакеткѣ и въ цвѣтномъ галстукѣ. Мы познакомились.

— Не будете ли добры отобѣдать у меня? — предложилъ онъ.

Я согласился и мы пошли въ домъ. Обстановка у него комфортабельная. Вѣнская мебель, цвѣты, американскій аристонъ и гнущее кресло, на которомъ Л. качается послѣ обѣда. Кромѣ хозяйки, я засталъ въ столовой еще четырехъ гостей, чиновниковъ. Одинъ изъ нихъ, старикъ безъ усовъ и съ сѣдыми бакенами, похожій лицомъ на драматурга Ибсена, оказался младшимъ врачомъ мѣстнаго лазарета, другой, тоже старикъ, отрекомендовался штабъ-офицеромъ оренбургскаго казачьяго войска. Съ первыхъ же словъ этотъ офицеръ произвелъ на меня впечатлѣнїе очень добраго человѣка и большого патріота. Онъ кротокъ и добродушно разсудителенъ, но когда говорить о политикѣ, то выходитъ изъ себя и съ неподдѣльнымъ наэосомъ начинаетъ говорить о могуществѣ Россіи и съ презрѣнїемъ о нѣмцахъ и англичанахъ, которыхъ отродясь не видѣлъ. Про него разсказываютъ, что когда онъ, идучи моремъ на Сахалинъ, захотѣлъ въ Сингапурѣ купить своей женѣ шелковый платокъ и ему предложили размѣнять русскія деньги на доллары, то онъ будто бы обидѣлся и сказалъ: «Вотъ еще, стану я мѣнять наши православныя деньги на какія-то эеіопскія!» И платокъ не былъ купленъ.

За обѣдомъ подавали супъ, цыплятъ и мороженое. Было и вино.

— Когда приблизительно идетъ здѣсь послѣдній снѣгъ? — спросилъ я.

— Въ маѣ, — отвѣтилъ Л.

— Неправда, въ іюнѣ, — сказалъ докторъ, похожій на Ибсена.

— Я знаю поселенца, — сказалъ Л.: — у котораго калифорнская пшеница дала самъ-22.

И снятъ возраженіе со стороны доктора:

— Неправда. Ничего вашъ Сахалинъ не даетъ. Проклятая земля.

— Позвольте, однако, — сказалъ одинъ изъ чиновниковъ: — въ 82 году пшеница уродилась самъ-40. Я это отлично знаю.

— Не вѣрьте, — сказалъ мнѣ докторъ. — Это вамъ очки втираютъ.

За обѣдомъ же была разсказана такая легенда: когда русскіе заняли островъ и затѣмъ стали обижать гиляковъ, то гиляцкій шаманъ проклялъ Сахалинъ и предсказалъ, что изъ него не выйдетъ никакого толку.

— Такъ оно и вышло, — вздохнулъ докторъ.

Послѣ обѣда Л. игралъ на аристонѣ. Докторъ пригласилъ меня переѣхать къ нему и въ тотъ же день вечеромъ я поселился на главной улицѣ поста, въ одномъ изъ домовъ, ближайшихъ къ присутственнымъ мѣстамъ. Съ этого вечера началось мое посвященіе въ сахалинскія тайны. Докторъ разсказалъ мнѣ, что незадолго до моего пріѣзда, во время медицинскаго осмотра скота на морской пристани, у него произошло крупное недоразумѣніе съ начальникомъ острова и что будто бы даже, въ концѣ-концовъ, генераль замаршировался на него наложку; на другой же день онъ былъ увозенъ по прошенію, котораго не подавалъ. Докторъ показалъ мнѣ цѣлую кипу бумагъ, написанныхъ имъ, какъ онъ говорилъ, въ защиту правды и изъ человѣческаго любія. Это были копии съ прошеній, жалобъ, рапортовъ и... доносовъ *).

— А генералу не понравится, что вы у меня остановились, — сказалъ докторъ и значительно подмигнулъ глазомъ.

На другой день я былъ съ визитомъ у начальника острова В. О. Кононовича. Несмотря на усталость и недосугъ, генераль меня принялъ чрезвычайно любезно и бесѣдовалъ со мною около часа. Онъ образованъ, начитанъ и, кромѣ того, обладаетъ большою практической опытностью, такъ какъ до своего назначенія на Сахалинъ въ продолженіе 18 лѣтъ завѣдывалъ каторгой на Карѣ; онъ красиво говоритъ и красиво пишетъ и производитъ впечатлѣніе чловѣка искренняго, проникнутаго гуманными стремленіями. Я не могу забыть о томъ удовольствіи, какое

*) Вотъ образецъ доноса по телеграфу: «Долгомъ совѣти, семьсотъ двѣнадцатой статьи, томъ третій, поставленъ необходимость утрудить ваше—ство прибѣгнуть защитѣ правосудія противъ безнаказанности за совершаемые № вихомяство, подлоги, истязанія».

доставляли мнѣ бесѣды съ нимъ, и какъ пріятно въ первое время поражало постоянно высказываемое имъ отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Ж. Кеннанъ въ своей извѣстной книгѣ отзывается о немъ восторженно.

Узнавъ, что я намѣренъ пробыть на Сахалинѣ нѣсколько мѣсяцевъ, генераль предупредилъ меня, что жить здѣсь тяжело и скучно.

— Отсюда всѣ бѣгутъ,— сказалъ онъ:— и каторжные, и поселенцы, и чиновники. Мнѣ еще не хочется бѣжать, но я уже чувствую утомленіе отъ мозговой работы, которой требуется здѣсь такъ много, благодаря, главнымъ образомъ, разбросанности дѣла.

Онъ общалъ мнѣ полное содѣйствіе, но просилъ обождать: на Сахалинѣ готовились къ встрѣчѣ генераль-губернатора и всѣ были заняты.

— А я радъ, что вы остановились у нашего врага, — сказалъ онъ, прощаясь со мной. — Вы будете знать наши слабыя стороны.

До пріѣзда генераль-губернатора я жилъ въ Александровскѣ, въ квартирѣ доктора. Жизнь была не совсѣмъ обыкновенная. Когда я просыпался утромъ, самые разнообразные звуки напоминали мнѣ, гдѣ я. Мимо открытыхъ оконъ по улицѣ, не снѣша, съ мѣрнымъ звономъ проходили кандалные; противъ нашей квартиры въ военной казармѣ солдаты-музыканты разучивали къ встрѣчѣ генераль-губернатора свои марши, и при этомъ флейта играла изъ одной пьесы, тромбонъ изъ другой, фаготъ изъ третьей, и получался невообразимый хаосъ. А въ комнатахъ у насъ неугомонно свистали канарейки и мой хозяинъ-докторъ ходилъ изъ угла въ уголъ и, перелистывая на ходу законы, мыслилъ вслухъ:

— Если на основаніи статьи такой-то я подамъ прошеніе туда-то, и т. д.

Или же онъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ садился писать какую-нибудь клевету. Выйдешь на улицу, тутъ жарко. Жалуются даже на засуху и офицеры ходятъ въ кителяхъ, а это бываетъ не каждое лѣто. Движеніе на улицахъ здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ, и это легко объяснить приготовленіями къ встрѣчѣ начальника края, главнымъ же образомъ—преобладаніемъ въ здѣшнемъ населеніи рабочаго возраста, который боль-

шую часть дня проводить внѣ дома. Къ тому же, здѣсь на небольшомъ пространствѣ струнированы: тюрьма болѣе, чѣмъ на тысячу, и военныя казармы на 500 человекъ. Спѣшно строятъ мостъ черезъ Дуйку, воздвигаютъ арки, чистятъ, красятъ, подметають, маршируютъ. По улицамъ носятся тройки и пары съ колокольчиками,—это готовятъ для генераль-губернатора лошадей. Такая спѣшка, что работаютъ даже въ праздники.

Вотъ по улицѣ, направляясь къ полицейскому управленію, идетъ толпа гиляковъ, здѣшнихъ аборигеновъ. и на нихъ сердито лаютъ смиренныя сахалинскія дворняжки, которые лаютъ почему-то на однихъ только гиляковъ. Вотъ другая группа: кандалные каторжные въ шапкахъ и безъ шапокъ, звеня цѣпями, тащатъ тяжелую тачку съ пескомъ, сзади къ тачкѣ цѣпляются мальчишки, по сторонамъ плетутся конвойные съ потными красными лицами и съ ружьями на плечахъ. Высыпавъ песокъ на площадкѣ передъ домомъ генерала, кандалные возвращаются тою же дорогой назадъ, и звонъ кандаловъ слышится непрерывно. Каторжный въ халатѣ съ бубновымъ тузомъ ходитъ изъ двора во дворъ и продаетъ ягоду голубику. Когда идешь по улицѣ, сидящіе встають и все встрѣчные снимають шапки.

Каторжные и поселенцы, за немногими исключеніями, ходятъ по улицамъ свободно, безъ кандаловъ и безъ конвой, и встрѣчаются на каждомъ шагу толпами и въ одиночку. Они во дворѣ и въ домѣ, потому что они кучера, сторожа, повара, кухарки и няньки. Такая близость въ первое время съ непривычки смущаетъ и приводитъ въ недоумѣніе. Идешь мимо какой-нибудь постройкы, тутъ каторжные съ топорами, пилами и молотками. А ну, думашь, размахнется и трахнетъ! Или придешь къ знакомому и, не заставши дома, сядешь писать ему записку, а сзади въ это время стоитъ и ждетъ его слуга каторжный съ ножомъ, которымъ онъ только-что чистилъ въ кухнѣ картофель. Или, бывало, рано утромъ, часа въ четыре, просыпаешься отъ какого-то шороха, смотришь — къ постели на цыпочкахъ, чуть дыша, крадется каторжный. Что такое? Зачѣмъ? «Сапожки почистить, ваше высокоблагородіе». Скоро я приглядѣлся и привыкъ. Привыкають все, даже женщины и дѣти. Здѣшнія дамы бывають совершенно

покойны, когда отпускають своихъ дѣтей гулять съ няньками безсрочно-каторжными.

Одинъ корреспондентъ пишетъ, что вначалѣ онъ трусилъ чуть не каждаго куста, а при встрѣчахъ на дорогѣ и тропинкахъ съ арестантомъ ошупывалъ подъ пальто револьверъ, потомъ успокоился, придя къ заключенію, что «каторга въ общемъ—стадо барановъ, трусливыхъ, лѣнивыхъ, полуголодныхъ и занскивающихъ». Чтобы думать, что русскіе арестанты не убиваютъ и не грабятъ встрѣчнаго только изъ трусости и лѣни, надо быть очень плохого мнѣнія о человѣкѣ вообще, или не знать человѣка.

Пріамурскій генералъ-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ прибылъ на Сахалинъ 19 іюля, на военномъ суднѣ *Бобръ*. На площади, между домомъ начальника острова и церковью, онъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ, чиновниками и толпою поселенцевъ и каторжныхъ. Играла та самая музыка, о которой я только-что говорилъ. Благообразный старикъ, бывшій каторжный, разбогатѣвшій на Сахалинѣ, по фамиліи Погемкинъ, поднесъ ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ мѣстнаго издѣлія. На площади же стоялъ мой хозяинъ-докторъ въ черномъ фракѣ и въ картузѣ и держалъ въ рукахъ прошеніе. Я въ первый разъ видѣлъ сахалинскую толпу, и отъ меня не укрылась ея печальная особенность: она состояла изъ мужчинъ и женщинъ рабочаго возраста, были старики и дѣти, но совершенно отсутствовали юноши. Казалось, будто возраста отъ 13 до 20 лѣтъ на Сахалинѣ вовсе не существуетъ. И я невольно задалъ себѣ вопросъ: не значить ли это, что молодежь, подрастая, оставляетъ островъ при первой возможности?

На другой же день по пріѣздѣ генералъ-губернаторъ приступилъ къ осмотру тюремъ и поселеній. Всюду поселенцы, ожидавшіе его съ большимъ нетерпѣніемъ, подавали ему прошенія и словесно заявляли просьбы. Говорили каждый за себя или одинъ за все селеніе, и такъ какъ ораторское искусство процвѣтаетъ на Сахалинѣ, то дѣло не обошлось и безъ рѣчей; въ Дербынскомъ поселенцѣ Масловъ въ своей рѣчи нѣсколько разъ назвалъ начальство «всемиловѣишимъ правительствомъ». Къ сожалѣнію, далеко не всѣ, обращавшіеся къ барону А. Н. Корфу, просили того, что нужно. Тутъ, какъ и въ Россіи въ по-

добныхъ случаяхъ, сказалась досадная мужицкая темнота: просили не школь, не правосудія, не заработковъ, а разныхъ пустяковъ: кто казеннаго довольствія, кто усыновленія ребенка, — однимъ словомъ, подавали прошенія, которыя могли быть удовлетворены и мѣстнымъ начальствомъ. А. Н. Корфъ отнесся къ ихъ просьбамъ съ полнымъ вниманіемъ и доброжелательствомъ; глубоко тронутый ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, онъ давалъ обѣщанія и возбуждалъ надежды на лучшую жизнь *). Когда въ Арковѣ помощникъ смотрителя тюрьмы отрапортовалъ: «Въ селеніи Арковѣ все обстоитъ благополучно», баронъ указалъ ему на озимые и яровые входы и сказалъ: «Все благополучно, кромѣ только того, что въ Арковѣ нѣтъ хлѣба». Въ Александровской тюрьмѣ по случаю его пріѣзда арестантовъ кормили свѣжимъ мясомъ и даже оленниной; онъ обошелъ всѣ камеры, принималъ прошенія и приказалъ расковать многихъ кандалныхъ.

22 іюля послѣ молебна и парада (былъ табельный день) приближалъ надзиратель и доложилъ, что генераль-губернаторъ желаетъ меня видѣть. Я отправился. А. Н. Корфъ принялъ меня очень ласково и бесѣдовалъ со мной около получаса. Нашъ разговоръ происходилъ въ присутствіи ген. Кононовича. Между прочимъ, мнѣ былъ предложенъ вопросъ, не имѣю ли я какого-либо officialнаго порученія. Я отвѣтилъ: нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, нѣтъ ли у васъ порученія отъ какого-либо ученаго общества или газеты? — спросилъ баронъ.

У меня въ карманѣ былъ корреспондентскій бланокъ, но такъ какъ я не имѣлъ въ виду печатать что-либо о Сахалинѣ въ газетахъ, то, не желая вводить въ заблужденіе людей, относившихся ко мнѣ, очевидно, съ полнымъ довѣріемъ, я отвѣтилъ: нѣтъ.

— Я разрѣшаю вамъ бывать, гдѣ и у кого угодно, — сказалъ баронъ. — Намъ скрывать нечего. Вы осмотрите здѣсь все, вамъ дадутъ свободный пропускъ во всѣ тюрьмы и поселенія, вы будете пользоваться документами, не-

*) И даже несбыточныя надежды. Въ одномъ селеніи, говори о томъ, что крестьяне изъ ссыльных теперь уже имѣютъ право перѣзда на материкъ, онъ сказалъ: «А потомъ можете и на родину, въ Россію».

обходимыми для вашей работы, — однимъ словомъ, вамъ двери будутъ открыты всюду. Не могу я разрѣшить вамъ только одного: какого бы то ни было общенія съ политическими, такъ какъ разрѣшать вамъ это я не имѣю никакого права.

Отпускная меня, баронъ сказалъ:

— Завтра мы еще поговоримъ. Приходите съ бумагой.

Въ тотъ же день я присутствовалъ на торжественномъ обѣдѣ въ квартирѣ начальника острова. Тутъ я познакомился почти со всею сахалинскою администраціей. За обѣдомъ играла музыка, произносились рѣчи. А. Н. Корфъ, въ отвѣтъ на тостъ за его здоровье, сказалъ короткую рѣчь, изъ которой мнѣ теперь припоминаются слова: «Я убѣдился, что на Сахалинѣ «несчастливымъ» живется легче, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи и даже въ Европѣ. Въ этомъ отношеніи вамъ предстоитъ сдѣлать еще многое, такъ какъ путь добра безконеченъ». Онъ пять лѣтъ назадъ былъ на Сахалинѣ и теперь находилъ прогрессъ значительнымъ, превосходившимъ всякія ожиданія. Его похвальное слово не мирилось въ сознаніи съ такими явленіями, какъ голодъ, повальная проституція ссыльныхъ женщинъ, жестокія тѣлесныя наказанія, но слушатели должны были вѣрить ему: настоящее въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило пять лѣтъ назадъ, представлялось чужь ли не началомъ золотого вѣка.

Вечеромъ была иллюминація. По улицамъ, освѣщеннымъ площадками и бенгальскимъ огнемъ, до поздняго вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрьма была открыта. Рѣка Дуйка, всегда убогая, грязная, съ лысыми берегами, а теперь украшенная по обѣ стороны разноцвѣтными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались въ ней, была на этотъ разъ красива, даже величественна, но и смѣшна, какъ кухаркина дочь, на которую для примѣрки надѣли барышничью шляпу. Въ саду генерала играла музыка и пѣли пѣвчіе. Даже изъ пушки стрѣляли и пушку разорвало. И, все-таки, несмотря на такое веселье, на улицахъ было скучно. Ни пѣсенъ, ни гармоникъ, ни одного пьянаго; люди бродили, какъ тѣни, и молчали, какъ тѣни. Каторга и при бенгальскомъ освѣщеніи остается каторгой, а музыка, когда ее издали слы-

шить человекъ, который никогда уже не вернется на родину, наводитъ только смертную тоску.

Когда я явился къ генералъ-губернатору съ бумагой, онъ изложилъ мнѣ свой взглядъ на сахалинскую каторгу и колонію и предложилъ записать все, сказанное имъ, что я, конечно, исполнилъ очень охотно. Все записанное онъ предложилъ мнѣ озаглавить такъ: «*Описание жизни несчастныхъ*». Изъ нашей послѣдней бесѣды и изъ того, что я записалъ подъ его диктовку, я вынесъ убѣжденіе, что это великодушный и благородный человекъ, но что «жизнь несчастныхъ» была знакома ему не такъ близко, какъ онъ думалъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ описанія: «Никто не лишенъ надежды сдѣлаться полноправнымъ; пожизненности наказанія нѣтъ. Безсрочная каторга ограничивается 20-ю годами. Каторжные работы не тягостны. Трудъ подневольный не даетъ работнику личной пользы—въ этомъ его тягость, а не въ напряженіи физическомъ. Цѣней нѣтъ, часовыхъ нѣтъ, бригитъ головъ нѣтъ».

Дни стояли хорошіе, съ яснымъ небомъ и съ прозрачнымъ воздухомъ, похожіе на наши осенніе дни. Вечера были превосходные; припоминается мнѣ пылающій западъ, темно-синее море и совершенно бѣлая луна, выходящая изъ-за горъ. Въ такіе вечера я любилъ кататься по долинь между постомъ и деревней Ново-Михайловкой; дорога здѣсь гладкая, ровная, рядомъ съ ней рельсовый путь для вагонетокъ, телеграфъ. Чѣмъ дальше отъ Александровска, тѣмъ долина становится уже, потемки густѣютъ, гигантскіе мошухи начинаютъ казаться тропическими растеніями; со всѣхъ сторонъ надвигаются темныя горы. Вонь вдали огня, гдѣ жгутъ уголь, вонь огонь отъ пожара. Восходитъ луна. Вдругъ фантастическая картина: мнѣ навстрѣчу по рельсамъ, подпираясь шестомъ, катитъ на небольшой платформѣ каторжный въ бѣломъ. Становится жутко.

— Не пора ли назадъ?—спрашиваю кучера.

Кучеръ каторжный поворачиваетъ лошадей, потомъ оглядывается на горы и огни и говоритъ:

— Скучно здѣсь, ваше высокоблагородіе. У насъ въ Россіи лучше.

III.

Перепись.— Содержаніе статистическихъ карточекъ.— О чемъ я спрашивалъ и какъ отвѣчали мѣ.— Изба и ея жильцы.— Мѣнія ссыльныхъ о переписи.

Чтобы побывать по возможности во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ и познакомиться поближе съ жизнью большинства ссыльныхъ, я прибѣгнулъ къ приему, который въ моемъ положеніи казался мѣ единственнымъ. Я сдѣлалъ перепись. Въ селеніяхъ, гдѣ я былъ, я обошелъ всѣ избы и записалъ хозяевъ, членовъ ихъ семей, жильцовъ и работниковъ. Чтобы облегчить мой трудъ и сократить время, мѣ любезно предлагали помощниковъ, но такъ какъ, дѣлая перепись, я имѣлъ главною цѣлью не результаты ея, а тѣ впечатлѣнія, которыя даетъ самый процессъ переписи, то я пользовался чужою помощью только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Эту работу, произведенную въ три мѣсяца однимъ человѣкомъ, въ сущности, нельзя назвать переписью; результаты ея не могутъ отличаться точностью и полнотой, но, за неимѣніемъ болѣе серьезныхъ данныхъ ни въ литературѣ, ни въ сахалинскихъ канцеляріяхъ, быть-можетъ, пригодятся и мои цифры.

Для переписи я пользовался карточками, которыя были напечатаны для меня въ типографіи при полицейскомъ управленіи. Самый процессъ переписи заключался въ слѣдующемъ. Прежде всего, на каждой карточкѣ въ первой строкѣ я отмѣчалъ названіе поста или селенія. Во второй строкѣ: номеръ дома по казенной подворной описи. Затѣмъ, въ третьей строкѣ званіе записываемаго: каторжный, поселенецъ, крестьянинъ изъ ссыльныхъ, свободного состоянія. Свободныхъ я записывалъ только въ тѣхъ случаяхъ, если они принимали непосредственное участіе въ хозяйствѣ ссыльнаго, напримѣръ, состояли съ нимъ въ бракѣ, законномъ или незаконномъ, и вообще принадлежали къ семьѣ его, или проживали въ его избѣ въ качествѣ работника или жильца и т. п. Званію въ сахалинскомъ обиходѣ придается большое значеніе. Каторжнаго, несомнѣнно, стѣсняеть его званіе; на вопросъ, какого онъ званія, онъ отвѣчаетъ: «рабочій». Если же до каторги онъ былъ солдатомъ, то непременно добавляетъ еще къ этому: «изъ солдатъ, ваше высокоблагородіе». Отбывъ яли, какъ самъ онъ выражается,

отслуживъ свой срокъ, онъ становится поселенцемъ. Это новое званіе не считается низкимъ уже потому, что слово поселенецъ мало чѣмъ отличается отъ поселянина, не говоря уже о правахъ, какія сопряжены съ этимъ званіемъ. На вопросъ, кто онъ, поселенецъ обыкновенно отвѣчаетъ такъ: «вольный». Черезъ десять, а при благоприятныхъ условіяхъ, оговоренныхъ въ уставѣ о ссыльныхъ, черезъ шесть лѣтъ поселенецъ получаетъ званіе крестьянина изъ ссыльныхъ. На вопросъ, какого онъ званія, крестьянинъ отвѣчаетъ не безъ достоинства, какъ будто ужъ не можетъ идти въ счетъ съ прочими и отличается отъ нихъ чѣмъ-то особеннымъ: «Я крестьянинъ». Но безъ прибавки «изъ ссыльныхъ». Я не спрашивалъ ссыльныхъ о прежнемъ ихъ званіи, такъ какъ по этому пункту въ канцеляріяхъ имѣется достаточно свѣдѣній. Сами они, кромѣ солдатъ, ни мѣщане, ни купцы, ни духовные, не распространяются насчетъ своего утеряннаго званія, какъ будто оно уже забыто, а называютъ свое прежнее состояніе коротко — волей. Если кто заводитъ разговоръ о своемъ прошломъ, то обыкновенно начинаетъ такъ: «Когда я жилъ на волѣ...» и т. д.

Четвертая строка: имя, отчество и фамилія. Насчетъ имени могу только вспомнить, что я, кажется, не записалъ правильно ни одного женскаго татарскаго имени. Въ татарской семьѣ, гдѣ много дѣвочекъ, а отецъ и мать едва понимаютъ по-русски, трудно добиться толку и приходится записывать наугадъ. И въ казенныхъ бумагахъ татарскія имена пишутся тоже неправильно.

Случается, что православный русскій мужичокъ на вопросъ, какъ его зовутъ, отвѣчаетъ не шутя: «Карль». Это бродяга, который по дорогѣ смѣнился именемъ съ какимъ-то нѣмцемъ. Такихъ, помнится, записано мною двое: Карль Лангеръ и Карль Карловъ. Есть каторжный, котораго зовутъ Наполеономъ. Есть женщина бродяга Прасковья, она же Марья. Что касается фамилій, то по какой-то странной случайности на Сахалинѣ много Богдановыхъ и Безпаловыхъ. Много курьезныхъ фамилій: Шкандыба, Желудокъ, Безбожный, Зѣвака. Татарскія фамиліи, какъ мнѣ говорили, сохраняютъ и на Сахалинѣ, несмотря на лишеніе всѣхъ правъ состоянія, приставки и частицы, означающія высокія званія и титулы. Насколько это вѣрно, не знаю, но хановъ, султановъ и оглы записалъ я не мало. У бро-

дытъ самое употребительное имя Иванъ, а фамилія Непомнящій. Вотъ нѣсколько бродяжескихъ прозвищъ: Муштафа Непомнящій, Василій Безотечества, Францъ Непомнящій, Иванъ Непомнящій 20 лѣтъ, Яковъ Безпрозванія, бродяга Иванъ 35 лѣтъ *), Человѣкъ Неизвѣстнаго Званія.

Въ этой же строкѣ я отмѣчалъ отношенія записываемаго къ хозяину: жена, сынъ, сожительница, работникъ, жилецъ, сынъ жильца и т. д. Записывая дѣтей, я отличалъ законно и незаконно рожденныхъ, родныхъ и пріемныхъ. Кстати сказать, пріемыши часто встрѣчаются на Сахалинѣ, и мнѣ приходилось записывать не только пріемныхъ дѣтей, но и пріемныхъ отцовъ. Многіе изъ живущихъ въ избахъ относятся къ хозяевамъ какъ совладѣльцы или половинчики. Въ обоихъ сѣверныхъ округахъ на одномъ участкѣ сидятъ по два и даже по три владѣльца и такъ—больше, чѣмъ въ половинѣ хозяйствъ; поселенецъ садится на участокъ, строитъ домъ и обзаводится хозяйствомъ, а черезъ два-три года ему сажаютъ совладѣльца, или же одинъ участокъ даютъ сразу двумъ поселенцамъ. Это происходитъ отъ нежеланья и неумѣнья администраціи пріискивать новыя мѣста для поселеній. Бываетъ и такъ, что отбывшій каторгу проситъ, чтобы ему позволили поселиться въ такомъ посту или селеніи, гдѣ усадебныхъ мѣстъ уже нѣтъ, и его поневолѣ приходится сажать уже на готовое хозяйство. Количество совладѣльцевъ особенно увеличивается послѣ объявленія высочайшихъ манифестовъ, когда администрація бываетъ вынуждена пріискивать мѣста сразу для нѣсколькихъ сотенъ душъ.

Пятая строка: возрастъ. Женщины, которымъ уже за сорокъ, плохо помнятъ свои лѣта и отвѣчаютъ на вопросъ, подумавъ. Армяне изъ Эриванской губ. совсѣмъ не знаютъ своего возраста. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «Можетъ, тридцать, а можетъ, уже и пятьдесятъ». Въ такихъ случаяхъ приходилось опредѣлять возрастъ приблизительно, на глазъ, и потомъ провѣрять по статейному списку. Молодежь 15 и постарше обыкновенно убавляетъ свои лѣта. Иная уже невѣста или давно уже занимается проституціей, а все еще 13—14 лѣтъ. Дѣло въ томъ, что дѣти и под-

*) Это число составляетъ часть фамиліи. Въ дѣйствительности ему 48 лѣтъ.

ростки въ бѣдѣйшихъ семьяхъ получаютъ отъ казны кормовыя, которыя выдаются только до 15 лѣтъ, и тутъ молодыхъ людей и ихъ родителей простой расчетъ побуждаетъ говорить неправду.

Шестая строка относилась къ вѣроисповѣданію.

Седьмая: гдѣ родился? На этотъ вопросъ мнѣ отвѣчали безъ малѣйшаго затрудненія, и только бродяги отвѣчали какимъ-нибудь острожнымъ каламбуромъ или «не помню». Дѣвица Наталья Непомнящая, когда я спросилъ ее, какой она губерніи, сказала мнѣ: «всѣхъ понемножку». Землики замѣтно держатся другъ друга, вмѣстѣ ведутъ компанію и, коли бѣгутъ, то тоже вмѣстѣ; тулякъ предпочитаетъ идти въ совладѣльцы къ туляку, бакинецъ къ бакинцу. Повидимому, существуютъ землячества. Когда случалось спрашивать про отсутствующаго, то земляки давали о немъ самыя подробныя свѣдѣнія.

Восьмая строка: съ какого года на Сахалинѣ? Рѣдкій сахалинецъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ сразу, безъ напряженія. Годъ прибытія на Сахалинъ — годъ страшнаго несчастья, а, между тѣмъ, его не знаютъ или не помнятъ. Спрашиваешь каторжную бабу, въ какомъ году ее привезли на Сахалинъ, а она отвѣчаетъ вяло, не думая: «Кто-жъ его знаетъ? Должно, въ 83-мъ». Вмѣшивается мужъ или сожитель: «Ну, что зря языкомъ болтать? Ты пришла въ 85-мъ». — «Можетъ, и въ 85-мъ», — соглашается она со вздохомъ. Начинаетъ считать и мужикъ выходитъ правъ. Мужчины не такъ туги, какъ бабы, но и они даютъ отвѣтъ не сразу, а подумавъ и поговоривъ.

— Тебя въ какомъ году пригнали на Сахалинъ? — спрашиваю я поселенца.

— Я одного сплава съ Гладкимъ, — говоритъ онъ неуверенно, поглядывая на товарищей.

Гладкій перваго сплава, а первый сплавъ, т. е. первый Добровolecъ, пришелъ на Сахалинъ въ 1879 г. Такъ и записываю. Или бываетъ такой отвѣтъ: «Въ каторгѣ я пробылъ шесть лѣтъ, да вотъ въ поселенцахъ ужъ третій годъ... Вотъ и считайте». — «Значитъ ты на Сахалинѣ уже девятый годъ?» — «Никакъ нѣтъ. До Сахалина я еще въ централѣ отсидѣлъ два года». И т. д. Или такой отвѣтъ: «Я пришелъ въ тотъ годъ, когда Дербина убили». Или: «Тогда Мицуль померъ». Для меня было особенно важно

получать вѣрные отвѣты отъ тѣхъ, которые пришли сюда въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ; мнѣ хотѣлось не пропустить ни одного изъ нихъ, что, по всей вѣроятности, не удалось мнѣ. Сколько уцѣлѣло изъ тѣхъ, которые пришли сюда 20—25 лѣтъ назадъ?—вопросъ, можно сказать, роковой для сахалинской колонизаціи.

Въ девятой строкѣ я записывалъ главное занятіе и ремесло.

Въ десятой—грамотность. Обыкновенно, вопросъ предлагаютъ въ такой формѣ: «знаешь ли грамотѣ? — я же спрашивалъ такъ: «умѣешь ли читать?»—и это во многихъ случаяхъ спасало меня отъ невѣрныхъ отвѣтовъ, потому что крестьяне, не пишущіе и умѣющіе разбирать только по-печатному, называютъ себя неграмотными. Есть и такіе, которые изъ скромности прикидываются невѣждами. «Гдѣ ужъ намъ? Какая наша грамота?» — и лишь при повтореніи вопроса говорятъ: «Разбиралъ когда-то по-печатному, да теперь, знать, забылъ. Народъ мы темный, одно слово—мужики». Неграмотными называютъ себя также плохо видящіе глазами и слѣпые.

Одиннадцатая относилась къ семейному состоянію: женатъ, вдовъ, холостъ? Если женатъ, то гдѣ: на родинѣ, на Сахалинѣ? Слова «женатъ, вдовъ, холостъ» на Сахалинѣ еще не опредѣляютъ семейнаго положенія; здѣсь очень часто женатые бываютъ обречены на одинокую безбрачную жизнь, такъ какъ супруги ихъ живутъ на родинѣ и не даютъ имъ развода, а холостые и вдовы живутъ семейно и имѣютъ по подюжинѣ дѣтей; поэтому ведущихъ холостую жизнь не формально, а на самомъ дѣлѣ, хотя бы они значились женатыми, я считалъ не лишнимъ отмѣчать словомъ «одинокъ». Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Россіи незаконный бракъ не имѣетъ такого широкаго и гласнаго распространенія и нигдѣ онъ не облеченъ въ такую оригинальную форму, какъ на Сахалинѣ. Незаконное или, какъ называютъ здѣсь, свободное сожительство не встрѣчаетъ себѣ противниковъ ни въ начальствѣ, ни въ духовенствѣ, а, наоборотъ, поощряется и санкціонируется. Есть поселенія, гдѣ не встрѣтишь ни одного законнаго сожительства. Свободныя пары составляютъ хозяйства на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и законныя; онѣ рождаютъ для колоніи дѣтей, а потому нѣтъ причинъ при регистраціи создавать для нихъ особыя правила.

Наконецъ, двѣнадцатая строка: получаетъ ли пособіе отъ казны? Изъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ я хотѣлъ выяснитъ, какая часть населенія не въ состояніи обойтись безъ матеріальной поддержки отъ казны, или, другими словами, кто кормитъ колонію: она сама себя или казна? Пособіе отъ казны, кормовое или вещевое, или денежное, обязательно получаютъ всѣ каторжные, поселенцы въ первые годы по отбытіи каторги, богадѣльщики и дѣти бѣднѣйшихъ семей. Кромѣ этихъ официально признанныхъ пенсионеровъ, я отмѣтилъ живущими на счетъ казны также и тѣхъ ссыльныхъ, которые получаютъ отъ нея жалованье за разные услуги, напримѣръ: учителя, писаря, надзиратели и т. п. Но отвѣтъ получился неполный. Кромѣ обычныхъ пайковъ, кормовыхъ и жалованій, въ широкихъ размѣрахъ практикуется еще выдача такихъ пособій, которыя невозможно отмѣтить на карточкахъ, напримѣръ: пособіе при вступленіи въ бракъ, покупка у поселенцевъ зерна по умышленно дорогой цѣнѣ, а, главное, выдача сѣмянъ, скота и пр. въ долгъ. Иной поселенецъ долженъ въ казну нѣсколько сотъ рублей и никогда ихъ не отдастъ, но я поневолѣ долженъ былъ записать его не получающимъ пособія.

Каждую женскую карточку я перечеркивалъ вдоль краснымъ карандашомъ и нахожу, что это удобнѣе, чѣмъ имѣть особую рубрику для отмѣтки пола. Я записывалъ только наличныхъ членовъ семьи; если мнѣ говорили, что старшій сынъ уѣхалъ во Владивостокъ на заработки, а второй служить въ селеніи Рыковскомъ въ работникахъ, то я перваго не записывалъ вовсе, а втораго заносилъ на карточку въ мѣстѣ его жительства.

Я ходилъ изъ избы въ избу одинъ; иногда сопровождалъ меня какой-нибудь каторжный или поселенецъ, бравшій на себя отъ скуки роль проводника. Иногда за мной, или на нѣкоторомъ разстояніи, слѣдовалъ, какъ тѣнь, надзиратель съ револьверомъ. Это посылали его на случай, если я потребую какихъ-нибудь разъясненій. Когда я обращался къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ, то лобъ у него мгновенно покрывался потомъ и онъ отвѣчалъ: «Не могу знать, ваше высокоблагородіе!» Обыкновенно, спутникъ мой, босой и безъ шапки, съ моею чернильницей въ рукахъ, забѣгалъ впередъ, шумно отворялъ дверь и въ сѣняхъ успѣвалъ что-то шепнуть хозяину—вѣроятно, свои предположенія на-

счетъ моей переписи. Я входилъ въ избѣ. На Сахалинѣ попадаются избы всякаго рода, смотря по тому, кто строилъ—сибирякъ, хохоль или чухонецъ, но чаще всего—это небольшой срубъ, аршинъ въ шесть, двухъ или трехъ-оконный, безъ всякихъ наружныхъ украшеній, крытый соломой, корьемъ и рѣдко тесомъ. Двора обыкновенно нѣтъ. Возлѣ ни одного деревца. Сарайшко или банька на сибирскій манеръ встрѣчаются рѣдко. Если есть собаки, то вялые, не злыя, которыя, какъ я говорилъ уже, лаютъ на однихъ только гиляковъ, вѣроятно, потому, что тѣ носятъ обувь изъ собачьей шкуры. И почему-то эти смиренныя, безобидныя собаки на привязи. Если есть свинья, то съ колдкой на шеѣ. Пѣтухъ тоже привязанъ за ногу.

— Зачѣмъ это у тебя собака и пѣтухъ привязаны?— спрашиваю хозяина.

— У насъ на Сахалинѣ всѣ на дѣли,—острить онъ въ отвѣтъ.—Земля ужъ такая.

Въ избѣ одна комната, съ русскою печкой. Полы деревянные. Столъ, два-три табурета, скамья, кровать съ постелью, или же постлано прямо на полу. Или такъ, что нѣтъ никакой мебели и только среди комнаты лежитъ на полу перина, и видно, что на ней только-что спали; на окнѣ чашка съ объѣдками. По обстановкѣ это не изба, не комната, а скорѣе камера для одиночнаго заключенія. Гдѣ есть женщины и дѣти, тамъ, какъ бы ни было, похоже на хозяйство и на крестьянство, но все же и тамъ чувствуется отсутствіе чего-го важнаго; нѣтъ дѣда и бабки, нѣтъ старыхъ образовъ и дѣдовской мебели, стало-быть, хозяйству недостаетъ прошлаго, традицій. Нѣтъ краснаго угла, или онъ очень бѣденъ и тусклъ, безъ лампады и безъ украшеній,—нѣтъ обычаевъ; обстановка носитъ случайный характеръ и похоже, какъ будто семья живетъ не у себя дома, а на квартирѣ, или будто она только-что пріѣхала и еще не успѣла освоиться; нѣтъ кошки, по зимнимъ вечерамъ не бываетъ слышно сверчка... а, главное, нѣтъ родины.

Картины, которыя я встрѣчалъ, обыкновенно не говорили мнѣ о домовитости, уютности и о прочности хозяйствъ. Чаще всего я встрѣчалъ въ избѣ самого хозяина, одинокаго, скукающаго бобыля, который, казалось, оконченъ отъ вынужденнаго бездѣлья и скуки; на немъ вольное платье, но по привычкѣ шинель накинута на плечи по-арестантски

и, если онъ недавно вышелъ изъ тюрьмы, то на столѣ у него валяется фуражка безъ козырька. Печка не топлена, посуды только и есть, что котелокъ, да бутылка, заткнутая бумажкой. Самъ онъ о своей жизни и о своемъ хозяйствѣ отзывается насмѣшливо, съ холоднымъ презрѣніемъ. Говорить, что уже всякіе способы перепробовалъ, но никакого толку не выходитъ; остается одно: махнуть на все рукой. Пока говоришь съ нимъ, въ избу собираются сосѣди и начинается разговоръ на разныя темы: о начальствѣ, климатѣ, женщинахъ... Отъ скуки всѣ готовы говорить и слушать безъ конца. Бываетъ и такъ, что, кромѣ хозяина, застаешь въ избѣ еще цѣлую толпу жильцовъ и работниковъ; на порогѣ сидитъ жилецъ-каторжный съ ремешкомъ на волосахъ и шьетъ чирки; пахнетъ кожей и сапожнымъ варомъ; въ сѣняхъ на лохмотьяхъ лежатъ его дѣти и тутъ же въ темномъ и тѣсномъ углу его жена, пришедшая за нимъ добровольно, дѣлаетъ на маленькомъ столикѣ вареники съ голубикой; это недавно прибывшая изъ Россіи семья. Дальше, въ самой избѣ, человѣкъ пять мужчинъ, которые называютъ себя кто—жилцомъ, кто—работникомъ, а кто—жителемъ; одинъ стоитъ около печки и, надувъ щеки, выпучивъ глаза, паяетъ что-то; другой, очевидно, шутъ, съ дѣланно-глупою физиономіей, бормочетъ что-то, остальные хохочутъ въ кулаки. А на постели сидитъ вавилонская блудница, сама хозяйка Лукерья Непомнящая, лохматая, тощая, съ веснушками; она старается посмѣшнѣе отвѣчать на мои вопросы и болтаетъ при этомъ ногами. Глаза у нея нехорошіе, мутные, и по испитому, апатичному лицу я могу судить, сколько на своемъ еще короткомъ вѣку переиспытала она тюремъ, эталовъ, болѣзней. Эта Лукерья задаетъ въ избѣ общій тонъ жизни и, благодаря ей, на всей обстановкѣ сказывается близость ошалѣлаго, безпутнаго бродяги. Тутъ ужъ о серьезномъ хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи. Приходилось также заставать въ избѣ цѣлую компанію, которая до моего прихода играла въ карты; на лицахъ смущеніе, скука и ожиданіе: когда я уйду, чтобы опять можно было приняться за карты? Или входишь въ избу, и намека нѣтъ на мебель, печь голая, а на полу у стѣнъ рядышкомъ сидятъ черкесы, одни въ шапкахъ, другіе съ непокрытыми, стриженными и, повидимому, очень жесткими головами, и смотрятъ на меня, не мигая. Если я заставалъ

дома одну только сожительницу, то обыкновенно она лежала въ постели, отвѣчала на мои вопросы, зѣвая и потягиваясь, и, когда я уходилъ, опять ложилась.

Ссылное населеніе смотрѣло на меня, какъ на лицо официальное, а на перепись—какъ на одну изъ тѣхъ формальныхъ процедуръ, которыя здѣсь такъ часты и обыкновенно ни къ чему не ведутъ. Впрочемъ, то обстоятельство, что я не здѣшній, не сахалинскій чиновникъ, возбуждало въ ссыльныхъ нѣкоторое любопытство. Меня спрашивали:

— Зачѣмъ это вы всѣхъ насъ записываете?

И тутъ начинались разныя предположенія. Одни говорили, что, вѣроятно, высшее начальство хочетъ распределить пособіе между ссыльными, другіе—что, должно-быть, ужъ рѣшили, наконецъ, переселять всѣхъ на материкъ,—а здѣсь упорно и крѣпко держится убѣжденіе, что рано или поздно каторга съ поселеніями будетъ переведена на материкъ,—третьи, прикидываясь скептиками, говорили, что они не ждутъ уже ничего хорошаго, такъ какъ отъ нихъ самъ Богъ отказался, и это для того, чтобы вызвать съ моей стороны возраженіе. А изъ сѣней или съ печки, какъ бы въ насмѣшку надъ всѣми этими надеждами и догадками, доносился голосъ, въ которомъ слышались усталость, скука и досада на безпокойство:

— И все они пишутъ, и все они пишутъ, и все они пишутъ, Царица Небесная!

Голодать и, вообще, терпѣть какія-либо лишенія во время моихъ разъѣздовъ по Сахалину мнѣ не приходилось. Я читалъ, будто агрономъ Микуль, изслѣдуя островъ, терпѣлъ сильную нужду, и даже вынужденъ былъ съѣсть свою собаку. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились. Теперешній агрономъ ѣздитъ по отличнымъ дорогамъ; даже въ самыхъ бѣдныхъ селеніяхъ есть надзирательскія, или такъ-называемыя станки, гдѣ всегда можно найти теплое помѣщеніе, самоваръ и постель. Изслѣдователи, когда отправляются вглубь острова, въ тайгу, то берутъ съ собой американскіе консервы, красное вино, тарелки, вилки, подушки и все, что только можно взвалить на плечи каторжнымъ, замѣняющимъ на Сахалинѣ вьючныхъ животныхъ. Случается и теперь, что люди питаются гнилушками съ солью и даже поѣдаютъ другъ друга, но это относится не къ турнстамъ и не къ чиновникамъ.

Въ слѣдующихъ главахъ я буду описывать посты и селенія и попутно знакомить читателя съ каторжными работами и тюрьмами, поскольку я самъ успѣлъ познакомиться съ ними въ короткое время. На Сахалинѣ каторжныя работы разнообразны въ высшей степени; онѣ не специализировались на золотѣ или углѣ, а обнимаютъ весь обиходъ сахалинской жизни и разбросаны по всѣмъ населеннымъ мѣстамъ острова. Корчовка лѣса, постройки, осушка болотъ, рыбныя ловли, сѣнокосъ, нагрузка пароходовъ,—все это виды каторжныхъ работъ, которыя по необходимости до такой степени слились съ жизнью колоніи, что выдѣлять ихъ и говорить о нихъ, какъ о чемъ-то самостоятельномъ существующемъ на островѣ, можно развѣ только при извѣстномъ рутинномъ взглядѣ на дѣло, который на каторгѣ ищетъ, прежде всего, рудниковъ и заводскихъ работъ.

Я начну съ Александровской долины, съ селеній, расположенныхъ на рѣкѣ Дуйкѣ. На Сѣверномъ Сахалинѣ эта долина была первая избрана для поселеній не потому, что она лучше всѣхъ изслѣдована или отвѣчаетъ цѣлямъ колонизаціи, а просто случайно, благодаря тому обстоятельству, что она была ближайшей къ Дуэ, гдѣ впервые возникла каторга.

IV.

Рѣка Дуйка.—Александровская долина.—Слободка Александровка.—Бродяга Красивый.—Александровскій постъ.—Его прошлое.—Юрты.—Сахалинскій Парижъ.

Рѣка Дуйка или, какъ ее иначе называютъ, Александровка въ 1881 г., когда ее изслѣдовалъ зоологъ Поляковъ, въ своемъ нижнемъ теченіи имѣла до десяти саженей въ ширину, на берега ея были намыты громадныя кучи деревьевъ, обрушившихся въ воду, низина во многихъ мѣстахъ была покрыта старымъ лѣсомъ изъ пихты, лиственницы, ольхи и лѣсной ивы и кругомъ стояло непроходимое топкое болото. Въ настоящее же время эта рѣка имѣетъ видъ длинной узкой лужи. Шириной, совершенно голыми берегами и своимъ слабымъ теченіемъ она напоминаетъ московскую Канаву.

Надо прочесть у Полякова описаніе Александровской долины и взглянуть на нее теперь, хотя мелькомъ, чтобы понять, какая масса тяжкаго, воистину каторжнаго труда

уже потрачена на культуру этого мѣста. «Съ высоты сосѣднихъ горъ,—пишетъ Поляковъ: — Александровская долина кажется спертою, глухою и лѣсистою... огромный хвойный лѣсъ покрываетъ значительныя пространства на двѣ ея». Онъ описываетъ болота, непроходимыя трясины, отвратительную почву и лѣса, гдѣ, «кромѣ громадныхъ, стоящихъ на корню деревьевъ, почва нерѣдко усѣяна огромными полусгнившими стволами, свалившимися отъ старости или отъ бурь; между стволами у корней деревьевъ торчатъ часто кочки, заросшія мхомъ, рядомъ съ ними ямы и рытвины». Теперь же на мѣстѣ тайги, трясинъ и рытвинъ стоитъ цѣлый городъ, проложены дороги, зелѣнѣютъ луга, ржаныя поля и огороды, и слышатся уже жалобы на недостатокъ лѣсовъ. Къ этой массѣ труда и борьбы, когда въ трясинѣ работали по поясъ въ водѣ, прибавить морозы, холодные дожди, тоску по родинѣ, обиды, розги и—въ воображеніи встанутъ страшныя фигуры. И не даромъ одинъ сахалинскій чиновникъ, добрякъ, всякій разъ, когда мы вдвоемъ ѣхали куда-нибудь, читалъ мнѣ Некрасовскую *Жельзную дорогу*.

Около самаго устья въ Дуйку, съ правой стороны, впадаетъ небольшая рѣчка, которая называется Малою Александровкой. По обѣ ея стороны расположено селеніе *Александровское* или Слободка. О ней я уже упоминалъ. Она составляетъ предмѣстье поста и уже слилась съ нимъ, но такъ какъ она отличается отъ него нѣкоторыми особенностями и живетъ самостоятельно, то о ней слѣдуетъ говорить особо. Это одно изъ самыхъ старыхъ селеній. Колонизація началась здѣсь вскорѣ послѣ учрежденія въ Дуэ каторжныхъ работъ. Выбрать именно это мѣсто, а не какое-нибудь другое, побудили,—какъ пишетъ Мицуль:—роскошныя луга, хорошій строевой лѣсъ, судоходная рѣчка, плодородная земля... «Повидимому, — пишетъ этотъ фанатикъ, видѣвшій въ Сахалинѣ обѣтованную землю, — нельзя было и сомнѣваться въ успѣшномъ исходѣ колонизаціи, но изъ 8 человекъ, высланныхъ съ этою цѣлью на Сахалинъ въ 1862 г., только 4 поселились около рѣчки Дуйки». Но что могли сдѣлать эти 4? Они обрабатывали землю киркой и заступомъ, сѣяли, случалось, весной, вмѣсто яровыхъ, озимые, и кончили тѣмъ, что стали проситься на материкъ. Въ 1869 г. на мѣстѣ Слободки была основана сельскохо-

зяйственная ферма. Тут предполагалось рѣшить очень важный вопросъ: возможно ли рассчитывать на успѣшность примѣненія къ сельскому хозяйству принудительнаго труда ссыльныхъ? Каторжные въ теченіе трехъ лѣтъ корчевали, строили дома, осушали болота, проводили дороги и занимались хлѣбопашествомъ, но по отбытіи срока не пожелали остаться здѣсь и обратились къ генераль-губернатору съ просьбой о переводѣ ихъ на материкъ, такъ какъ хлѣбопашество не давало ничего, а заработковъ не было. Просьба ихъ была уважена. Но то, что называлось фермой, продолжало существовать. Дуйскіе каторжные съ теченіемъ времени становились поселенцами, изъ Россіи прибывали каторжные съ семьями, которыхъ нужно было сажать на землю; приказано было считать Сахалинъ землею плодородною и годною для сельскохозяйственной колоніи, и гдѣ жизнь не могла привиться естественнымъ порядкомъ, тамъ она мало-по-малу возникла искусственнымъ образомъ, принудительно, цѣной крупныхъ денежныхъ затратъ и человѣческихъ силъ. Въ 1879 г. д-ръ Августиновичъ засталъ уже въ Слободкѣ 28 домовъ *).

Въ настоящее время въ Слободкѣ 15 хозяйствъ. Дома здѣсь крытые тесомъ, просторные, иногда въ нѣсколько комнатъ, хорошія надворныя постройки, при усадьбахъ огороды. На каждые два дома приходится одна баня.

Всего показано въ описи подъ пашней $39\frac{3}{4}$, подъ сѣнокосомъ $24\frac{1}{2}$ дес. Лошадей 23 и рогатаго скота, крупнаго и мелкаго, 47.

По составу своихъ хозяевъ, Слободка считается аристократическимъ селеніемъ: одинъ надворный совѣтникъ, женатый на дочери поселенца, одинъ свободный, прибывшій на островъ за матерью каторжною, семь крестьянъ изъ ссыльныхъ, четыре поселенца и только два каторжныхъ.

Изъ 22 семей, живущихъ здѣсь, только 4 незаконныя. И по возрастному составу населенія Слободка приближается къ нормальной деревнѣ; рабочей возрастъ не преобладаетъ такъ рѣзко, какъ въ другихъ селеніяхъ, тутъ есть и дѣти, и юноши, и старики 65 и даже 75 лѣтъ.

*) *Августиновичъ*: «Нѣсколько свѣдѣній о Сахалинѣ». Извлеченіе изъ путевого журнала. *Современность*, 1880 г., № 1. Есть еще его статья: *Пребываніе на о. Сахалинѣ. Правительственный Вѣстникъ*, 1879 г., № 276.

Чѣмъ же, спрашивается, объяснить такое сравнительно благополучное состояніе Слободки даже въ виду заявленій самихъ же мѣстныхъ хозяевъ, что «хлѣбопашествомъ здѣсь не проживешь»? Въ отвѣтъ можно бы указать на нѣсколько причинъ, которыя при обычныхъ условіяхъ располагаютъ къ правильной оспѣдой, зажиточной жизни. Напримѣръ, большой процентъ старожиловъ, прибывшихъ на Сахалинъ до 1880 года и уже успѣвшихъ привыкнуть къ здѣшней землѣ и освоиться. Очень важно также, что за 19-ю мужами прибыли на Сахалинъ ихъ жены, и почти всѣ садившіеся на участки имѣли уже семьи. Женщинъ сравнительно достаточно, такъ что одиноко живущихъ только 9, причемъ ни одинъ не живетъ бобылемъ. Вообще Слободкѣ посчастливилось и, какъ на одно изъ благопріятныхъ обстоятельствъ, можно еще указать на высокій процентъ грамотныхъ: 26 мужчинъ и 11 женщинъ.

Не говоря о надворномъ совѣтникѣ, занимающемъ на Сахалинѣ должность землемѣра, почему хозяева свободнаго состоянія и крестьяне изъ ссыльныхъ не уходятъ на материкъ, если имѣютъ на то право? Говорятъ, удерживаютъ ихъ въ Слободкѣ успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ, но вѣдь это относится не ко всѣмъ. Вѣдь слободскіе сѣнокосы и пахотная земля находятся въ пользованіи не у всѣхъ хозяевъ, а лишь у нѣкоторыхъ. Луга и скотъ есть только у 8 хозяевъ, пашутъ землю 12, и, какъ бы ни было, размѣры сельскаго хозяйства здѣсь не настолько серьезны, чтобы ими можно было объяснить исключительно хорошее экономическое положеніе. Постороннихъ заработковъ нѣтъ никакихъ, ремеслами не занимаются и одинъ лишь Л., бывший офицеръ, имѣетъ лавочку. Официальныхъ данныхъ, которыя бы объяснили, почему жители Слободки богаты, тоже нѣтъ, и потому за рѣшеніемъ загадки поневолѣ приходится обратиться къ единственному въ этомъ случаѣ источнику — къ дурной славѣ. Въ прежнее время въ Слободкѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ производилась тайная торговля спиртомъ. На Сахалинѣ строго запрещены ввозъ и продажа спирта, и это создало особый видъ контрабанды. Спиртъ привозили и въ жестянкахъ, имѣвшихъ форму сахарной головы, и въ самоварахъ, и чутъ ли не въ поясахъ, а чаще всего просто въ бочкахъ и въ обыкновенной посудѣ, такъ какъ мелкое начальство было под-

куплено, а крупное смотрѣло сквозь пальцы. Въ Слободкѣ бутылка плохой водки продавалась за 6 и даже 10 рублей; всѣ тюрьмы Сѣвернаго Сахалина получали водку именно отсюда. Не брезговали ею и горькіе пьяницы изъ чиновниковъ; я знаю одного такого, который во время запоя за бутылку спирта отдавалъ арестантамъ буквально послѣднее.

Въ настоящее время насчетъ спирта въ Слободкѣ стало гораздо потише. Теперь поговариваютъ о другомъ промыслѣ—о торговлѣ старыми арестантскими вещами— «баррахломъ». Скупаютъ за безцѣнокъ халаты, рубахи, полушубки, и всю эту рвань сплавляютъ для сбыта въ Николаевскъ. Затѣмъ еще тайныя судныя кассы. Баронъ А. Н. Корфъ какъ-то въ разговорѣ назвалъ Александровскій постъ сахалинскимъ Парижемъ. Все, что есть въ этомъ шумномъ и голодномъ Парижѣ увлекающагося, пьянаго, азартнаго, слабого, когда хочется выпить или сбыть краденое, или продать душу нечистому, идетъ именно въ Слободку.

На пространствѣ между морскимъ берегомъ и постомъ, кромѣ рельсовой дороги и только-что описанной Слободки, есть еще одна достопримѣчательность. Это перевозъ черезъ Дуйку. На водѣ, вмѣсто лодки или парома, большой, совершенно квадратный ящикъ. Капитаномъ этого единственнаго въ своемъ родѣ корабля состоитъ каторжный Красивый, не помнящій родства. Ему уже 71 годъ. Горбать, лопатки выпятились, одно ребро сломано, на рукѣ нѣтъ большого пальца и на всемъ тѣлѣ рубцы отъ плетей и шпицрутеновъ, полученныхъ имъ когда-то. Сѣдыхъ волосъ почти нѣтъ; волосы какъ бы полиняли, глаза голубые, ясные, съ веселымъ добродушнымъ взглядомъ. Одѣтъ въ лохмотья и босъ. Очень подвиженъ, говорливъ и любитъ посмѣяться. Въ 1855 г. онъ бѣжалъ изъ военной службы «по глупости» и сталъ бродяжить, называя себя непомнящимъ родства. Его задержали и отправили въ Забайкалье, какъ онъ говоритъ, въ казаки.

— Я тогда думалъ, — рассказывалъ онъ мнѣ: — что въ Сибири люди подъ землей живутъ, взялъ и убѣжалъ по дорогѣ изъ Тюмени. Дошелъ до Камышлова, тамъ меня задержали и присудили, ваше высокоблагородіе, на 20 лѣтъ въ каторгу и къ 90 плетямъ. Послали въ Кару, влѣпили

тамъ эти самыя плети, а оттуда сюда на Сахалинъ въ Корсаковъ; я изъ Корсакова бѣжалъ съ товарищемъ, но дошелъ только до Дуи: тутъ заболѣлъ, не смогъ дальше идти. А товарищъ до Благовѣщенска дошелъ. Теперь ужъ я отслуживаю второй срокъ, а всего живу тутъ на Сахалинѣ 22 года. И преступленія моего было всего, что изъ военной службы ушелъ.

— Зачѣмъ же ты теперь скрываешь свое настоящее имя? Какая надобность?

— Лѣтось я сказывалъ чиновнику свое имя.

— И что же?

— Да ничего. Чиновникъ говоритъ: «Пока справки дѣлать будемъ, такъ ты помрешь. Живи и такъ. На что тебѣ?» Это правда, безъ ошибки... Все равно жить не долго. А, все-таки, господинъ хорошій, родные узнали бы, гдѣ я.

— Какъ тебя зовутъ?

— Мое здѣшнее имя Игнатьевъ Василій, ваше высокоблагородіе.

— А настоящее?

Красивый подумалъ и сказалъ:

— Никита Трофимовъ. Я Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

Сталъ я переправляться въ коробочкѣ черезъ рѣку. Красивый упирается длиннымъ шестомъ о дно и при этомъ напрягается все его тощее, костистое тѣло. Работа не легкая.

— А тебѣ, небось, тяжело?

— Ничего, ваше высокоблагородіе, меня никто въ шею не гонить, я легонько.

Онъ рассказываетъ, что на Сахалинѣ за всѣ 22 года онъ ни разу не былъ сѣченъ и ни разу не сидѣлъ въ карцерѣ.

— Потому что посылаютъ лѣсъ пилить—иду, даютъ вотъ эту палку въ руки—беру, велятъ печи въ канцеляріи топить—топлю. Повиноваться надо. Жизнь, нечего Бога гнѣвить, хорошая. Слава тебѣ Господи!

Лѣтомъ онъ живетъ въ юртѣ около перевоза. Въ юртѣ у него лохмотья, каравай хлѣба, ружье и спертый, кислый запахъ. На вопросъ, для чего ему ружье, говоритъ—отъ воровъ и куликовъ стрѣлять—и смѣется. Ружье испорчено и стоитъ тутъ только для виду. Зимой превращается онъ

въ дровотаска и живеть въ конторѣ на пристани. Однажды я видѣлъ, какъ онъ, высоко подсучивъ панталоны и показывая свои жилистыя, лиловыя ноги, тащилъ съ китайцемъ сѣть, въ которой серебрились горбуши, каждая величиною съ нашего судака. Я окликнулъ его и онъ радостно отвѣтилъ мнѣ.

Александровскій постъ основанъ въ 1881 г. Одинъ чиновникъ, который живеть на Сахалинѣ уже 10 лѣтъ, говорилъ мнѣ, что когда онъ въ первый разъ прѣѣхалъ въ Александровскій постъ, то едва не утонулъ въ болотѣ. Геромонахъ Ираклій, проживавшій до 1886 г. въ Александровскомъ посту, рассказывалъ, что вначалѣ тутъ было только три дома и въ небольшой казармѣ, гдѣ теперь живутъ музыканты, помѣщалась тюрьма. На улицахъ были пни. Тамъ, гдѣ теперь кирпичный заводъ, въ 1882 г. охотились на соболей. Для церкви о. Ираклію была предложена надзирательская будка, но онъ отказался отъ нея, ссылаясь на тѣсноту. Въ хорошую погоду служилъ онъ на площади, а въ дурную—въ казармѣ или гдѣ придется, одну обѣдницу.

— Служишь, а тутъ бряцанье кандаловъ,—рассказывалъ онъ:—шумъ, жаръ отъ котла. Тутъ «слава святыхъ единосущней», а рядомъ—«растакую твою...»

Настоящій ростъ Александровска начался съ изданія новаго положенія Сахалина, когда было учреждено много новыхъ должностей, въ томъ числѣ одна генеральская. Для новыхъ людей и ихъ канцелярій понадобилось новое мѣсто, такъ какъ въ Дуэ, гдѣ до того времени находилось управленіе каторгой, было тѣсно и мрачно. Въ шести верстахъ отъ Дуэ на открытомъ мѣстѣ уже стояла Слободка, была уже на Дуикѣ тюрьма, и вотъ по сосѣдству мало-по-малу стала вырастать резиденція: помѣщенія для чиновниковъ и канцелярій, церковь, склады, лавки и проч. И возникло то, безъ чего Сахалинъ обойтись бы не могъ, а именно городъ, сахалинскій Парижъ, гдѣ находятъ себѣ соотвѣтствующія общество и обстановку, и кусокъ хлѣба городская публика, которая можетъ дышать только городскимъ воздухомъ и заниматься только городскими дѣлами.

Разныя постройки, раскорчевка и осушеніе почвы производились каторжными. До 1888 года, пока не была построена теперешняя тюрьма, жили они тутъ въ юртахъ-

землянкахъ. Это были срубы, врытые въ землю на 2—2½ аршина, съ двухскатными земляными крышами. Окна были маленькія, узкія, въ уровень съ почвою, было темно, особенно зимою, когда юрты заносило снѣгомъ. Отъ поднятія почвенной воды иногда до пола, отъ постоянного застоя влаги въ земляныхъ крышахъ и въ рыхлыхъ гниющихъ стѣнахъ сырость въ этихъ погребкахъ была ужасная. Спали люди въ полушубкахъ. Почва вокругъ, а также и колодець съ водою были постоянно загрязняемы человѣческими испражненіями и всякими отбросами, такъ какъ отхожихъ мѣстъ и мусорныхъ ямъ не было вовсе. Въ юртахъ каторжные жили со своими женами и дѣтьми.

Въ настоящее время Александровскъ занимаетъ въ планѣ площадь около двухъ квадратныхъ верстъ; но такъ какъ онъ уже слился со Слободкой и одною своею улицей подходитъ къ селенію Корсаковскому, чтобы въ самомъ недалекомъ будущемъ слиться съ нимъ, то размѣры его, въ самомъ дѣлѣ, болѣе внушительны. Онъ имѣетъ нѣсколько прямыхъ, широкихъ улицъ, которыя, однако, называются не улицами, а, по старой памяти, слободками. На Сахалинѣ есть манера давать названія улицамъ въ честь чиновниковъ еще при ихъ жизни; называютъ улицы не только по фамиліямъ, но даже по именамъ и отчествамъ*). Но по какой-то счастливой случайности Александровскъ не увѣковѣчилъ еще ни одного чиновника, и улицы его сохранили до сихъ поръ названія слободокъ, изъ которыхъ онѣ образовались: Кирпичная, Пейсковская, Касьяновская, Писарская, Солдатская. Происхожденіе всѣхъ этихъ названій понять не трудно, кромѣ Пейсковской. Говорятъ, будто она названа такъ каторжными въ честь пейсовъ еврея, который торговалъ здѣсь, когда еще на мѣстѣ слободки была тайга; по другой же версіи, жила тутъ и торговала поселка Пейсикова.

На улицахъ деревянные тротуары, всюду чистота и порядокъ, и даже на отдаленныхъ улицахъ, гдѣ тѣснится бѣдность, нѣтъ лужъ и мусорныхъ кучъ. Главную суть поста составляетъ его офиціальная часть: церковь, домъ начальника острова, его канцелярія, почтово-телеграфная контора,

*) Если, положимъ, чиновника зовутъ Иваномъ Петровичемъ Кузнецовымъ, то одну улицу называютъ Кузнецовской, другую Ивановской, а третью Иваново-Петровской.

полицейское управленіе съ типографіей, домъ начальника округа, лавка колонизаціоннаго фонда, военныя казармы, тюремная больница, военный лазаретъ, строящаяся мечеть съ минаретомъ, казенные дома, въ которыхъ квартируютъ чиновники, и ссыльно-каторжная тюрьма съ ея многочисленными складами и мастерскими. Дома большею частью новые, на европейскій ладъ, крытые желѣзомъ и часто выкрашенные снаружи. На Сахалинѣ нѣтъ известки и хорошаго камня, и потому каменныхъ построекъ нѣтъ.

Если не считать квартиръ чиновниковъ и офицеровъ, и Солдатской слободки, гдѣ живутъ солдаты, женатые на свободныхъ, — элементъ подвижной, мѣняющійся здѣсь ежегодно, — то всѣхъ хозяйствъ въ Александровскѣ 298. Жителей 1.499: изъ нихъ мужчинъ 923, женщинъ 576. Если сюда прибавить свободное населеніе, военную команду и тѣхъ каторжныхъ, которые ночуютъ въ тюрьмѣ и не участвуютъ въ хозяйствахъ, то получится цифра около 3.000. Въ сравненіи съ Слободкой здѣсь очень мало крестьянъ, но зато каторжные составляютъ третъ всего числа хозяевъ. Уставъ о ссыльныхъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьмы, а стало быть, и обзаводиться хозяйствомъ только каторжнымъ разряда исправляющихся, но этотъ законъ постоянно обходится въ виду его непрактичности; въ избахъ живутъ не одни только исправляющіеся, но также испытуемые, долгосрочные и даже бесрочные. Не говоря уже о писаряхъ, чертежникахъ и хорошихъ мастерахъ, которымъ по роду ихъ занятій жить въ тюрьмѣ не приходится, на Сахалинѣ не мало семейныхъ каторжниковъ, мужей и отцовъ, которыхъ непрактично было бы держать въ тюрьмахъ отдѣльно отъ ихъ семей: это вносило бы немалую путаницу въ жизнь колоніи. Пришлось бы держать семьи тоже въ тюрьмахъ или же продовольствовать ихъ квартирой и пищей на счетъ казны, или же удерживать на родинѣ все время, пока отецъ семейства отбываетъ каторгу.

Каторжные разряда испытуемыхъ живутъ въ избахъ и часто потому несутъ болѣе слабое наказаніе, чѣмъ исправляющіеся. Тутъ рѣзко нарушается идея равномѣрности наказанія, но этотъ беспорядокъ находитъ себѣ оправданіе въ тѣхъ условіяхъ, изъ которыхъ сложилась жизнь колоніи, и, къ тому же, онъ легко устранимъ: стѣить только перевести изъ тюрьмы въ избы остальныхъ арестантовъ. Но,

говоря о семейныхъ каторжныхъ, нельзя мириться съ другимъ безпорядкомъ—съ нерасчетливостью администраціи, съ какою она разрѣшаетъ десяткамъ семействъ селиться тамъ, гдѣ нѣтъ ни усадебной, ни пахотной земли, ни сѣнокосовъ, въ то время, какъ въ селеніяхъ другихъ округовъ, поставленныхъ въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныя условія, хозяйничаютъ только бобыли и хозяйства нездаются вовсе, благодаря недостатку женщинъ. Въ Южномъ Сахалинѣ, гдѣ урожай бываетъ ежегодно, есть селенія, въ которыхъ нѣтъ ни одной женщины, между тѣмъ, въ сахалинскомъ Парижѣ одиѣхъ лишь женщинъ свободнаго состоянія, прибывшихъ за мужьями добровольно изъ Россіи, живеть 158.

Въ Александровскѣ уже нѣтъ усадебной земли. Въ прежнее время, когда было просторно, давали подъ усадьбы 100—200 и даже 500 квадратныхъ сажень, теперь же сажаютъ на 12 и даже на 9 и 8. Я сосчиталъ 161 хозяйство, которыя ютятся со своими стройками и огородами на усадьбахъ, имѣющихъ каждая не болѣе 20 кв. сажень. Виноваты въ этомъ, главнымъ образомъ, естественныя условія Александровской долины: двигаться назадъ къ морю нельзя, не годится здѣсь почва, съ боковъ постъ ограниченъ горами, а впередъ онъ можетъ расти теперь только въ одномъ направленіи, вверхъ по теченію Дуйки, по такъ-называемой Корсаковской дорогѣ: здѣсь усадьбы тянутся въ одинъ рядъ и тѣсно жмутся другъ къ другу.

По даннымъ подворной описи, пахотную землей пользуются только 36 хозяевъ, а сѣнокосомъ только 9. Величина участковъ пахотной земли колеблется между 300 саж. и 1 десятиной. Картофель сажаютъ почти всѣ. Лошади есть только у 16, а коровы у 38, причемъ скотъ держатъ крестьяне и поселенцы, занимающіеся не хлѣбопашествомъ, а торговлей. Изъ этихъ немногихъ цифръ слѣдуетъ заключить, что хозяйства въ Александровскѣ держатся не на хлѣбопашествѣ. Какую слабою притягательною силой обладаетъ здѣшняя земля, видно уже изъ того, что здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ хозяевъ-старожиловъ. Изъ тѣхъ, которые сѣли на участокъ въ 1881 г., не осталось ни одного; съ 1882 г. сидитъ только 6, съ 1883 г.—4, съ 1884 г.—13, съ 1885 г.—68. Значитъ, остальные 207 хозяевъ сѣли послѣ 1885 года. Судя по очень малому числу крестьянъ,—ихъ

только 19,—нужно заключить, что каждый хозяин сидит на участкѣ столько времени, сколько нужно ему для получения крестьянскихъ правъ, т. е. права бросить хозяйство и уѣхать на материкъ.

Вопросъ, на какія средства существуетъ населеніе Александровска, до сихъ поръ остается для меня не вполне рѣшеннымъ. Допустимъ, что хозяева со своими женами и дѣтьми, какъ ирландцы, питаются однимъ картофелемъ и что имъ хватаетъ его на круглый годъ; но что ѣдятъ тѣ 241 поселенецъ и 358 каторжныхъ обоого пола, которые проживаютъ въ избахъ въ качествѣ сожителей, сожительницъ, жильцовъ и работниковъ? Правда, почти половина населенія получаетъ пособіе отъ казны въ видѣ арестантскихъ пайковъ и дѣтскихъ кормовыхъ. Есть и заработки. Больше ста человекъ заняты въ казенныхъ мастерскихъ и въ канцеляріяхъ. У меня отмѣчено на карточкахъ не мало мастеровъ, безъ которыхъ не обойтись въ городѣ: столяры, обойщики, ювелиры, часовые мастера, портные и т. п. Въ Александровскѣ за подѣлки изъ дерева и металловъ платятъ очень дорого, а давать «на чай» не принято меньше рубля. Но чтобы изо дня въ день вести городскую жизнь, достаточно ли арестантскихъ пайковъ и мелкихъ заработковъ, очень жалкихъ? У мастеровъ предложеніе несоизмѣримо превышаетъ спросъ, а чернорабочіе, напримѣръ, плотники, работаютъ за 10 коп. въ день на своихъ харчахъ. Населеніе здѣсь перебивается кое-какъ, но оно, тѣмъ не менѣе, все-таки, каждый день пьетъ чай, куритъ турецкій табакъ, ходитъ въ вольномъ платьѣ, платитъ за квартиры; оно покупаетъ дома у крестьянъ, отъѣзжающихъ на материкъ, и строитъ новые. Около него бойко торгуютъ лавочки и паливаютъ десятки тысячъ разныхъ кулаки, выходящіе изъ арестантской среды.

Тутъ много неяснаго, и я остановился на предположеніяхъ, что въ Александровскѣ поселяются большею частью тѣ, которые пріѣзжаютъ сюда изъ Россіи съ деньгами, и что для населенія большимъ подспорьемъ въ жизни служатъ нелегальныя средства. Покупка арестантскихъ вещей и сбытъ ихъ большими партіями въ Николаевскъ, эксплуатация инородцевъ и новичковъ-арестантовъ, тайная торговля спиртомъ, дача денегъ въ ссуду за очень высокіе проценты, азартная игра въ карты на большіе куши,—

этими занимаются мужчины. А женщины, ссыльные и свободныя, добровольно пришедшія за мужьями, промышленяютъ развратомъ. Когда одну женщину свободного состоянія спросили на слѣдствіи, откуда у нея деньги, она отвѣтила: «Заработала своимъ тѣломъ».

Всѣхъ семей 332: изъ нихъ законныхъ 185 и свободныхъ 147. Сравнительно большое количество семейныхъ объясняется не какими-либо особенностями хозяйствъ, располагающими къ семейной, домовитой жизни, а случайностями: легкомысліемъ мѣстной администраціи, сажающей семейныхъ на участки въ Александровскѣ, а не въ болѣе подходящемъ для этого мѣстѣ, и тою сравнительною легкостью, съ какою здѣшній поселенецъ, благодаря своей близости къ начальству и тюрьмѣ, получаетъ женщину. Если жизнь возникла и течетъ не обычнымъ естественнымъ порядкомъ, а искусственно, и если ростъ ея зависитъ не столько отъ естественныхъ и экономическихъ условій, сколько отъ теорій и произвола отдѣльныхъ лицъ, то подобныя случайности подчиняютъ ее себѣ существенно и неизбѣжно и становятся для этой искусственной жизни какъ бы законами.

Александровская ссыльно-каторжная тюрьма.—Общія камеры.—Кандалыныя.—Золотая Ручка.—Отхожія мѣста.—Май день.—Каторжныя работы въ Александровскѣ.—Прислуга.—Мастерскія.

Въ Александровской ссыльно-каторжной тюрьмѣ я былъ вскорѣ послѣ пріѣзда *). Это большой четырехъугольный дворъ, огороженный шестью деревянными бараками казарменнаго типа и заборомъ между ними. Ворота всегда открыты и около нихъ ходитъ часовая. Дворъ чисто подметенъ; на немъ нигдѣ не видно ни камней, ни мусора, ни отбросовъ, ни лужъ отъ помоевъ. Эта примѣрная чистота производитъ хорошее впечатлѣніе.

Двери у всѣхъ корпусовъ открыты настежь. Я вхожу въ одну изъ дверей. Небольшой коридоръ. Направо и налево

*) Лучшая характеристика русскихъ тюремъ вообще сдѣлана Н. В. Муравьевымъ въ его статьѣ: *Наши тюрьмы и тюремный вопросъ* (*Русскій Вѣстникъ*, 1878 г., кн. IV). О сибирскихъ тюрьмахъ, послужившихъ прототипомъ для сахалинскихъ, см. изслѣдованіе С. В. Максимова: *Сибирь и каторга*.

двери. ведущія въ общія камеры. Надъ дверями черныя дощечки съ бѣлыми надписями: «Казарма № такой-то. Кубическаго содержанія воздуха столько-то. Помѣщается каторжныхъ столько-то». Прямо въ тупикѣ коридора тоже дверь, ведущая въ небольшую каморку: здѣсь два политическихъ, въ разстегнутыхъ жилеткахъ и въ чиркахъ на босую ногу, торопливо мнутъ перьяну, набитую соломой: на подоконникѣ книжка и кусокъ чернаго хлѣба. Сопровождающій меня начальникъ округа объясняетъ мнѣ, что этимъ двумъ арестантамъ было разрѣшено жить внѣ тюрьмы, но они, не желая отличаться отъ другихъ каторжныхъ, не воспользовались этимъ разрѣшеніемъ.

— Смрно! Встать!—раздается крикъ надзирателя.

Входимъ въ камеру. Помѣщеніе на видъ просторное. вмѣстимостью около 200 куб. сажень. Много свѣта, окна открыты. Стѣны некрашенныя, занозистыя, съ паклею между бревенъ, темныя; бѣлы однѣ только голландскія печи. Полъ деревянный, некрашенный, совершенно сухой. Вдоль всей камеры по срединѣ ея тянется одна сплошная нара, со скатомъ на обѣ стороны, такъ что каторжные спятъ въ два ряда, причемъ головы одного ряда обращены къ головамъ другого. Мѣста для каторжныхъ не нумерованы, ничѣмъ не отдѣлены одно отъ другого, и потому на нарахъ можно помѣстить 70 человекъ и 170. Постелей совѣмъ нѣтъ. Спятъ на жесткомъ или подстилаютъ подъ себя старыя драныя мѣшки, свою одежду и всякое гнилье. чрезвычайно непривлекательное на видъ. На нарахъ лежатъ шапки, обувь, кусочки хлѣба, пустыя бутылки изъ-подъ молока, заткнутыя бумажкой или тряпочкой, сапожныя колодки; подъ нарами сундучки, грязныя мѣшки, узлы, инструменты и разная ветошь. Около наръ прогуливается сытая кошка. На стѣнахъ одежда, котелки, инструменты, на полкахъ чайники, хлѣбъ, ящички съ чѣмъ-то.

На Сахалинѣ свободные, при входѣ въ камеры, не снимаютъ шапокъ. Эта вѣжливость обязательна только для сельскихъ. Мы въ шапкахъ ходимъ около наръ, а арестанты стоятъ руки по швамъ и молча глядятъ на насъ. Мы тоже молчимъ и глядимъ на нихъ, и похоже на то какъ будто мы пришли покупать ихъ. Мы идемъ дальше въ другія камеры, и здѣсь та же ужасная нищета, которой такъ же трудно спрятаться подъ лохмотьями, какъ

мухѣ подѣ увеличительнымъ стекломъ, та же сарайная жизнь, въ полномъ смыслѣ нигилистическая, отрицающая собственность, одиночество, удобства, покойный сонъ.

Арестанты, живущіе въ Александровской тюрьмѣ, пользуются относительно свободой; они не носятъ кандаловъ, могутъ выходить изъ тюрьмы, въ продолженіе дня, куда угодно, безъ конвоя, не соблюдаютъ однообразія въ одеждѣ, а носятъ что придется, судя по погодѣ и работѣ. Подслѣдственные, недавно возвращенные съ бѣговъ и временно арестованные по какому-либо случаю, сидятъ подѣ замкомъ въ особомъ корпусѣ, который называется «кандальной». Самая употребительная угроза на Сахалинѣ такая: «Я посажу тебя въ кандальную». Входя въ это страшное мѣсто стерегутъ надзиратели, и одинъ изъ нихъ рапортуетъ намъ, что въ кандальной все обстоитъ благополучно.

Гремить всякій замокъ, громадный, неуклюжій, точно купленный у антикварія, и мы входимъ въ небольшую камеру, гдѣ на этотъ разъ помѣщается человѣкъ 20, недавно возвращенныхъ съ бѣговъ. Оборванные, невымытые, въ кандалахъ, въ безобразной обуви, перенутой тряпками и веревками; одна половина головы разлохмачена, другая, бритая, уже начинаетъ заростать. Всѣ они отощали и словно облѣзли, но глядятъ бодро. Постелей нѣтъ, спятъ на голыхъ нарахъ. Въ углу стоитъ «парашка»; каждый можетъ совершать свои естественныя потребности не иначе, какъ въ присутствіи 20 свидѣтелей. Одинъ проситъ, чтобы его отпустили, и клянется, что ужъ больше не будетъ бѣгать; другой проситъ, чтобы сняли съ него кандалы; третій жалуется, что ему даютъ мало хлѣба.

Есть камеры, гдѣ сидятъ по-двое и по-трое, есть одиночныя. Тутъ встрѣчается не мало интересныхъ людей.

Изъ сидящихъ въ одиночныхъ камерахъ особенно обращаетъ на себя вниманіе извѣстная Софья Блювштейнъ—Золотая Ручка, осужденная за побѣгъ изъ Сибири въ каторжныя работы на три года. Это маленькая, худенькая, уже сѣдѣющая женщина съ помятымъ, старушечьимъ лицомъ. На рукахъ у нея кандалы; на нарахъ одна только шубейка изъ сѣрой овчины, которая служитъ ей и теплою одеждой, и постелью. Она ходитъ по своей камерѣ изъ угла въ уголъ, и кажется, что она все время нюхаетъ воздухъ, какъ мышь въ мышеловкѣ, и выраженіе лица у нея

мышинное. Глядя на нее, не вѣрится, что еще недавно она была красива до такой степени, что очаровывала своихъ тюремщиковъ, какъ, напримѣръ, въ Смоленскѣ, гдѣ надзиратель помогъ ей бѣжать и самъ бѣжалъ вмѣстѣ съ нею. На Сахалинѣ она въ первое время, какъ и всѣ присылаемые сюда женщины, жила вмѣстѣ тюрьмы, на вольной квартирѣ; она пробовала бѣжать и нарядилась для этого солдатомъ, но была задержана. Пока она находилась на волѣ, въ Александровскомъ посту было совершено нѣсколько преступлений: убили лавочника Никитина, украли у поселенца еврея Юрковского 56 тысячъ. Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ Золотая Ручка подозрѣвается и обвиняется, какъ прямая участница или пособница. Мѣстная слѣдственная власть залутала ее и самое себя такою густою проволокой всякихъ несообразностей и ошибокъ, что изъ дѣла ея рѣшительно ничего нельзя понять. Какъ бы то ни было, 56 тысячъ еще не найдены и служатъ пока сюжетомъ для самыхъ разнообразныхъ фантастическихъ рассказовъ.

О кухнѣ, гдѣ при мнѣ готовился обѣдъ для 900 человекъ, о провизіи и о томъ, какъ вѣдятъ арестанты, я буду говорить въ особой главѣ. Теперь же скажу нѣсколько словъ объ отхожемъ мѣстѣ. Какъ извѣстно, это удобство у громаднаго большинства русскихъ людей находится въ полномъ презрѣніи. Въ деревняхъ отхожихъ мѣстъ совсѣмъ нѣтъ. Въ монастыряхъ, на ярмаркахъ, въ постоянныхъ дворахъ и на всякаго рода промыслахъ, гдѣ еще не установленъ санитарный надзоръ, они отвратительны въ высшей степени. Презрѣніе къ отхожему мѣсту русскій человекъ приноситъ съ собою и въ Сибирь. Изъ исторіи каторги видно, что отхожія мѣста всюду въ тюрьмахъ служили источникомъ удушливаго смрада и заразы и что населеніе тюремъ и администрація легко мирилась съ этимъ. Въ 1872 г. на Карѣ, какъ писалъ г. Власовъ въ своемъ отчетѣ, при одной изъ казармъ совсѣмъ не было отхожаго мѣста и преступники выводились для естественной надобности на площадь, и это дѣлалось не по желанію каждаго изъ нихъ, а въ то время, когда собиралось нѣсколько человекъ. И такихъ примѣровъ я могъ бы привести сотню. Въ Александровской тюрьмѣ отхожее мѣсто, обыкновенная выгребная яма, помѣщается въ тюремномъ дворѣ въ отдѣльной пристройкѣ между казармами. Видно, что при устройствѣ его, прежде

всего, старались, чтобы оно обошлось возможно дешевле, но, все-таки, сравнительно съ прошлымъ замѣчается значительный прогрессъ. По крайней мѣрѣ, оно не возбуждаетъ отвращенія. Помѣщеніе холодное и вентилируется деревянными трубами. Стойки устроены вдоль стѣнъ; на нихъ нельзя стоять, а можно только сидѣть, и это, главнымъ образомъ, спасаетъ здѣсь отхожее мѣсто отъ грязи и сырости. Дурной запахъ есть, но незначительный, маскируемый обычными снадобьями, въ родѣ дегтя и карболки. Отперто отхожее мѣсто не только днемъ, но и ночью, и эта простая мѣра дѣлаетъ ненужными парани; послѣднія ставятся теперь только въ кандалной.

Около тюрьмы есть колодець и по нему можно судить о высотѣ почвенной воды. Вслѣдствіе особаго строенія здѣшней почвы, почвенная вода даже на кладбищѣ, которое расположено на горѣ у моря, стоитъ такъ высоко, что я въ сухую погоду видѣлъ могилы, на-половину наполненныя водою. Почва около тюрьмы и во всемъ посту дренирована канавами, но не достаточно глубокими, и отъ сырости тюрьма совсѣмъ не обезпечена.

Въ хорошую теплую погоду, которая здѣсь бываетъ не часто, тюрьма вентилируется превосходно: окна и двери открываются настежь и арестанты большую часть дня проводятъ на дворѣ или далеко внѣ тюрьмы. Зимой же и въ дурную погоду, т. е. въ среднемъ почти 10 мѣсяцевъ въ году, приходится довольствоваться только форточками и печами. Лиственничный и еловый лѣсъ, изъ котораго сдѣланы тюрьма и ея фундаментъ, представляетъ хорошую естественную вентиляцію, но не надежную; вслѣдствіе большой влажности сахалинскаго воздуха и изобилія дождей, а также испареній, идущихъ изнутри, въ порахъ дерева скопляется вода, которая зимою замерзаетъ. Тюрьма вентилируется слабо, а, между тѣмъ, на каждого ея обитателя приходится не много воздуха. У меня въ дневникѣ записано: «Казарма № 9. Кубическаго содержанія воздуха 187 саж. Помѣщается каторжныхъ 65». Это въ лѣтнее время, когда ночуетъ въ тюрьмѣ только половина всѣхъ каторжныхъ. А вотъ цифры изъ медицинскаго отчета за 1888 г.: «Кубическая вмѣстимость арестантскихъ помѣщеній въ Александровской тюрьмѣ 970 саж.; числилось арестантовъ: наибольшее 1.950, наименьшее 1.623, среднее годовое

1.785; помещалось на ночлеги 740; приходилось на одного человека воздуха 1.31 саж.». Наименьшее скопление каторжных в тюрьме бывает в летние месяцы, когда они командированы в округ на дорожные и полевые работы, и наибольшее—осенью, когда они возвращаются с работ и «Доброволец» привозит новую партию в 400—500 человек, которые живут в Александровской тюрьме впредь до распределения их по остальным тюрьмам. Значит, меньше всего воздуха приходится на каждого арестанта именно в то время, когда вентиляция бывает наименее действительна.

Съ работъ, производимыхъ чаще в ненастную погоду, каторжный возвращается в тюрьму на ночлеги в промокшемъ платьѣ и въ грязной обуви; просушиться ему негдѣ; часть одежды развѣшиваетъ онъ около нарѣ, другую, не давъ ей просохнуть, подстилаетъ подъ себя вмѣсто постели. Тулузъ его издастъ запахъ овчины, обувь пахнетъ кожей и дегтемъ. Его бѣлье, пропитанное насквозь кожаными отдѣлениями, не просушенное и давно не мытое, перемѣшанное со старыми мѣшками и гнѣющими обносками, его портянки съ удушливымъ запахомъ пота, самъ онъ, давно не бывшій въ банѣ, полный вшей, курящій дешевый табакъ, постоянно страдающій метеоризмомъ; его хлѣбъ, мясо, соленая рыба, которую онъ часто вялитъ тутъ же в тюрьмѣ, крошки, кусочки, косточки, остатки щей въ котелкѣ; клоны, которыхъ онъ давитъ пальцами тутъ же на нарахъ,—все это дѣлаетъ казарменный воздухъ вонючимъ, промозглымъ, кислымъ; онъ насыщается водяными парами до крайней степени, такъ что во время сильныхъ морозовъ окна къ утру покрываются изнутри слоемъ льда и въ казармѣ становится темно; сѣроводородъ, аммиачныя и всякія другія соединенія мѣшаются въ воздухѣ съ водяными парами и происходитъ то самое, отъ чего, по словамъ надзирателей, «душу воротить».

При системѣ общихъ камеръ соблюденіе чистоты в тюрьмѣ невозможно, и гигиена никогда не выйдетъ здѣсь изъ той тѣсной рамки, какую ограничили для нея сахалинскій климатъ и рабочая обстановка каторжнаго, и какими бы благими намѣреніями ни была проникнута администрація, она будетъ бессильна и никогда не избавится отъ нареканій. Надо или признать общія камеры уже от-

жившими и замѣнить ихъ жилищами иного типа, что уже отчасти и дѣлается, такъ какъ многіе каторжные живутъ не въ тюрьмѣ, а въ избахъ, или же мирятся съ нечистотой, какъ съ неизбѣжнымъ, необходимымъ зломъ, и измѣренія испорченного воздуха кубическими саженьями предоставитъ тѣмъ, кто въ гигиенѣ видитъ одну только пустую формальность.

Въ пользу системы общихъ камеръ, я думаю, едва ли можно сказать что-нибудь хорошее. Люди, живущіе въ тюремной общей камерѣ, — это не община, не артель, палагающая на своихъ членовъ обязанности, а шайка, освобождающая ихъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ мѣсту, сосѣду и предмету. Приказывать каторжному, чтобы онъ не приносилъ на ногахъ грязи и навоза, не плевалъ бы на полъ и не разводилъ клоповъ — дѣло невозможное. Если въ камерѣ вонь или нѣтъ никому житья отъ воровства, или поютъ грязныя пѣсни, то виноваты въ этомъ всѣ, то-есть никто. Я спрашиваю каторжного, бывшаго почетнаго гражданина: «Почему вы такъ неопрятны?» Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Потому что моя опрятность была бы здѣсь бесполезна». И въ самомъ дѣлѣ, какую цѣну можетъ имѣть для каторжнаго собственная его чистоплотность, если завтра приведутъ новую партію и положить съ нимъ бокъ-о-бокъ сосѣда, отъ котораго ползутъ во всѣ стороны насккомья и идетъ удушливый запахъ?

Общая камера не даетъ преступнику одиночества, необходимаго ему хотя бы для молитвы, для размышленій и того углубленія въ самого себя, которое считаютъ для него обязательнымъ всѣ сторонники исправительныхъ цѣлей. Свирѣпая картежная игра съ разрѣшенія подкупленныхъ надзирателей, ругань, смѣхъ, болтовня, хлопанье дверями, а въ кандалной звонъ оковъ, продолжающіеся всю ночь, мѣшаютъ утомленному рабочему спать, раздражаютъ его, что, конечно, не остается безъ дурного вліянія на его питаніе и психику. Стадная сарайная жизнь съ ея грубыми развлеченіями, съ неизбѣжнымъ воздѣйствіемъ дурныхъ на хорошихъ, какъ это давно уже признано, дѣйствуетъ на нравственность преступника самымъ растлѣвающимъ образомъ. Она отучаетъ его мало-по-малу отъ домовитости, то-есть того самаго качества, которое нужно беречь въ каторжномъ больше всего, такъ какъ по выходѣ изъ тюрьмы

онъ становится самостоятельнымъ членомъ колоніи, гдѣ съ перваго же дня требуютъ отъ него, на основаніи закона и подѣ угрозой наказанія, чтобы онъ былъ хорошимъ хозяиномъ и добрымъ семьяниномъ.

Въ общихъ камерахъ приходится терпѣть и оправдывать такія безобразныя явленія, какъ ябедничество, наущничество, самосудъ, кулачество. Последнее находятъ здѣсь выраженіе въ такъ-называемыхъ майданахъ, перешедшихъ сюда изъ Сибири. Арестантъ, имѣющій и любящій деньги и принедашій изъ-за нихъ на каторгу, кулакъ, скопидомъ и мошенникъ, беретъ на откупъ у товарищей-каторжныхъ право монопольной торговли въ казармѣ и, если мѣсто бойкое и многолюдное, то арендная плата, поступающая въ пользу арестантовъ, можетъ простираться даже до нѣсколькихъ сотенъ рублей въ годъ. Майданщикъ, т. е. хозяинъ майдана, официально называется пращеникомъ, такъ какъ беретъ на себя обязанность выносить изъ камеръ парани, если онѣ есть, и слѣдить за чистотою. На нарѣ его обыкновенно стоитъ сундучокъ аршина въ полтора, зеленый или коричневый, около него и подѣ нимъ разложены кусочки сахара, бѣлые хлѣбцы, величиною съ кулакъ, папирсы, бутылки съ молокомъ и еще какіе-то товары, завернутые въ бумажки и грязныя тряпочки *).

Подѣ смиренными кусочками сахара и булками прятается зло, которое распространяетъ свое вліяніе далеко за предѣлы тюрьмы. Майданъ — это игорный домъ, маленькое Монте-Карло, развивающее въ арестантѣ заразительную страсть къ штоссу и другимъ азартнымъ играмъ. Около майдана и каргъ непремѣнно ютится всегда готовое къ услугамъ ростовничество, жестокое и неумолимое. Тюремные ростовщики берутъ по 10% въ день и даже за одинъ часъ; не выкупленный въ теченіе дня закладъ поступаетъ въ собственность ростовщика. Отбывъ свой срокъ, майданщики и ростовщики выходятъ на поселеніе, гдѣ не оставляютъ своей прибыльной дѣятельности, и поэтому нечего

*) Пачка изъ 9—10 папирсовъ стоитъ 1 коп., бѣлая булочка 2 коп., бутылка молока 8—10, кусочекъ сахара 2 коп. Продажа производится на наличныя, въ долгъ и въ обмѣнъ на вещи. Майданъ продаетъ также водку, карты, свѣчные огари для игры въ ночное время—это негласно. Карты дасть и на-прокатъ.

удивляться, что на Сахалинѣ есть поселенцы, у которыхъ можно украсть 56 тысячъ.

Лѣтомъ 1890 г., въ бытность мою на Сахалинѣ, при александровской тюрьмѣ числилось болѣе двухъ тысячъ каторжныхъ, но въ тюрьмѣ жило только около 900. Вотъ цифры, взятая наудачу: въ началѣ лѣта, 3 мая 1890 г., довольствовалося изъ котла и почевало въ тюрьмѣ 1.279, въ концѣ лѣта, 29-го сентября, 675 человекъ. Что касается каторжныхъ работъ, производимыхъ въ самомъ Александровскѣ, то здѣсь приходится наблюдать, главнымъ образомъ, строительныя и всякія хозяйственныя работы: возведеніе новыхъ построекъ, ремонтъ старыхъ, содержаніе на городской манеръ улицъ, площадей и проч. Самыми тяжкими считаются плотницкія работы. Арестантъ, бывшій на родинѣ плотникомъ, несетъ здѣсь настоящую каторгу, и въ этомъ отношеніи онъ гораздо несчастливѣе маляра или кровельщика. Вся тягость работы не въ самой постройкѣ, а въ томъ, что каждое бревно, идущее въ дѣло, каторжный долженъ притащить изъ лѣса, а рубка въ настоящее время производится за 8 верстъ отъ поста. Лѣтомъ люди, запряженные въ бревно въ полъ-аршина и толще, а въ длину въ нѣсколько сажень, производятъ тяжелое впечатлѣніе; выраженіе ихъ лицъ страдальческое, особенно если они, какъ это я часто наблюдалъ, уроженцы Кавказа. Зимой же, говорятъ, они отмораживаютъ себѣ руки и ноги и часто даже замерзаютъ, не дотащивъ бревна до поста. Для администраціи плотницкія работы представляются тоже нелегкими, потому что людей, способныхъ на систематическій трудъ, на Сахалинѣ вообще мало, и недостатокъ работниковъ—явленіе здѣсь обычное, хотя каторжные считаются тысячами. Ген. Кононовичъ говорилъ мнѣ, что затѣвать здѣсь новыя постройки и строиться очень трудно, — людей нѣтъ; если достаточно плотниковъ, то некому таскать бревна; если людей ушлютъ за бревнами, то не хватаетъ плотниковъ. Къ нелегкимъ работамъ относятся здѣсь также обязанности дровотасковъ, которые каждый день рубятъ дрова, заготавливаютъ ихъ и подъ утро, когда еще всѣ спятъ, топятъ печи. Чтобы судить о степени напряженности труда, объ его тяжести, нужно брать во вниманіе не одну только затрачиваемую на него мышечную силу, но также условія мѣста и особенности труда,

зависящія отъ этихъ условій. Сильные морозы зимою и сырость въ теченіе всего года въ Александровскѣ ставятъ чернорабочаго въ положеніе иной разъ едва выносимое, какого онъ при той же работѣ, напримѣръ, при обыкновенной рубкѣ дровъ, не испыталъ бы въ Россіи. Законъ ограничиваетъ трудъ каторжнаго «урочнымъ положеніемъ», приближая его къ обыкновенному крестьянскому и фабричному труду *); онъ же предоставляетъ разныя облегченія каторжнымъ разряда исправляющихся; но практика поневолѣ не всегда сообразуется съ закономъ именно въ силу мѣстныхъ условій и особенностей труда. Нельзя же вѣдь опредѣлить, сколько часовъ каторжный долженъ тащить бревно во время мятели, нельзя освободить его отъ ночныхъ работъ, когда послѣднія необходимы, нельзя вѣдь по закону освободить исправляющагося отъ работы въ праздникъ, если онъ, напримѣръ, работаетъ въ угольной ямѣ вмѣстѣ съ испытуемымъ, такъ какъ тогда бы пришлось освободить обоихъ и прекратить работу. Часто отъ того, что работами завѣдуютъ люди не компетентные, неспособные и неловкіе, затрачивается на работы больше напряженія, чѣмъ бы слѣдовало. Напримѣръ, нагрузка и выгрузка пароходовъ, не требующія въ Россіи отъ рабочаго исключительнаго напряженія силъ, въ Александровскѣ часто представляются для людей истиннымъ мученіемъ; особенной команды, подготовленной и выученной специально для работъ на морѣ, нѣтъ; каждый разъ берутся все новые люди и оттого случается нерѣдко наблюдать во время волненія страшный беспорядокъ; на пароходѣ бранятся, выходятъ изъ себя, а внизу, на баржахъ, бьющихся о пароходъ, стоять и лежать люди съ зелеными, искривленными лицами, страдающіе отъ морской болѣзни, а около баржъ плаваютъ утерянныя весла. Благодаря этому, работа затягивается, время пропадаетъ даромъ и люди терпятъ

*) «Урочное положеніе для строительныхъ работъ, Высочайше утвержденное 17-го апрѣля 1869 г.» Петербургъ, 1887 г. По этому положенію при опредѣленіи на разнаго рода работы принимаются въ основаніе: физическія силы рабочаго и степень навыка къ работѣ. Положеніе опредѣляетъ также число рабочихъ часовъ въ день, сообразно временамъ года и полосамъ Россіи. Сахалинъ отнесенъ къ средней полосѣ Россіи. Максимумъ рабочихъ часовъ—12½ въ сутки—приходится на май, июнь и июль, а минимумъ—7 час.—на декабрь и январь.

пенужныя мученія. Однажды во время выгрузки парохода я слышалъ, какъ смотритель тюрьмы сказалъ: «У меня люди цѣлый день не ѣли».

Не мало каторжнаго труда затрачивается на удовлетвореніе потребностей тюрьмы. Въ тюрьмѣ каждый день работаютъ кашевары, хлѣбопеки, поргные, сапожники, водносы, поломойки, дневальные, скотники и т. п. Каторжнымъ трудомъ пользуются также военное и телеграфное вѣдомства, землемѣръ; около 50 человѣкъ прикомандировано къ тюремному лазарету, неизвѣстно въ качествѣ кого и для чего, и не сочтешь тѣхъ, которые находятся въ услуженіи у гг. чиновниковъ. Каждый чиновникъ, даже состоящій въ чинѣ канцелярскаго служителя, насколько я могъ убѣдиться, можетъ брать себѣ неограниченное количество прислуги. Докторъ, у котораго я квартировалъ, жившій самъ-другъ съ сыномъ, имѣлъ повара, дворника, кухарку и горничную. Для младшаго тюремнаго врача это очень роскошно. У одного смотрителя тюрьмы было 8 человѣкъ штатной прислуги: швея, сапожникъ, горничная, лакей, онъ же разсылный, иянка, прачка, поваръ, поломойка. Вопросъ о прислугѣ на Сахалинѣ — обидный и грустный вопросъ, какъ, вѣроятно, вездѣ на каторгѣ, и не новый. Въ своемъ *Краткомъ очеркѣ неустройствъ, существующихъ на каторгѣ*, Власовъ писалъ, что въ 1871 г., когда онъ прибылъ на островъ, его «прежде всего поразило то обстоятельство, что каторжные съ разрѣшенія бывшаго генераль-губернатора составляютъ прислугу начальника и офицеровъ». Женщины, по его словамъ, раздавались въ услуги лицамъ управленія, не исключая и холостыхъ надзирателей. Въ 1872 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ запретилъ отдачу преступниковъ въ услуженіе. Но это запрещеніе, имѣющее силу закона и до настоящаго времени, обходится самымъ безцеремоннымъ образомъ. Коллежскій регистраторъ записываетъ на себя подложны прислуги и, когда отправляется на пикникъ, то посылаетъ впередъ съ провизіей десятокъ каторжныхъ. Начальники острова гг. Гинце и Колоновичъ боролись съ этимъ зломъ, но недостаточно энергично; по крайней мѣрѣ, я нашелъ только три приказа, относящихся къ вопросу о прислугѣ, и такихъ, которые человѣкъ заинтересованный могъ широко толковать въ свою пользу.

Генераль Гинце, какъ бы въ отмѣну генераль-губернаторскаго предписанія, разрѣшилъ въ 1885 г. (приказъ № 95) чиновникамъ брать себѣ въ прислуги ссыльно-каторжныхъ женщинъ съ платою по два рубля въ мѣсяцъ, и чтобы деньги были обрабаемы въ казну. Генераль Кононовичъ въ 1888 г. отмѣнилъ приказъ своего предшественника, опредѣливъ: «ссыльно-каторжныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, въ прислугу къ чиновникамъ не назначать и платы за женщинъ никакой не взыскивать. А такъ какъ казенныя зданія и службы при нихъ не могутъ оставаться безъ надзора и безъ удовлетворенія, то къ каждому таковому зданію разрѣшаю назначать потребное число мужчинъ и женщинъ, показывая ихъ по наряду по этимъ назначеніямъ, какъ сторожей, дровогасковъ, поломоекъ и проч., смотря по потребности» (приказъ № 276). Но такъ какъ казенныя зданія и службы при нихъ въ громадномъ большинствѣ составляютъ не что иное, какъ квартиры чиновниковъ, то этотъ приказъ понимается какъ разрѣшеніе имѣть каторжную прислугу, и, притомъ, бесплатную. Во всякомъ случаѣ, въ 1890 г., когда я былъ на Сахалинѣ, всѣ чиновники, даже не имѣющіе никакого отношенія къ тюремному вѣдомству (напр., начальникъ почтово-телеграфной конторы), пользовались каторжными для своего домашнего обихода въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, причемъ жалованья этой прислугѣ они не платили и кормилась она на счетъ казны.

Отдача каторжныхъ въ услуженіе частнымъ лицамъ находится въ полномъ противорѣчій со взглядомъ законодателя на наказаніе: это — не каторга, а крѣпостничество, такъ какъ каторжный служить не государству, а лицу, которому нѣтъ никакого дѣла до исправительныхъ цѣлей или до идеи равномѣрности наказанія; онъ — не ссыльно-каторжный, а рабъ, зависящій отъ воли барина и его семьи, угождающій ихъ прихотямъ, участвующій въ кухонныхъ дрязгахъ. Становясь поселенцемъ, онъ является въ колоніи повтореніемъ нашего двороваго человѣка, умѣющаго чистить сапоги и жарить котлеты, но неспособнаго къ земледѣльческому труду, а потому и голоднаго, брошеннаго на произволь судьбѣ. Отдача же въ услуженіе каторжныхъ женщинъ, кромѣ всего этого, имѣетъ еще свои спеціальныя неудобства. Не говоря уже о томъ, что въ средѣ подне-

вольныхъ фавориты и содержанки вносятъ всегда струю чего-то подлаго, въ высшей степени унижительнаго для человѣческаго достоинства, они въ частности совершенно коверкаютъ дисциплину. Мнѣ одинъ изъ священниковъ разсказывалъ, что бывали случаи на Сахалинѣ, когда женщина свободнаго состоянія или солдатъ, будучи въ прислугахъ, должны были при извѣстныхъ обстоятельствахъ убирать и выносить послѣ каторжной *).

То, что въ Александровскѣ съ важностью зовется «заводскою промышленностью», съ внѣшней стороны обставлено красиво и шумно, но не имѣетъ пока серьезнаго значенія. Въ литейной мастерской, которою завѣдуетъ механикъ-самоучка, я видѣлъ колокола, вагонныя и тачечныя колеса, ручную мельницу, машинку для ажурной работы, краны, приборы для печей и т. п., но все это производитъ игрушечное впечатлѣнiе. Вещи прекрасны, но вѣдь сбыта нѣтъ никакого, а для мѣстныхъ надобностей было бы выгодное приобрести ихъ на материкъ или въ Одессѣ, чѣмъ заводить свои локомобили и цѣлый штатъ платныхъ рабочихъ. Конечно, не было бы жаль никакихъ затратъ, если бы мастерскія здѣсь были школами, гдѣ каторжные учились бы мастерствамъ; на самомъ же дѣлѣ, въ литейной и слесарной работаютъ не каторжные, а опытные мастера поселенцы, состоящие на положеніи младшихъ надзирателей, съ жалованьемъ по 18 руб. въ мѣсяцъ. Здѣсь слишкомъ замѣтно увлеченіе вещью; гремятъ колеса и молотъ и свистять локомобили только во имя качества вещи и сбыта ея; коммерческія и художественныя соображенія не имѣютъ

*) Власовъ въ своемъ отчетѣ пишетъ: «Такое странное отношеніе лицъ: офицера, каторжной въ качествѣ его любовницы и солдата въ роли ея кучера,—не можетъ не вызвать удивленія и сожалѣнія». Говорятъ, что это зло допускается только въ виду невозможности имѣть прислугу изъ лицъ свободнаго состоянія. Но это неправда. Во-первыхъ, возможно ограничить количество прислуги; вѣдь находятъ же возможнымъ офицеры имѣть только по одному денщику. Во-вторыхъ, чиновники здѣсь, на Сахалинѣ, получаютъ хорошее жалованье и могутъ нанимать себѣ прислугу изъ среды поселенцевъ, крестьянъ изъ ессыльныхъ и женщинъ свободнаго состоянія, которые, въ большинствѣ случаевъ, нуждаются и потому не отказались бы отъ заработка. Мысль эта пришла, вѣроятно, и начальству, такъ какъ есть приказъ, въ которомъ одной поселкѣ, какъ неспособной къ земледѣльческому труду, разрѣшалось «приобрѣтать средства къ существованію наймомъ въ прислуги у гг. чиновниковъ» (приказъ № 44-й 1889 г.).

здѣсь никакого отношенія къ наказанію, а, между тѣмъ, на Сахалинѣ, какъ и вездѣ на каторгѣ, всякое предпріятіе должно имѣть своею ближайшею и отдаленною цѣлью только одно — исправленіе преступника, и здѣшнія мастерскія должны стремиться къ тому, чтобы сбывать на материкъ. прежде всего, не печныя дверцы и не краны, а полезныхъ людей и хорошо подготовленныхъ мастеровъ.

Паровая мельница, лѣсопильня и кузница содержатся въ отличномъ порядкѣ. Люди работаютъ весело потому, вѣроятно, что сознаютъ производительность труда. Но и здѣсь работаютъ, главнымъ образомъ, спеціалисты, которые уже на родинѣ были мельниками, кузнецами и проч., а не тѣ, которые, живя на родинѣ, не умѣли работать, ничего не знали и теперь больше, чѣмъ кто-либо, пужаются въ мельницахъ и кузницахъ, гдѣ бы ихъ обучили и поставили на ноги *).

VI.

Разсказъ Егора.

Докторъ, у котораго я квартировалъ, уѣхалъ на материкъ вскорѣ послѣ увольненія отъ службы, и я поселился у одного молодого чиновника, очень хорошаго человѣка. У него была только одна прислуга, старуха-хохлушка, каторжная, и изрѣдка, этакъ разъ въ день, навѣдывался къ нему каторжный Егоръ, дровотаскъ, который прислугою его не считался, но «изъ уваженія» приносилъ дрова, убиралъ помои на кухнѣ и вообще исполнялъ обязанности,

*) Мельница и слесарная находятся въ одномъ зданіи и получаютъ приводы отъ двухъ локобилей. Въ мельницѣ четыре поставы съ разиломъ въ 1,500 п. въ день. Въ лѣсопилнѣ работаетъ старшій локобилль, привезенный сюда еще кн. Шаховскимъ; его топятъ опилками. Въ кузницѣ производится работа день и ночь, въ двѣ смѣны, работаетъ шесть горновъ. Всего занято въ мастерской 105 человѣкъ. Каторжные въ Александровскѣ занимаются также добычей угля, но это дѣло едва ли будетъ имѣть когда-нибудь успѣхъ. Уголь изъ мѣстныхъ копей гораздо хуже дуйскаго: онъ грязнѣе на видѣ и смѣшанъ со сланцемъ. Обходится онъ здѣсь не дешево, такъ какъ въ шахтахъ работаетъ постоянный штатъ рабочихъ подъ наблюденіемъ особаго горнаго инженера. Существованіе мѣстныхъ копей не вызывается необходимостью, такъ какъ до Дуэ не далеко, и оттуда во всякое время можно получать превосходный уголь. Открыты онѣ, прочее, съ доброю цѣлью — дать въ будущемъ заработокъ поселенцамъ.

которыя были не подь силу старуникѣ. Бывало, сидишь и читаешь, или пишешь что-нибудь, и вдругь слышишь какой-то шорохъ и пыхтѣнье, и что-то тяжелое ворочается подь столомъ около ногъ; взглянешь—это Егоръ, босой, собираетъ подь столомъ бумажки или вытираетъ пыль. Ему лѣтъ подь сорокъ и представляетъ онъ изъ себя человекъ неуклюжаго, неповоротливаго, какъ говорится, увальня, съ простодушнымъ, на первый взглядъ глуповатымъ лицомъ и съ широкимъ, какъ у налива, ртомъ. Онъ рыжий, борода у него жидкая, глаза маленькіе. На вопросъ онъ сразу не отвѣчаетъ, а сначала искоса посмотритъ и спроситъ: «чаво?» или «кого ты?» Величаетъ вашимъ высокоблагородіемъ, но говорить *ты*. Онъ не можетъ сидѣть безъ работы ни одной минуты и находить ее всюду, куда бы ни пришелъ. Говоритъ съ вами, а самъ ищетъ глазами, нѣтъ ли чего убрать или починить. Онъ спитъ два-три часа въ сутки, потому что ему некогда спать. Въ праздники онъ обыкновенно стоитъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ, въ лиджакѣ поверхъ красной рубахи, вынятивъ впередъ животь и разставивъ ноги. Это называется «гулять».

Здѣсь, на каторгѣ, онъ самъ построилъ себѣ избу, дѣлаетъ ведра, столы, неуклюжіе шкапы. Умѣетъ дѣлать всякую мебель, но только «про себя», т. е. для собственной надобности. Самъ никогда не дрался и битъ не бывалъ; только когда-то въ дѣтствѣ отецъ высѣкъ его за то, что горохъ стерегъ и пѣтуха выпустилъ.

Однажды у меня съ нимъ происходилъ такой разговоръ:

— За что тебя сюда прислали?—спросилъ я.

— Чаво ты говоришь, ваше высокоблагородіе?

— За что тебя прислали на Сахалинъ?

— За убійство.

— Ты Расскажи мнѣ съ самаго начала, какъ было дѣло.

Егоръ сталъ у косяка, заложилъ назадъ руки и началъ:

— Ходили мы къ барину Владиміру Михайлычу, рядились о дровахъ, о пилкѣ и поставкѣ на станцію. Хорошо. Порядились и пошли домой. Этакъ не далеко отошедши отъ села, послать меня народъ въ контору съ условіемъ—засвидѣтельствовать. Я былъ на лошади. По дорогѣ къ конторѣ Андрюха воротилъ меня: былъ большой разливъ, нельзя было проѣхать. «Завтра, говоритъ, я поѣду въ контору объ землѣ своей рендовой и это условіе засвидѣтель-

ствую». Ладно. Отсюда пошли мы вмѣстѣ: я на лошади, а кумианія пѣшкомъ. Дошли мы до Парахина. Мужики зашли закуривать къ кабаку, мы съ Андрюхой сзади остались на тротуарѣ около трактира. Онъ и говоритъ: «Нѣтъ ли у тебя, братко, пяточка? Выпить, говоритъ, хотно». А я ему: «Да ты, братъ, говорю, такой человекъ: зайдешь выпить за пяточокъ, да тутъ и заиьянничаетъ». А онъ говоритъ: «Нѣтъ, не буду, выпью, да и пойду домой». Подошли къ мужикамъ, сговорили на четверть, собрали на четверть, въ кабакъ зашли, четверть водки купили. Съли за столъ пить.

— Ты покороче,—замѣчаю я.

— Постой, не перебивай, ваше высокоблагородіе. Роспили мы эту водку, вотъ онъ, Андрюха то-есть, еще взялъ перцовки сороковку. По стакану налилъ себѣ и мнѣ. Мы по стакану вмѣстѣ съ нимъ и выпили. Ну, вотъ тутъ пошли весь народъ домой изъ кабака, и мы съ нимъ сзади пошли тоже. Меня передомило верхомъ-то ѣхать, я слѣзъ и слѣзъ тутъ на бережку. Я пѣсни пѣлъ да шутилъ. Разговору не было худого. Потомъ этого встали и пошли.

— Ты расскажи мнѣ про убійство,—перебиваю я.

— Постой. Дома я легъ и спалъ до утра, пока не разбудили: «Ступай, кто изъ васъ побилъ Андрея?» Тутъ ужъ и Андрея привезли, и урядникъ пріѣхалъ. Урядникъ сталъ допрашивать насъ всѣхъ, никто мы не признаемся къ этому дѣлу. А Андрей еще живой былъ и говоритъ: «Ты, Сергуха, ударилъ меня стягомъ, а больше я ничего не помню». Сергуха не признается. Мы всѣ такъ и думали, что Сергуха, и начали глядѣть за нимъ, чтобы не сдѣлалъ себѣ чего. Черезъ сутки Андрей померъ. Сергѣя и подучи тамъ свои, сестра да тестъ: «Ты, Сергѣй, не отпирайся, тебѣ все равно. Признавайся, да подтягивай, кого ближе захватилъ. Тебѣ влєгота будетъ». Какъ только-что померъ Андрей, мы весь народъ и собрались къ старостѣ и Сергѣя оновѣстили. Сергѣя допрашиваемъ, а онъ не признается. Потомъ пустили его къ себѣ ночевать въ свой домъ. Нѣкоторые его здѣсь стерегли, не сдѣлалъ бы себѣ чего. У него тутъ ружьишко было. Опасно. Поутру хватились—его нѣтъ, тутъ соскопили у него обыскъ дѣлать, и по деревнѣ искали, и въ поле бѣгали, искали его. Потомъ ужъ пришли изъ стану и объявили, что Сергѣй уже тамъ. Тутъ насъ начали за-

бирать. А Сергѣй, знашь, прямо къ становому, да къ уряднику, на колѣнки сталь и говоритъ на насъ, что Ефремовы дѣти уже года три нанмали побить Андриюху. «Дорогой, говоритъ, шли мы втроемъ — Иванъ, да Егоръ, да я — и сговорились вмѣстѣ побить. Я, говоритъ, корчовочкой ударилъ Андриюху, а Иванъ да Егоръ схватились бить его, а я испужался, да назадъ, говоритъ, побѣжалъ, за задними мужиками». Потомъ насъ — Ивана, Киришу, меня и Сергѣя — забрали и въ тюрьму въ городъ.

— А кто такіе Иванъ и Кириша?

— Братья мои родные. Въ тюрьму пришелъ купецъ Петръ Михайлычъ и взялъ насъ на поруки. И были на порукахъ у него до Покрова. Жили мы хорошо, сохранно. На другой день Покрова насъ судили въ городѣ. У Кириши были свидѣтели — задніе мужики выправили, а меня такъ, братъ, и влонало. Я на судъ говорилъ то, что тебѣ вотъ сказываю, какъ есть, а судъ не вѣритъ: «Тутъ все такъ говорятъ и глаза крестятъ, а все неправда». Ну, осудили, да въ острогъ. Въ острогѣ жили подъ замкомъ, но только былъ я парашечникомъ, подметаль камеры и обѣдъ подносилъ. Давали мнѣ за это каждый по пайку хлѣба въ мѣсяць. Фуига три будетъ съ человѣка. Какъ слышали выходъ, телеграмму домой послали. Передъ Николой было дѣло. Женка и братъ Кириша пріѣхали насъ провѣдать и кое-чего тутъ привезли изъ платья, да и еще кое-чего... Женка плакала-выла, да ничего не подѣлаешь. Какъ поѣхала, я ей туда домой два пайка хлѣба далъ въ гостинцы. Поплакали и поклонъ послали дѣтямъ и всеѣмъ крещенымъ. Дорогой мы были скованы нарушными. По два человѣка шли. Я шелъ съ Иваномъ. Въ Новгородѣ съ насъ карточки снимали, тутъ заковали насъ и головы брили. Потомъ въ Москву погнали. Въ Москвѣ, когда сидѣли, на помилваніе прошеніе посылали. Какъ ѣхалъ въ Одессу, не помню. Хорошо ѣхалъ. Въ Одессѣ насъ выпрашивали въ докторской, скидывали одежду всю, оглядывали. Потомъ собрали насъ и погнали на пароходъ. Тутъ казаки и солдаты насъ рядомъ вели по ступенькамъ и посадили насъ въ нутро. Сидимъ на нарахъ, да и все. Всякъ на свое мѣсто. На верхней нарѣ пять человѣкъ насъ сидѣло. Сперва мы не понимали, а потомъ говорятъ: «Поѣхали, поѣхали!» ѣхали, ѣхали, а потомъ начало качать. Жартъ

такой, голые стояли народъ. Кто блевалъ, а другой — ничего. Тутъ, конечно, больше лежали. А штормъ гораздо былъ. Во всѣ стороны кидало. Ъхали, ѣхали, потомъ и паѣхали. Насъ такъ и толкнуло. День туманный. Сталось темно. Какъ толкнуло, и установилось, качается, знаешь, на скалахъ; думали, что рыба это качаетъ подъ шизомъ, ворочаетъ пароходъ *). Напередъ дергали, дергали — не сдернуть, да назадъ зачали дергать. Назадъ стали дергать, посередкѣ и проломилъ снизу. Начали парусомъ дыру затягивать; затягивали, затягивали — ничего способу нѣтъ. Вода наконилась до самаго полу, гдѣ народъ сидитъ, и стала подъ народъ выходить вода на полъ. Народъ проситъ: «Не дайте погибнуть, ваше благородіе!» И онъ сперва: «Не ломитесь, не проситесь, не дамъ погибнуть ничего.» Потомъ стало накопляться подъ нижнія нары. Крещеные стали проситься да ломиться. Баринъ и говоритъ: «Пу, ребята, выпущу васъ, только чтобъ не бунтовать, а нѣтъ — всѣхъ перестрѣляю». Потомъ выпустилъ. Сдѣлали богомоленіе, чтобы Господь усмирилъ, не погибнуть бы. Молились на колѣнкахъ. Послѣ богомоленія выдавали намъ галеты, сахаръ и море засмирилось. На другой день стали вывозить народъ на баржахъ на берегъ. На берегу было богомоленіе. Потомъ насъ перегрузили на другое судно, турецкое **), и привезли сюда, въ Александровскъ. Сняли насъ засвѣтло на пристань, да тутъ долго насъ продержали, и отпавились мы съ пристани уже въ потемникахъ. Крещеные такъ плетнемъ и шли, а тутъ еще навалилась куринная слѣнота. Другъ за дружку держатся; кто видитъ, а кто и нѣтъ — вотъ и цѣплялись. Я за собой десятокъ крещеныхъ велъ. Пригнали въ тюрьму на дворъ и стали разбирать по казармамъ, кого куда. Ужинали передъ сномъ, что было у кого, а утромъ намъ начали выдавать, что слѣдуетъ. Дня два отдыхали, на третій въ баню, а на четвертый работать догнали. Перво-на-перво копали канавы подъ зданіе, гдѣ лазаретъ теперь. Корчевали, обирали, копали и все прочее — такъ недѣлю или двѣ, а, можетъ, и съ мѣсяць. Потомъ мы возили бревна изъ-подъ Михайловки. Таскомъ таскали версты за три и въ груды у моста сваливали. По-

*) Рѣчь идетъ о крушеніи «Костромы» у западнаго берега Сахалина въ 1886 г.

***) Пароходъ добровольнаго флота «Владивостокъ».

томъ на огородъ погнали ямы для воды копать. А какъ наступилъ сѣнокосъ, стали собирать крещеныхъ: спрашиваютъ, кто косить умѣетъ, — ну, кто признавался, того и писали. Выдали намъ на всю артель хлѣбъ, крупу, мясо и погнали съ надзирателемъ на сѣнокосъ въ Армуданы. Жилъ я ничего, Богъ здоровья давалъ, и косилъ я хорошо. Другихъ надзиратель колотилъ, а я дурного слова не слыхивалъ. Ругается только народъ, зачѣмъ бойко идешь, — ну, да ничего. Въ слободное время или когда дождь, я плелъ себѣ ступни. Люди спятъ съ работы, а я сижу да плету. Ступни продавалъ, двѣ порціи говядины за ступни, а это четыре копейки стоятъ. Сѣнокосъ выставивши, пошли домой. Домой пришли, сняли насъ въ тюрьму. Потомъ взяли меня къ поселенцу Сашкѣ на Михайловку въ работники. У Сашки я дѣлалъ все по крестьянской работѣ: жаль, убирать, молотить, картошку копать, а Сашка за меня въ кѣзну бревна возилъ. Ъли все свое, что получали изъ кѣзны. Оработалъ я два мѣсяца и четыре дня. Обѣщаль Сашка денегъ, да не далъ ничего. Только и далъ, что пудъ картошки. Привезъ меня Сашка въ тюрьму и сдалъ. Выдали мнѣ топоръ и веревку — дрова таскать. Семь нечей стопялял. Я въ юртѣ жилъ, за камарщика воду носилъ и подметалъ. У татарина магзы *) майданъ сторожилъ. Какъ приду съ работы, мнѣ снѣ свой майданъ увѣрялъ, я продавалъ, а онъ мнѣ за это 15 копеекъ въ сутки платилъ. Весной, когда дни стали подолже, я сталъ плестъ лапти. Бралъ по десять копеекъ. А лѣтомъ рѣкой дрова гонялъ. Накопилъ я ихъ кучу большую и потомъ этого продалъ жиду банщику. Накопилъ я также лѣсу деревъ 60 и продалъ по 15 копеекъ. Вотъ и живу помаленьку, какъ Богъ даетъ. А только, ваше высокоблагородіе, разговаривать мнѣ съ тобой некогда, надо по воду идти.

— Въ поселенцы скоро выйдешь?

— Лѣтъ черезъ пять.

— Скучаешь по дому?

— Нѣтъ. Одно вотъ только — дѣтей жалко. Глуны.

— Скажи, Егоръ, о чемъ ты думаешь, когда тебя въ Одессѣ на пароходъ вези?

— Бога молилъ.

*) Китаецъ манза.

— О чемъ?

— Чтобы дѣтямъ ума-разума послалъ.

— Отчего ты жену и дѣтей не взялъ съ собой на Сахалинъ?

— Потому что имъ и дома хорошо.

VII.

Маякъ.—Корсаковское.—Коллекція д-ра П. И. Супруненко.—Метеорологическая станція.—Климатъ Александровскаго округа.—Ново-Михайловка.—Потемкинъ.—Эксъ-палачъ Терскій.—Красный Яръ.—Бутаково.

Прогулки по Александровску и его окрестностямъ съ почтовымъ чиновникомъ, авторомъ *Сахалино*, оставили во мнѣ пріятное воспоминаніе. Чаще всего мы ходили къ маяку, который стоитъ высоко надъ долиной, на мысѣ Жонкьеръ. Днемъ маякъ, если посмотрѣть на него снизу,—скромный бѣлый домикъ съ мачтой и съ фонаремъ, ночью же онъ ярко свѣтитъ въ потемкахъ, и кажется тогда, что каторга глядитъ на міръ своимъ краснымъ глазомъ. Дорога къ домику поднимается круто, оборачиваясь спиралью вокругъ горы, мимо старыхъ лиственницъ и елей. Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ свободнѣе дышется; море раскидывается передъ глазами, приходятъ мало-по-малу мысли, ничего общаго не имѣющія ни съ тюрьмой, ни съ каторгой, ни съ ссыльною колоніей, и тутъ только сознаешь, какъ скучно и трудно живетъ внизу. Каторжные и поселенцы изо дня въ день кесутъ наказаніе, а свободные отъ утра до вечера говорятъ только о томъ, кого драли, кто бѣжалъ, кого поймали и будутъ драть; и странно, что къ этимъ разговорамъ и интересамъ самъ прыгаешь въ одну недѣлю и, проснувшись утромъ, принимаешься, прежде всего, за печатные генеральскіе приказы — мѣстную ежедневную газету, и потомъ цѣлый день слушаешь и говоришь о томъ, кто бѣжалъ, кого подстрѣлили и т. п. На горѣ же, въ виду моря и красивыхъ овраговъ, все это становится до-нельзя пошло и грубо, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Говорятъ, что по дорогѣ на маякъ когда-то стояли скамьи, но что ихъ вынуждены были убрать, потому что каторжные и поселенцы во время прогулокъ писали на нихъ и вырѣзывали ножами грязные пасквили и всякія

сальности. Любителей такъ-называемой заборной литературы много и на волѣ, но на каторгѣ цинизмъ превосходитъ всякую мѣру и не идетъ въ сравненіе ни съ чѣмъ. Здѣсь не только скамьи и стѣны задворковъ, но даже любовныя письма отвратительны. Замѣчательно, что чловѣкъ пишетъ и вырѣзываетъ на скамьѣ разныя мерзости, хотя, въ то же время, чувствуетъ себя потеряннымъ, брошеннымъ, глубоко несчастнымъ. Иной уже старикъ и толкуетъ, что ему свѣтъ постылъ и умирать пора, у него жестокій ревматизмъ и плохо видятъ глаза, но съ какимъ апшетитомъ произноситъ онъ безъ передышки извозчицью брань, растянутую въ длинную вязь изъ всякихъ отборныхъ ругательныхъ словъ и вычурную, какъ заклинаніе отъ лпхорадки. Если же онъ грамотенъ, то въ уединенномъ мѣстѣ ему бываетъ трудно подавить въ себѣ задоръ и удержаться отъ искушенія напаралать на стѣнѣ хотя бы ногтемъ какое-нибудь запретное слово.

Около домика рвется на цѣпи злая собака. Пушка и колюколь; говорятъ, что скоро привезутъ и поставятъ здѣсь ревуны, который будетъ реветъ во время тумановъ и нагонять тоску на жителей Александровска. Если, стоя въ фонарѣ маяка, поглядѣть внизъ на море и на «Трехъ Братьевъ», около которыхъ пѣнятся волны, то кружится голова и становится жутко. Неясно виденъ Татарскій берегъ и даже входъ въ бухту де-Кастри; смотритель маяка говоритъ, что ему бываетъ видно, какъ входятъ и выходятъ изъ де-Кастри суда. Широкое, сверкающее отъ солнца море глухо шумитъ внизу, далекій берегъ соблазнительно манитъ къ себѣ, и становится грустно и тоскливо, какъ будто никогда уже не выберешься изъ этого Сахалина. Глядишь на тотъ берегъ и кажется, что будь я каторжникомъ, то бѣжалъ бы отсюда непременно, несмотря ни на что.

За Александровскомъ, вверхъ по теченію Дуйки, слѣдуетъ селеніе *Корсаковское*. Основано оно въ 1881 году и названо такъ въ честь М. С. Корсакова, бывшаго генераль-губернатора Восточной Сибири. Интересно, что на Сахалинѣ даютъ названія селеніямъ въ честь сибирскихъ губернаторовъ, смотрителей тюремъ и даже фельдшеровъ, но совершенно забываютъ объ изслѣдователяхъ, какъ Невельской, морякѣ Корсаковѣ, Бошнякѣ, Поляковѣ и мно-

гіе другіе, память которыхъ, полагаю, заслуживаетъ большаго уваженія и вниманія, чѣмъ какого-нибудь смотрителя Дербина, убитаго за жестокость *).

Въ Корсаковѣ жителей 272: 153 м. и 119 ж. Всѣхъ хозяевъ 58. По составу своихъ хозяевъ, изъ которыхъ 26 имѣютъ крестьянское званіе и только 9 — каторжные, по количеству женщинъ, сѣнокоса, скота и проч., Корсаковка мало отличается отъ зажиточной Александровской слободки, 8 хозяевъ имѣютъ по два дома и на каждые 9 домовъ приходится одна баня. Лошадей имѣютъ 45 хозяевъ, коровъ 4—9. Многіе изъ нихъ имѣютъ по 2 лошади и по 3—4 коровы. По количеству старожиловъ, Корсаковка занимаетъ на Сѣверномъ Сахалинѣ едва ли не первое мѣсто — 43 хозяина сидятъ на своихъ участкахъ съ самаго основанія селенія. Переписывая жителей, я встрѣтилъ 8 человекъ, которые прибыли на Сахалинъ до 1870 г., а одинъ изъ нихъ присланъ даже въ 1866 г. А высокой процентъ старожиловъ въ колоніи—это добрый знакъ.

Вѣнностью своею Корсаковка до обмана похожа на хорошую русскую деревушку, и притомъ, глухую, которой еще не коснулась цивилизація. Я тутъ былъ въ первый разъ въ воскресенье послѣ обѣда. Была тихая, теплая погода и чувствовался праздникъ. Мужики спали въ тѣни или пили чай; у воротъ и подъ окнами бабы искали другъ у друга въ головахъ. Въ палисадникахъ и въ огородахъ цвѣты, въ окнахъ герань. Много дѣтей, всѣ на улицѣ и играютъ въ солдаты или въ лошади и возятся съ сытыми собаками, которымъ хочется спать. А когда наступитъ, старый бродяга, пригналъ стадо больше чѣмъ въ полтораста головъ и воздухъ наполнился дѣтними звуками, — мычанье, хлопанье бича, крикъ бабъ и дѣтей, загоняющихъ телятъ, глухіе удары босыхъ ногъ и копытъ по пыльной

*) Для ссыльной колоніи до настоящаго времени больше всѣхъ сдѣлали, въ смыслѣ ея созиданія и ответственности за нее, два человека: М. С. Мицуръ и М. Н. Галкинъ-Враской. Въ честь перваго названо маленькое селеніе изъ десяти дворовъ, бѣдное и недолговѣчное, а въ честь втораго — селеніе, которое уже имѣло старое и прочное мѣстное названіе Сіянци, такъ что только на бумагахъ, да и то не на всѣхъ, оно называется Галкино-Враское. Между тѣмъ, имя М. С. Корсакова носить на Сахалинѣ селеніе и большой постъ не за какія-либо особенныя заслуги или жертвы, а только потому, что онъ былъ генераль-губернаторомъ и могъ нагнать страху.

унавоженной дорогѣ,—и когда запахло молокомъ, то иллюзія получилась полная. И даже Дуйка здѣсь привлекательна. Мѣстами течетъ она по задворкамъ, мимо огородовъ; тутъ берега у нея зеленые, поросшіе тальникомъ и осокой; когда я видѣлъ ее, на ея совершенно гладкую поверхность ложились вечернія тѣни; она была тиха и, казалось, дремала.

Здѣсь, какъ и въ богатой Александровской слободкѣ, мы находимъ высокій процентъ старожиловъ, женщинъ и грамотныхъ, большое число женщинъ свободнаго состоянія и почти ту же самую «исторію пропалаго», съ тайною продажей спирта, кулачествомъ и т. п.; рассказываютъ, что въ былое время тутъ въ устройствѣ хозяйства также игралъ замѣтную роль фаворитизмъ, когда начальство легко давало въ долгъ и скотъ, и сѣмена, и даже спиртъ, и тѣмъ легче, что корсаковцы будто бы всегда были политиканами и даже самыхъ маленькихъ чиновниковъ величали вашимъ превосходительствомъ. Но, въ отличіе отъ Александровской слободки, здѣсь главною причиною зажиточности являются, все-таки, не продажа спирта, не фаворитизмъ или близость сахалинскаго Парижа, а несомнѣнные усилія въ хлѣбопашествѣ. Въ то время, какъ въ слободкѣ четверть хозяевъ обходится безъ пахотной земли, а другая четверть имѣетъ ея очень мало, здѣсь, въ Корсаковкѣ, всѣ хозяева пахутъ землю и сѣютъ зерновые хлѣба; тамъ половина хозяевъ обходится безъ скота и, все-таки, сыта, здѣсь же почти всѣ хозяева находятъ нужнымъ держать скотъ. По многимъ причинамъ нельзя относиться къ сахалинскому земледѣлію иначе, какъ скептически, но что оно въ Корсаковкѣ поставлено серьезно и даетъ сравнительно хорошіе результаты, признать необходимо. Нельзя же вѣдь допустить, чтобы корсаковцы бросали ежегодно въ землю двѣ тысячи пудовъ зерна только изъ упрямства или изъ желанія угодить начальству. У меня нѣтъ точныхъ цифръ относительно урожая, а показаніямъ самихъ корсаковцевъ вѣрить нельзя, но по нѣкоторымъ признакамъ, какъ, напримеръ, большое количество скота, внѣшняя обстановка жизни и то, что здѣшніе крестьяне не торопятся уѣзжать на материкъ, хотя давно уже имѣютъ на это право, слѣдуетъ заключить, что урожай здѣсь не только кормятъ, но и даютъ нѣкоторый избытокъ, располагающій поселенца къ осѣдой жизни.

Почему корсаковцамъ удастся хлѣбопашество въ то время, какъ жители сосѣднихъ селеній терпятъ крайнюю нужду отъ цѣлаго ряда неудачъ и уже отчаялись кормиться когда-либо своимъ хлѣбомъ, объяснить не трудно. Тамъ, гдѣ расположилась Корсаковка, долина рѣки Дуйки наиболѣе широка, и корсаковцы уже съ самаго начала, когда сѣдились на участки, имѣли въ своемъ распоряженіи громадную площадь земли. Они могли не только брать, но и выбирать. Въ настоящее время 20 хозяевъ имѣютъ подъ пашней отъ 3 до 6 и рѣдко кто меньше 2 десятинъ. Если читатель пожелаетъ сравнить здѣшніе участки съ нашими крестьянскими надѣлами, то онъ долженъ еще имѣть въ виду, что пахотная земля здѣсь не ходитъ подъ паромъ, а ежегодно засѣвается вся до послѣдняго вершка, и потому здѣшнія двѣ десятины въ количественномъ отношеніи стѣять нашихъ трехъ. Пользованіе исключительно большими участками земли и составляетъ весь секретъ успѣха корсаковцевъ. При сахалинскихъ урожаяхъ, колеблющихся въ среднемъ между самъ-другъ и самъ-три, земля можетъ дать достаточно хлѣба только при одномъ условіи: когда ея много. Много земли, много сѣмянъ и дешевой, ничего не стоящій трудъ. Въ тѣ годы, когда зерновой хлѣбъ совсѣмъ не родится, корсаковцы выручаютъ овощи и картофель, которые занимаютъ здѣсь тоже солидную площадь—33 десятины.

Недавно существующая ссыльная колонія со своимъ маленькимъ подвижнымъ населеніемъ еще не созрѣла для статистики; при томъ скудномъ цифровомъ матеріалѣ, какой она до сихъ поръ успѣла дать, волей-неволей приходится строить свои выводы лишь на однихъ намекахъ и догадкахъ, при всякомъ подходящемъ случаѣ. Если не бояться упрека въ поспѣшности вывода и данными, относящимися въ Корсаковкѣ, воспользоваться для всей колоніи, то, пожалуй, можно сказать, что при ничтожныхъ сахалинскихъ урожаяхъ, чтобы не работать въ убытокъ и быть сытымъ, каждый хозяинъ долженъ имѣть болѣе двухъ десятинъ пахотной земли, не считая сѣнокосовъ и земли подъ овощами и картофелемъ. Установить болѣе точную норму въ настоящее время невозможно, но, по всей вѣроятности, она равняется четыремъ десятинамъ. Между тѣмъ, по *Отчету о состояніи сельскаго хозяйства въ*

1889 году, на Сахалинѣ на каждаго владѣльца приходится пахотной земли въ среднемъ только полъ-десятины (1.555 кв. саж.).

Въ Корсаковѣ есть домъ, который своими размѣрами, красною крышей и уютнымъ садомъ напоминаетъ помѣщичью усадьбу средней руки. Хозяинъ этого дома, завѣдующій медицинскою частью, д-ръ П. И. Супруненко, уѣхалъ весною, чтобъ экспонировать на тюремной выставкѣ и потомъ навсегда остаться въ Россіи, и въ опустѣвшихъ комнатахъ я засталъ только остатки роскошной зоологической коллекціи, собранной докторомъ. Я не знаю, гдѣ теперь эта коллекція и кто изучаетъ по ней фауну Сахалина, но по немногимъ оставшимся экземплярамъ, въ высшей степени изящнымъ, и по разсказамъ я могъ судить о богатствѣ коллекціи и о томъ, сколько знанія, труда и любви затрачено докторомъ Супруненко на это полезное дѣло. Онъ началъ собирать коллекцію въ 1881 г. и за десять лѣтъ успѣлъ собрать почти всѣхъ позвоночныхъ, встречаемыхъ на Сахалинѣ, а также много матеріала по антропологии и этнографіи. Его коллекція, если бъ она осталась на островѣ, могла бы послужить основаніемъ для превосходнаго музея.

При домѣ находится метеорологическая станція. До послѣдняго времени она находилась въ вѣдѣніи д-ра Супруненко, теперь же завѣдуеть ею инспекторъ сельскаго хозяйства. При мнѣ наблюденія производилъ писарь, ссыльно-каторжный Головацкій, толковый и обязательный человекъ, снабдившій меня метеорологическими таблицами. Уже можно сдѣлать выводъ изъ наблюденій за девять лѣтъ и я стараюсь дать нѣкоторое понятіе о климатѣ Александровскаго округа. Владивостокскій городской голова какъ-то сказалъ мнѣ, что у нихъ во Владивостокѣ и вообще по всему восточному побережью «нѣтъ никакого климата», про Сахалинъ же говорятъ, что климата здѣсь нѣтъ, а есть дурная погода, и что этотъ островъ—самое ненастное мѣсто въ Россіи. Не знаю, насколько вѣрно послѣднее; при мнѣ было очень хорошее лѣто, но метеорологическія таблицы и краткіе отчеты другихъ авторовъ даютъ въ общемъ картину необычайнаго ненастья. Климатъ Александровскаго округа морской и отличается своимъ непостоянствомъ, т. е. значительными колебаніями средней темпера-

туры года *), числа дней съ осадками и проч.; низкая средняя температура года, громадное количество осадковъ и пасмурныхъ дней составляютъ его главныя особенности. Для сравненія я возьму среднія мѣсячныя температуры Александровскаго округа и Череповецкаго уѣзда, Новгородской губернии, гдѣ «суровый, сырой, непостоянный и неблагоприятный для здоровья климатъ» **):

	Алекс. окр.	Черепов. уѣздъ.
Январь	—18,9	—11,0
Февраль	—15,1	— 8,2
Мартъ	—10,1	— 1,8
Апрѣль	+ 0,1	+ 2,8
Май	+ 5,9	+12,7
Июнь	+11,0	+17,5
Июль	+16,3	+18,5
Августъ	+17,0	+13,5
Сентябрь	+11,4	+ 6,8
Октябрь	+ 3,7	+ 1,8
Ноябрь	— 5,5	— 5,7
Декабрь	—13,8	—12,8

Средняя годовая температура въ Александровскомъ округѣ равна +0,1, т. е. почти 0, а въ Череповецкомъ уѣздѣ +2,7. Зима въ Александровскомъ округѣ суровѣе, чѣмъ въ Архангельскѣ, весна и лѣто какъ въ Финляндіи и осень какъ въ Петербургѣ, средняя годовая температура какъ въ Соловецкихъ островахъ, гдѣ она тоже равна нулю. Въ долинѣ Дуйки наблюдается вѣчная мерзлота. Поляковъ нашелъ ее 20 июня на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина. Онъ же 14 июля нашелъ подъ кучами мусора и въ ложбинахъ около горъ снѣгъ, который растаялъ только въ концѣ июля. 24 июля 1889 г. на горахъ, которыя здѣсь не высоки, выпалъ снѣгъ и всѣ нарядились въ шубы и тулупы. Вскрытія Дуйки за 9 лѣтъ наблюдались: самое раннее 23-го апрѣля и самое позднее 6-го мая. За всѣ девять зимъ ни разу не было оттепели. 181 день въ году бываетъ морозъ и въ 151 дуетъ холодный вѣтеръ. Все это имѣетъ важное практическое значе-

*) Средняя температура года колеблется между +1,2 и —1,2; число дней съ осадками между 102 и 209; тихихъ безвѣтряныхъ дней въ 1881 г. было только 35, а въ 1884 г. въ три раза больше—112.

**) П. Грязновъ: «Опытъ сравнительнаго изученія гигиеническихъ условій крестьянскаго быта и медико-топографія Череповецкаго уѣзда», 1880 г. Градусы по Реомюру у г. Грязнова я перевозу на Цельси.

ніе. Въ Череповецкомъ уѣздѣ, гдѣ лѣто теплѣе и продолжительнѣе, по Чернову, не могутъ хорошо вызрѣвать греча, огурцы и пшеница, а въ Александровскомъ округѣ, по свидѣтельству здѣшняго инспектора сельскаго хозяйства, ни въ одинъ годъ не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полного вызрѣванія овса и пшеницы.

Наибольшаго вниманія со стороны агронома и гигиениста заслуживаетъ здѣшняя чрезмѣрная влажность. Въ году бываетъ дней съ осадками въ среднемъ 189: 107 со снѣгомъ и 82 съ дождемъ (въ Череповецкомъ уѣздѣ 81 день съ дождемъ и 82 со снѣгомъ). Небо по цѣлымъ недѣлямъ бываетъ сплошь покрыто свинцовыми облаками и безотрадная погода, которая тянется изо дня въ день, кажется жителямъ безконечною. Такая погода располагаетъ къ угнетающимъ мыслямъ и унылому пьянству. Быть-можетъ, подъ ея вліяніемъ многіе холодные люди стали жестокими и многіе добряки и слабые духомъ, не видя по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ солнца, навсегда потеряли надежду на лучшую жизнь. Поляковъ пишетъ про іюнь 1881 г., что не было ни одного яснаго дня въ теченіе всего мѣсяца, а изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства видно, что за четырехлѣтній періодъ въ промежутокъ отъ 18-го мая по 1-е сентября число ясныхъ дней въ среднемъ не превышаетъ 8. Туманы здѣсь довольно частое явленіе, особенно на морѣ, гдѣ они представляютъ для моряковъ настоящее бѣдствіе; соленые морскіе туманы, какъ говорятъ, дѣйствуютъ разрушающимъ образомъ на прибрежную растительность, и на деревья, и на луга. Ниже я буду говорить о селеніяхъ, жители которыхъ, благодаря, главнымъ образомъ, этимъ туманамъ, уже перестали сѣять зерновые хлѣба и всю свою пахотную землю пускаютъ подъ картофель. Однажды въ ясную солнечную погоду я видѣлъ, какъ съ моря надвигалась стѣна тумана совершенно бѣлаго, молочнаго цвѣта; походило на то, какъ будто съ неба на землю опустился бѣлый занавѣсъ.

Метеорологическая станція снабжена инструментами, провѣренными и приобрѣтенными въ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ. Библіотеки при ней нѣтъ. Кромѣ вышеупомянутаго писаря Головацкаго и его жены, на станціи я еще записалъ шесть работниковъ и одну работницу. Что они тутъ дѣлаютъ, не знаю.

Въ Корсаковѣ есть школа и часовня. Былъ и больничный околотокъ, гдѣ вмѣстѣ помѣщались 14 сифилитиковъ и 3 сумасшедшихъ; одинъ изъ послѣднихъ заразился сифилисомъ. Говорятъ также, что сифилитики приготавливали для хирургическаго отдѣленія морской кашатъ и корию. Но я не успѣлъ побывать въ этомъ средне-вѣковомъ учрежденіи, такъ какъ въ сентябрѣ оно было закрыто молодымъ военнымъ врачомъ, исправлявшимъ временно должность тюремнаго врача. Если бы здѣсь сумасшедшихъ сожигали на кострахъ по распоряженію тюремныхъ врачей, то и это не было бы удивительно, такъ какъ мѣстные больничные порядки отстали отъ цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двѣсти.

Въ одной избѣ уже въ сумеркахъ я засталъ человѣка лѣтъ сорока, одѣтаго въ пиджакъ и въ брюки на-выпускъ; бритый подбородокъ, грязная, некрахмаленная сорочка, модное галстука—по всемъ видимостямъ привилегированный. Онъ сидѣлъ на низкой скамеечкѣ и изъ глиняной чашки ѣлъ солонину и картофель. Онъ назвалъ свою фамилію съ окончаніемъ на *ий* и мнѣ почему-то показалось, что я вижу передъ собой одного бывшего офицера, тоже на *ий*, который за дисциплинарное преступленіе былъ присланъ на каторгу.

— Вы бывшій офицеръ?—спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, я священникъ.

Не знаю, за что его прислали на Сахалинъ, да и не спрашивалъ я объ этомъ; когда человѣкъ, котораго еще такъ недавно звали отцомъ Іоанномъ и батюшкой и которому цѣловали руку, стоитъ передъ вами навытяжку, въ жалкомъ поношенномъ пиджакѣ, то думаешь не о преступленіи. Въ другой избѣ я наблюдалъ такую сцену. Молодой каторжный, брюнетъ съ необыкновенно грустнымъ лицомъ, одѣтый въ шегольскую блузу, сидитъ у стола, подперевъ голову обѣими руками, хозяйка каторжная убираетъ со стола самоваръ и чашки. На мой вопросъ, женатъ ли онъ, молодой человѣкъ отвѣчаетъ, что за нимъ на Сахалинъ прибыла добровольно его жена съ дочерью, но что вотъ уже два мѣсяца, какъ она уѣхала съ ребенкомъ въ Николаевскъ и не возвращается, хотя онъ послалъ ей уже нѣсколько телеграммъ. «И не вернется, — говоритъ хозяйка съ какимъ-то злорадствомъ. — Что ей тутъ дѣлать? Саха-

лина твоего не видала, что ли? Легко ли дѣло!» Онъ молчитъ, а она опять: «И не вернется. Баба она молодая, вольная,—чего ей? Залетѣла, какъ птица—и была такова, ни слуху, ни духу. Вотъ не то, что я да ты. Не убивала бы я мужа, а ты бы не поджигалъ, и мы тоже были бы теперь вольные, а теперь вотъ сиди и жди вѣтра въ полѣ, свою женушку, да пускай вотъ твое сердце кровью обливается»... Онъ страдаетъ, на души у него, повидимому, свинець, а она пилитъ его и пилитъ; выхожу изъ избы, а голосъ ея все слышно.

Въ Корсаковѣ вмѣстѣ со мной ходилъ по избамъ каторжный Кисляковъ, довольно странный человекъ. Судебные репортеры, вѣроятно, еще не забыли его. Это тотъ самый Кисляковъ, изъ военныхъ писарей, который въ Петербургѣ на Николаевской убилъ молоткомъ свою жену и самъ явился къ градоначальнику объявить о своемъ преступленіи. По его разсказу, жена у него была красавица и онъ очень любилъ ее, но какъ-то разъ, повздоривъ съ ней, онъ поклялся передъ образомъ, что убьетъ ее, и съ этого времени до самаго убійства какая-то невидимая сила не переставала шептать ему на ухо: «убей, убей!» До суда онъ сидѣлъ въ больницѣ св. Николая; вѣроятно, поэтому самъ считаетъ себя исихонатомъ, такъ какъ не разъ просилъ меня похлопотать о томъ, чтобы его признали сумасшедшимъ и заточили въ монастырь. Вся его каторга заключается въ томъ, что въ тюрьмѣ ему поручено дѣлать колышки для прикрѣпленія привѣсковъ къ хлѣбнымъ порціямъ — работа, кажется, не грудная, но онъ нанимаетъ вмѣсто себя другого, а самъ «даетъ уроки», т. е. ничего не дѣлаетъ. Одѣтъ онъ въ пиджачный костюмъ изъ парусинки и наружность имѣетъ благообразную. Парень недалекий, но говорунъ и философъ. «Гдѣ блохи, тамъ и дѣти»,— говорилъ онъ сладкимъ бархатнымъ баритономъ всякій разъ при видѣ дѣтей. Когда спрашивали при немъ, зачѣмъ я дѣлаю перепись, онъ говорилъ: «Зачѣмъ, чтобы всѣхъ насъ отправить на луну. Знаешь, гдѣ луна?» А когда мы поздно вечеромъ возвращались пѣшкомъ въ Александровскъ, онъ нѣсколько разъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу, повторилъ: «Месть есть самое благородное чувство».

Дальше вверхъ по Дуикѣ слѣдуетъ селеніе *Ново-Михайловское*, основанное въ 1872 г. и названное такъ потому,

что Мишуля звали Михайломъ. У многихъ авторовъ оно называется Верхнимъ Урочищемъ, а у здѣшнихъ поселенцевъ—Пашней. Жителей въ селеніи 520: 287 м. и 233 ж. Хозяевъ 133 и изъ нихъ двое имѣютъ совладѣльцевъ. Пахотные участки показаны въ подворной описи у всѣхъ хозяевъ, крупный скотъ имѣется у 84, но, тѣмъ не менѣе, все-таки избы, за немногими исключеніями, поражаютъ своею бѣдностью, и жители въ одинъ голосъ заявляютъ, что на Сахалинѣ не проживешь «никакимъ родомъ». Рассказываютъ, что въ прежніе годы, когда бѣдность въ Ново-Михайловкѣ была вопіющая, изъ селенія вела въ Дуэ тропинка, которую протоптали каторжники и свободныя женщины, ходившія въ Дуйскую и Воеводскую тюрьмы продавать себя арестантамъ за мѣдные гроши. Могу удостовѣрить, что тропинка эта не заросла еще и до сихъ поръ. Тѣ изъ жителей, которые, подобно корсаковцамъ, имѣютъ большіе пахотные участки, отъ 3 до 6 и даже 8 десятинъ, не бѣдствуютъ, но такихъ участковъ мало и съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше, и въ настоящее время больше половины хозяевъ владѣютъ участками отъ $\frac{1}{8}$ до $1\frac{1}{2}$ дес., а это значитъ, что хлѣбопашество даетъ имъ одни только убытки. Хозяева-старожилы, искушенные опытомъ, сѣютъ только ячмень и свои пахотные участки стали пускать подъ картофель.

Земля здѣсь не служитъ приманкой и не располагаетъ къ осѣдлой жизни. Изъ тѣхъ хозяевъ, которые сѣли на участки въ первые четыре года послѣ основанія селенія, не осталось ни одного; съ 1876 г. сидятъ 9, съ 1877 г.—7, съ 1878 г.—2, съ 1879 г.—4, а всѣ остальные—новички.

Въ Ново-Михайловкѣ телеграфная станція, школа, казарма для богадѣльщиковъ и остовъ недостроенной деревянной церкви. Есть пекарня, гдѣ пекутъ хлѣбъ для каторжныхъ, занятыхъ дорожными работами въ районѣ Ново-Михайловки; пекутъ, должно-быть, безъ всякаго контроля со стороны начальства, такъ какъ хлѣбъ здѣсь отвратительный.

Каждому проѣзжающему черезъ Ново-Михайловку не миновать познакомиться съ живущимъ здѣсь крестьяниномъ изъ ссыльныхъ Потемкинымъ. Когда на Сахалинѣ пріѣзжаетъ какое-нибудь важное лицо, то Потемкинъ подноситъ ему хлѣбъ-соль; когда хотятъ доказать, что сельскохозяй-

ственная колонія удалась, то указываютъ обыкновенно на Потемкина. Въ подворной описи у него показано 20 лошадей и 9 головъ рогатаго скота, но говорятъ, что лошадей у него вдвое больше. Онъ имѣетъ лавочку, и есть у него еще лавочка въ Дуэ, гдѣ торгуетъ его сынъ. Впечатлѣніе производитъ онъ дѣловаго, умнаго и зажиточнаго раскольника. Въ комнатахъ у него чисто, стѣны оклеены обоями и есть картина: *Маріенбадъ, морскія купанья близъ Либавы*. Самъ онъ и его жена-старушка степенны, разсудительны и въ разговорѣ политичны. Когда я пилъ у него чай, то онъ и его жена говорили мнѣ, что жить на Сахалинѣ можно и земля хорошо родить, но что все горе въ томъ, что нынче народъ облѣнился, избаловался и не старается. Я спросилъ его: правду ли говорятъ, что онъ угощалъ одну важную особу арбузами и дынями изъ собственныхъ огородовъ? Онъ не моргнувъ глазомъ и отвѣтилъ: «Это точно, дыни здѣсь, случается, поспѣваютъ» *).

Въ Ново-Михайловкѣ проживаетъ еще одна сахалинская знаменитость — поселенецъ Терскій, бывшій палачъ. Онъ кашляетъ, держится за грудь блѣдными, костлявыми руками и жалуется, что у него животъ надорванъ. Сталъ онъ чахнуть съ того дня, какъ по приказанію начальства за какую-то провинность былъ наказанъ теперешнимъ александровскимъ палачомъ Комелевымъ. Комелевъ такъ постарался, что «чуть души не вышибъ». Но скоро провинился въ чемъ-то Комелевъ — и наступилъ праздникъ для Терскаго. Этотъ далъ себѣ волю и въ отместку отдралъ коллегу такъ жестоко, что у того, по рассказамъ, до сихъ поръ гноится тѣло. Говорятъ, что если двухъ ядовитыхъ пауковъ посадить въ одну банку, то они заѣдятъ другъ друга до смерти.

До 1888 г. Ново-Михайловка была послѣднимъ селеніемъ по Дуйкѣ, теперь же есть еще *Красный Ярз* и *Бутаково*. Къ этимъ селеніямъ отъ Ново-Михайловки проводятъ дорогу. Первую половину пути къ Красному Яру,

*) Потемкинъ прибылъ на Сахалинъ уже богатымъ. Д-ръ Августинъ, видѣвшій его черезъ три года послѣ его прибытія на Сахалинъ, пишетъ, что «лучше всѣхъ домъ ссыльнаго Потемкина». Если за трехлѣтній періодъ каторжный Потемкинъ успѣлъ построить себѣ хорошій домъ, завести лошадей и выдать дочь за сахалинскаго чиновника, то, я думаю, сельское хозяйство тутъ не при чемъ.

версты три, мнѣ пришлось ѣхать по новой, гладкой и прямой, какъ линейка, дорогѣ, а вторую по живописной тайговой просѣлкѣ, на которой пни уже выкорчеваны и ѣзда легка и пріятна, какъ по хорошей проселочной дорогѣ. Круныя строевыя экземпляры деревьевъ по пути почти вездѣ уже срублены, но тайга все еще внушительна и красива. Березы, осины, тополи, ивы, ясени, бузина, черемуха, таволга, боярышникъ, а между ними трава въ ростъ человѣка и выше; гигантскіе папоротники и долуки, листья которыхъ имѣютъ болѣе аршина въ діаметрѣ, вмѣстѣ съ кустарниками и деревьями сливаются въ густую непроходимую чащу, дающую пріютъ медвѣдямъ, соболямъ и оленямъ. По обѣ стороны, гдѣ кончается узкая долина и начинаются горы, зеленою стѣной стоятъ хвойныя лѣса изъ пихтъ, елей и лиственницъ, выше ихъ опять лиственный лѣсъ, а вершины горъ лысы или покрыты кустарникомъ. Такихъ громаднхъ долуковъ, какъ здѣсь, я не встрѣчалъ нигдѣ въ Россіи, и они-то, главнымъ образомъ, придаютъ здѣшней чашѣ, лѣснымъ полянамъ и дугамъ оригинальную фizioномію. Я уже писалъ, что ночью, особенно при лунномъ свѣтѣ, они представляются фантастическими. Въ этомъ отношеніи декорачію пополняетъ еще одно великолѣпное растеніе изъ семейства зонтичныхъ, которое, кажется, не имѣетъ на русскомъ языкѣ названія: прямой стволъ вышиною до десяти футовъ и толдиною въ основаніи три дюйма, пурпурово-красный въ верхней части, держитъ на себѣ зонтикъ до одного фута въ поперечникѣ; около этого главнаго зонта группируются 4—6 зонтовъ меньшаго размѣра, придающіе растенію видъ канделябра. По-латыни это растеніе называется *angelophyllum ursinum* *).

Красный Яръ существуетъ только второй годъ. Въ немъ одна широкая улица, но дороги еще нѣтъ, и отъ избы къ избѣ ходятъ по кочкамъ, по кучамъ глины и стружкамъ

*) Большинству авторовъ здѣшній пейзажъ не нравится. Это оттого, что они пріѣзжали на Сахалинъ, находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пейлозской и японской или амурской природы, и оттого, что они начинали съ Александровска и Дуэ, гдѣ природа въ самомъ дѣлѣ жалка. Впловата въ этомъ и здѣшняя погода. Какъ бы ни былъ красивъ и оригиналенъ сахалинскій пейзажъ, но если онъ по недѣлямъ прячется въ туманѣ или въ дождѣ, то трудно оцѣнить его по достоинству.

и прыгаютъ черезъ бревна, пни и канавы, въ которыхъ застоялась коричневая вода. Избы еще не готовы. Одинъ хозяинъ дѣлаетъ кирпичи, другою макетъ печку, третій тащитъ черезъ улицу бревно. Всѣхъ хозяевъ 51. Изъ нихъ трое—и между ними китаецъ Пен-Оги-Цой—побросали свои начатыя избы, ушли и неизвѣстно кому, гдѣ они теперь. А кавказцы, ихъ здѣсь семеро, уже прекратили работы, сбились всѣ въ одну избу и жмутся отъ холода, хотя еще только второе августа. Что селеніе еще молодо и едва начинаетъ свою жизнь, видно также изъ цифръ. Жителей 90, причѣмъ мужчины стносятся къ женщинамъ, какъ 2 къ 1; законныхъ семей—3, а свободныхъ—20, и дѣтей до пятилѣтняго возраста только 9. Лошадей имѣютъ 3 хозяина, коровъ—9. Въ настоящее время всѣ хозяева получаютъ арестантскій паекъ, но чѣмъ они будутъ питаться впоследствии, пока неизвѣстно; на хлѣбопашество же, во всякомъ случаѣ, надежды плохія. До сихъ поръ успѣли найти и раскорчевать подъ пашню и картофель только 24 $\frac{1}{4}$ дес., т. е. меньше чѣмъ $\frac{1}{2}$ дес. на хозяйство. Сѣнокосовъ нѣтъ вовсе. А такъ какъ долина здѣсь узка и съ обѣихъ сторонъ стиснута горами, на которыхъ ничего не родится, и такъ какъ администрація не останавливается ни передъ какими соображеніями, когда ей нужно сбыть съ рукъ людей, и, навѣрное, ежегодно будетъ сажать сюда на участки десятки новыхъ хозяевъ, то пахотные участки останутся такими же, какъ теперь, т. е. въ $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ дес., а пожалуй и меньше. Я не знаю, кто выбиралъ мѣсто для Краснаго Яра, но по всему видно, что это возложено было на людей некомпетентныхъ, никогда не бывавшихъ въ деревнѣ, а, главное, меньше всего думавшихъ о сельско-хозяйственной колоніи. Тутъ даже порядочной воды нѣтъ. Когда я спросилъ, откуда берутъ воду для питья, то мнѣ указали на канаву.

Всѣ избы здѣсь на одинаковый фасонъ, двухъ-оконныя, строятся изъ плохого и сырого дѣса, съ единственнымъ расчетомъ—отбыть какъ-нибудь поселенческій срокъ и уѣхать на материкъ. Контроля надъ постройками со стороны администраціи нѣтъ, вѣроятно, по той причинѣ, что между чиновниками нѣтъ ни одного, который зналъ бы, какъ нужно строить избы и класть печи. По штату, впрочемъ, на Сахалинѣ полагается архитекторъ, но при мнѣ его не было, да и завѣдуетъ онъ, кажется, одними только

казенными постройками. Веселѣе и привѣтливѣе всѣхъ смотритъ казенный домъ, гдѣ живетъ надзиратель Убиенныхъ, маленький, тщедушный солдатикъ, съ выраженіемъ, которое вполне подходитъ къ его фамилии; на лицѣ у него, въ самомъ дѣлѣ, что-то убиенное, горько-недоумѣвающее. Быть-можетъ, это оттого, что съ нимъ въ одной комнатѣ живетъ высокая и полная поселка, его сожительница, подарившая его многочисленнымъ семействомъ. Онъ состоитъ уже на старшемъ надзирательскомъ окладѣ и вся служба его заключается только въ докладахъ прѣзжающимъ, что все на этомъ свѣтѣ обстоитъ благополучно. Но и ему не нравится Красный Яръ и хочется вонъ изъ Сахалина. Онъ меня спрашивалъ: пустятъ ли его сожительницу съ нимъ вмѣстѣ, когда онъ выйдетъ въ замасъ и пойдетъ на материкъ? Этотъ вопросъ его очень беспокоитъ.

Въ Бутаковѣ *) я не былъ. По даннымъ подворной описи, часть которыхъ я могъ провѣрить и дополнить по исповѣдной книгѣ священника, всѣхъ жителей тамъ 39. Взрослыхъ женщинъ только 4. Хозяевъ 22. Готовы пока 4 дома, а у остальныхъ хозяевъ стоятъ еще срубы. Земли подъ пашней и картофелемъ всего 4¹/₂ дес. Скота и птицы пока нѣтъ еще ни у одного хозяина.

Покончивъ съ долиной Дуйки, перехожу къ небольшой рѣчкѣ Аркай, на которой стоятъ три селенія. Избрана долина Аркая для поселеній не потому, чтобы она была лучше другихъ изслѣдована или удовлетворяла потребностямъ колоніи, а просто случайно, только потому, что она находится къ Александровску ближе другихъ долинъ.

VIII.

Рѣка Аркай. — Арковский кордонъ. — Первое, Второе и Третье Арково. — Арковская долина. — Селенія по западному побережью: Мгачи, Танги, Хоз, Трамбаусъ, Вяхты и Ванги. — Туннель. — Кабельный домикъ. — Дуэ. — Казармы для семейныхъ. — Дуйская тюрьма. — Каменноугольные копи. — Воеводская тюрьма. — Прикованные къ тачкамъ.

Рѣчка Аркай впадаетъ въ Татарскій проливъ, верстъ на 8—10 сѣвернѣе Дуйки. Еще недавно она была настоящей рѣчкой и въ ней ловили рыбу-горбушу, теперь же вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ и порубокъ, она обмелѣла и къ лѣту

*) Названо такъ селеніе въ честь А. М. Бутакова, начальника Тымовскаго округа.

пересыхаетъ совершенно. Впрочемъ, во время сильныхъ дождей она разливается по-весеннему, бурно и шумно, и тогда даетъ себя знать. Уже случалось не разъ, что она смывала съ береговъ огороды и уносила въ море сѣно и весь поселенческій урожай. Уберечься отъ такой бѣды невозможно, такъ какъ долина узка и уйти отъ рѣки можно только на горы *).

У самаго устья Аркаля при поворотѣ на долину стоитъ гилацкая деревушка Аркай-во, давшая названіе арковскому кордону и тремъ селеніямъ: Первому, Второму и Третьему Арково. Изъ Александровска въ арковскую долину ведутъ двѣ дороги: одна—горная, по которой при мнѣ не было проѣзда, такъ какъ во время лѣсныхъ пожаровъ на ней сгорѣли мосты, и другая—по берегу моря; по этой послѣдней ѣзда возможна только во время отлива. Въ первый разъ я выѣхалъ къ Аркаю 31-го іюля въ 8 часовъ утра. Отливъ начинался. Пахло дождемъ. Пасмурное небо, море, на которомъ не видать ни одного паруса, и крутой глинистый берегъ были суровы; глухо и печально шумѣли волны. Съ высокаго берега смотрѣли внизъ чахлая, больная деревья; здѣсь на открытомъ мѣстѣ каждое изъ нихъ въ одиночку ведетъ жестокую борьбу съ морозами и холодными вѣтрами, и каждому приходится осенью и зимой, въ длинныя страшныя ночи, качаться неутомно изъ стороны въ сторону, гнуться до земли, жалобно скрипѣть,—и никто не слышитъ этихъ жалобъ.

Арковский кордонъ находится около гилацкой деревушки. Прежде онъ имѣлъ значеніе сторожевого пункта, въ немъ жили солдаты, которые ловили бѣглыхъ, теперь же здѣсь живетъ надзиратель, исполняющій должность, кажется, смотрителя поселеній. Верстахъ въ двухъ отъ кордона распо-

*) Дѣтъ пять назадъ одинъ важный человѣкъ, бесѣдуя съ поселенцами о сельскомъ хозяйствѣ и давая имъ совѣты, сказалъ, между прочимъ: «Имѣйте въ виду, что въ Финляндіи сѣютъ хлѣбъ по склонамъ горъ». Но Сахалинъ—не Финляндія, климатическія, а главнымъ образомъ почвенныя условія исключаютъ какую бы то ни было культуру на здѣшнихъ горахъ. Инспекторъ сельскаго хозяйства въ своемъ отчетѣ совѣтуетъ завести овецъ, которыми могли бы «съ выгодою использовать тѣ скудные, но многочисленные выгоны по склонамъ горъ, на которыхъ крупный скотъ не наѣдается». Но совѣтъ этотъ не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ овцы могли бы «использовать» выгоны только въ теченіе короткаго лѣта, а въ длинную зиму онѣ околѣвали бы съ голоду.

ложилось *Первое Арково*. Оно имѣетъ одну только улицу и, благодаря условіямъ мѣста, можетъ расти только въ длину, но не въ ширину. Когда со временемъ всѣ три Арково сольются вмѣстѣ, то Сахалинъ будетъ имѣть очень большое село, состоящее изъ одной только улицы. Основано Первое Арково въ 1883 г. Жителей 136: 83 м. и 53 ж. Хозяевъ 28 и всѣ они живутъ семейно, кромѣ католической Павловской, католички, у которой недавно умеръ сожитель, настоящій хозяинъ дома; она убѣдительно просила меня: «Назначь мнѣ хозяина!» Трое имѣютъ по два дома. *Второе Арково* основано въ 1884 г. Въ немъ жителей 92: 46 м. и 46 ж. Хозяевъ 24, всѣ живутъ семейно. Изъ нихъ двое имѣютъ по два дома. *Третье Арково* основано одновременно со Вторымъ, и изъ этого видно, какъ спѣшили заселить арковскую долину. Жителей 41: 19 м. и 22 ж. Хозяевъ 10 и при нихъ одинъ совладѣлецъ. Семейно живутъ 9.

Въ трехъ Арково пахотная земля показана у всѣхъ хозяевъ и величина участковъ колеблется между $\frac{1}{2}$ и 2 дес. У одного показано 3 дес. Сѣютъ въ немаломъ количествѣ пшеницу, ячмень и рожь, сажаютъ картофель. У большинства есть скотъ и домашняя птица. Если судить по даннымъ подворной описи, собраннымъ смотрителемъ поселеній, то можно придти къ выводу, что всѣ три Арково въ короткій срокъ своего существованія значительно преуспѣли въ сельскомъ хозяйствѣ; не даромъ одинъ анонимный авторъ пишетъ про здѣшнее земледѣліе: «Трудъ этотъ съ избыткомъ вознаграждается, благодаря почвеннымъ условіямъ этой мѣстности, которыя весьма благопріятны для земледѣлія, что сказывается въ силѣ лѣсной и луговой растительности». На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Всѣ три Арково принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ селеніямъ Сѣвернаго Сахалина. Здѣсь есть пахотная земля, есть скотъ, но ни разу не было урожая. Помимо неблагопріятныхъ условій, общихъ для всего Сахалина, здѣшніе хозяева встрѣчаютъ серьезнаго врага еще въ особенностяхъ арковской долины и, прежде всего, въ почвѣ, которую такъ хвалить только-что цитированный авторъ. Почва здѣсь верниковый слой перегноя, а подпочва — галька, которая въ жаркіе дни нагрѣвается такъ сильно, что сушить корни растений, а въ дождливую пору не пропускаетъ влаги, такъ

какъ лежитъ на глинѣ; отъ этого корни гниютъ. На такой почвѣ, повидимому, безъ вреда для себя могутъ уживаться только растенія съ крѣпкими, глубоко-сидящими корнями, какъ, на примѣръ, лопухи, а изъ культурныхъ только корнеплоды, брюква и картофель, для которыхъ, къ тому же, почва обрабатывается лучше и глубже, чѣмъ для злаковъ. О бѣдствіяхъ, причиняемыхъ рѣкой, я уже говорилъ. Сѣнокосовъ совсѣмъ нѣтъ, сѣно косятъ на клочкахъ въ тайгѣ или жнутъ его сернами, гдѣ попадетъ, а кто побогаче, тѣ покупаютъ его въ Тымовскомъ округѣ. Рассказываютъ про цѣлыя семьи, которыя въ теченіе зимы не имѣли ни куска хлѣба и питались одною только брюквою. Незадолго до моего пріѣзда во Второмъ Арковѣ умеръ съ голода поселенецъ Скоринъ. По рассказамъ сосѣдей, онъ въ продолженіе трехъ дней съѣдалъ только одинъ фунтъ хлѣба, и такъ очень долгое время. «Всѣхъ насъ ждетъ та же участь», — говорили мнѣ сосѣди, напуганные его смертию. Описывая свое житіе-бытѣ, помню, три женщины принимались плакать. Въ одной избѣ безъ мебели, съ темною унылою печью, занимавшею полкомнаты, около бабы-хозяйки плакали дѣти и пищали цыплята; она на улицу — дѣти и цыплята за ней. Она, глядя на нихъ, смѣется и плачетъ, и извиняется передо мной за плачъ и пискъ; говоритъ, что это съ голоду, что она ждетъ не дождется, когда вернется мужъ, который ушелъ въ городъ продавать голубику, чтобы купить хлѣба. Она рубитъ капустные листья и даетъ цыплятамъ, тѣ съ жадностью бросаются и, обманутые, поднимаютъ еще бѣльшій пискъ. Въ одной избѣ помѣщается мужикъ, мохнатый, какъ паукъ, съ нависшими бровями, каторжный, грязный, и съ нимъ другой такой же мохнатый и грязный; у обоихъ большія семьи, а въ избѣ, какъ говорится, срамота и злыдни — даже гвоздя нѣтъ. А кромѣ плача, писка и такихъ фактовъ, какъ смерть Скорина, сколько всякаго рода косвенныхъ выраженій нужды и голода! Въ Третьемъ Арковѣ изба поселенца Петрова стоитъ заперта, потому что самъ онъ «отравленъ, за нерадѣніе къ хозяйству и самовольный зарѣзъ на мясо телка, въ Воеводскую тюрьму, гдѣ и находится». Очевидно, теленокъ зарѣзанъ изъ нужды и проданъ въ Александровскѣ. Сѣмена, взятая изъ казны въ долгъ для посѣва, значатся въ подворной описи посѣянными, на самомъ же дѣлѣ они

на-половину съѣдены, и сами поселенцы въ разговорѣ не скрываютъ этого. Скотъ, какой есть, взятъ изъ казны въ долгъ и кормится на казенный счетъ. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: всѣ арковцы должны, задолженность ихъ растеть съ каждымъ новымъ посѣвомъ, съ каждою лишнею головою скота, а у нѣкоторыхъ она простирается уже до неоплатной цифры—двухъ и даже трехсотъ рублей на душу.

Между Вторымъ и Третьимъ Арково находится *Арковский Станокъ*, гдѣ мѣняють лошадей, когда ѣдутъ въ Тымовскій округъ. Это почтовая станція или постоялый дворъ. Если мѣрять на нашъ русскій аршинъ, то, при здѣшней довольно скромной гоньбѣ, достаточно было бы на Станкѣ двухъ-трехъ работниковъ при одномъ надзирателѣ. Но на Сахалинѣ любятъ все на широкую ногу. Кромѣ надзирателя, на Станкѣ живутъ еще писарь, разсыльный, конюхъ, два хлѣбопека, три дровотаска и еще четыре работника, которые на вопросъ, что они тутъ дѣлають, отвѣтили мнѣ: «Ношу сѣно».

Если художнику-пейзажисту случится быть на Сахалинѣ, то рекомендую его вниманію арковскую долину. Это мѣсто, помимо красоты положенія, чрезвычайно богато красками, такъ что трудно обойтись безъ устарѣвшаго сравненія съ пестрымъ ковромъ или калейдоскопомъ. Вотъ густая сочная зелень съ великанами-лопухами, блестящими отъ только-что бывшаго дождя, рядомъ съ ней на площадкѣ не больше, какъ сажени въ три, зеленѣетъ рожь, потомъ клочокъ съ ячменемъ, а тамъ опять лопухъ, за нимъ клочокъ земли съ овсомъ, потомъ грядка съ картофелемъ, два недоросля подсолнуха съ пониженными головами, затѣмъ клышникомъ входитъ густо-зеленый коноплинникъ, тамъ и сямъ гордо возвышаются растенія изъ семейства зонтичныхъ, похожія на калдеябры, и вся эта пестрота усыпана розовыми, ярко-красными и пунцовыми пятнышками мака. По дорогѣ встрѣчаются бабы, которыя укрылись отъ дождя большими листьями лопуха, какъ косынками, и оттого похожи на зеленыхъ жуковъ. А по сторонамъ горы,—хотя и не Кавказскія, но, все-таки, горы.

По западному побережью, выше устья Аркая, имѣются шесть незначительныхъ селеній. Я не былъ ни въ одномъ изъ нихъ, и относящіяся къ нимъ цифры взяты мною изъ

подворной описи и исповѣдной книги. Основывались они на выдающихся въ море мысахъ или у устьевъ небольшихъ рѣчекъ, отъ которыхъ и получали свои названія. Началось со сторожевыхъ пикетовъ, иногда изъ 4—5 человекъ, съ теченіемъ же времени, когда однихъ этихъ пикетовъ оказалось недостаточно, рѣшено было (въ 1882 г.) заселить самые большіе мысы между Дуэ и Погоби благонадежными, преимущественно семейными поселенцами. Цѣль учрежденія этихъ селеній и кордоновъ при нихъ: «дать возможность проѣзжающей изъ Николаевска почтѣ, пассажирамъ и каюграмъ имѣть пріютъ и охрану во время пути и установить общій полицейскій надзоръ за береговою линіей, представляющею изъ себя единственный (?) возможный путь для бѣглыхъ арестантовъ, а равно провоза запрещеннаго для вольной продажи спирта». Дорогъ къ береговымъ поселеніямъ еще нѣтъ, сообщеніе возможно только пѣшкомъ по берегу во время отлива, а зимою на собакахъ. Возможно также сообщеніе на лодкахъ и паровыхъ катерахъ, но только въ очень хорошую погоду. Въ направленіи съ юга на сѣверъ эти селенія расположены въ такомъ порядкѣ:

Мачи. Жителей 38: 20 м. и 18 ж. Хозяевъ 14. Семейно живутъ 13, незаконныхъ семей только 2. Пахотной земли всѣ имѣютъ около 12 дес., но вотъ уже три года, какъ не сѣютъ зерновыхъ хлѣбовъ и пускаютъ всю землю подъ картофель. 11 хозяевъ сидятъ на участкѣ съ самаго основанія селенія и 5 изъ нихъ уже имѣютъ крестьянское званіе. Есть хорошіе заработки, чѣмъ и объясняется, что крестьяне не спѣшатъ на материкъ. 7 человекъ занимаются каюргствомъ, т. е. держатъ собакъ, на которыхъ въ зимнее время возятъ почту и пассажировъ. Одинъ занимается охотой, какъ промысломъ. Что касается рыбныхъ ловель, о которыхъ говорится въ отчетѣ главнаго тюремнаго управленія за 1889 г., то ихъ тутъ нѣтъ совсѣмъ.

Тани. Жителей 19: 11 м. и 8 ж. Хозяевъ 6. Пахотной земли около 3 дес., но тоже, какъ въ Мгачахъ, вслѣдствіе частыхъ морскихъ тумановъ, мѣшающихъ росту зерновыхъ хлѣбовъ, сажаютъ на ней только картофель. Два хозяина имѣютъ лодки и занимаются рыболовствомъ.

Поэ, на мысѣ того же названія, который сильно выдается въ море и виденъ изъ Александровска. Жителей 34: 19 м. и 15 ж. Хозяевъ 13. Тутъ еще не совсѣмъ разочаровались

и продолжают сѣять пшеницу и ячмень. Трое занимаются охотой.

Трамбаусъ. Жителей 8: 3 м. и 5 ж. Счастливое селеніе, гдѣ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Хозяевъ 3.

Віахты, на рѣкѣ Віахту, соединяющей озеро съ моремъ и въ озерѣ ловятся сига и осетры. Жителей 17: 9 м. и 8 ж. Хозяевъ 7.

Вити—самое сѣверное селеніе. Жителей 13: 9 м. и 4 ж. Хозяевъ 8.

По описаніямъ ученыхъ и путешественниковъ, чѣмъ выше къ сѣверу, тѣмъ природа бѣднѣе и печальнѣе. Начиная съ Трамбауса, вся сѣверная треть острова представляетъ изъ себя равнину, совершенную тундру, на которой главный водораздѣльный хребетъ, идущій вдоль всего Сахалина, имѣетъ видъ невысокихъ волнообразныхъ возвышенностей, принимаемыхъ нѣкоторыми авторами за наносы со стороны Амура. По красно-бурой болотистой равнинѣ тамъ и сямъ тянутся полосы кривого хвойнаго лѣса; у лиственницы стволъ не выше одного фута и крона ея лежитъ на землѣ въ видѣ зеленой подушки, стволъ кедроваго кустарника стелется по землѣ, а между полосками чахлаго лѣса лишайники и мхи и, какъ и на русскихъ тундрахъ, встрѣчается здѣсь всякая грубая кислаго или сильно вяжущаго вкуса ягода — моховка, голубика, костеника, клюква. Только на самомъ сѣверномъ концѣ равнины, гдѣ мѣстность вновь дѣлается холмистою, природа на небольшомъ пространствѣ, у преддверія въ вѣчно холодное море, точно хочетъ улыбнуться на прощанье; на картѣ Крузенштерна, относящейся къ этой мѣстности, изображенъ стройный лиственный лѣсъ.

Но какъ ни сурова и ни бѣдна природа, жителямъ береговыхъ селеній, по свидѣтельству свѣдущихъ людей, все-таки живется сравнительно лучше, чѣмъ, напримѣръ, арковцамъ или александровцамъ.

Объясняется это тѣмъ, что ихъ мало, и тѣ блага, какія имѣются въ ихъ распоряженіи, приходится дѣлить между немногими. Для нихъ не обязательны хлѣбопашество и урожаи, они предоставлены самимъ себѣ и сами выбираютъ для себя занятія и промыслы. Черезъ селенія проходитъ земная дорога изъ Александровска въ Николаевскъ; сюда

пріѣзжаютъ зимою гиляки и якуты-промышленники для торговыхъ операций и поселенцы продаютъ имъ и мѣняють безъ посредства комиссіонеровъ. Здѣсь нѣтъ лавочниковъ, майданчиковъ, жидовъ-перекупщиковъ и нѣтъ канцеляристовъ, которые вымѣниваютъ за спиртъ роскошные лисьи мѣха и потомъ съ блаженною улыбкой показываютъ ихъ своимъ гостямъ.

По направленію къ югу новыхъ селеній не основываютъ. Южнѣе Александровска по западному побережью есть только одинъ населенный пунктъ—*Дуэ*, страшное, безобразное и во всѣхъ отношеніяхъ дрянное мѣсто, въ которомъ по своей доброй волѣ могутъ жить только святые или глубоко испорченные люди. Это постъ; населеніе называетъ его портомъ. Основанъ онъ въ 1857 г., названіе же его Дуэ или Дуи существовало раньше и относилось вообще къ той части берега, гдѣ находятся теперь дуйскія копи. Въ узкой долинѣ, гдѣ онъ расположенъ, протекаетъ мелкая рѣчка Хойнджи. Изъ Александровска въ Дуэ ведутъ двѣ дороги: одна—горная, а другая—по берегу моря. Мысъ Жонкіеръ всею своею массой навалился на береговую отмель и проѣздъ по ней былъ бы невозможенъ вовсе, если бы не прорыли туннеля. Рыли его, не посоветовавшись съ инженеромъ, безъ затѣй, и въ результатъ вышло темно, криво и грязно. Сооруженіе это стоило очень дорого, но оно оказалось ненужнымъ, такъ какъ, при существованіи хорошей горной дороги, нѣтъ нужды ѣздить по береговой, проѣздъ по которой стѣсненъ условіями отлива и прилива. На этомъ туннелѣ превосходно сказалась склонность русскаго человѣка тратить послѣднія средства на всякаго рода выкрутасы, когда не удовлетворены самыя насущныя потребности. Рыли туннель, завѣдующіе работами катались по рельсамъ въ вагонѣ съ надписью «Александровскъ-Пристань», а каторжные въ это время жили въ грязныхъ, сырыхъ юртахъ, потому что для постройки казармъ не хватало людей.

Тотчасъ по выходѣ изъ туннеля у береговой дороги стоятъ солеварня и кабельный домикъ, изъ котораго спускается по песку въ море телеграфный кабель. Въ домикѣ живетъ каторжный столяръ, полякъ, со своею сожигательницей, которая, по рассказамъ, родила, когда ей было 12 лѣтъ, послѣ того, какъ какой-то арестантъ изнасиловалъ ее въ этапѣ. На

всемъ пути къ Дуэ обрывистый, отвѣсный берегъ представляетъ осыпи, на которыхъ тамъ и сямъ чернѣють пятна и полосы, шириною отъ аршина до сажени. Это уголь. Пласты угля здѣсь, по описанію спеціалистовъ, сдавлены пластами песчанниковъ, глинистыхъ сланцевъ, сланцевыхъ глинъ и глинистыхъ песковъ, приподнятыхъ, изогнутыхъ, сдвинутыхъ или сброшенныхъ породами базальтовыми, діоритовыми и порфиоровыми, вышедшими во многихъ мѣстахъ большими массами. Должно-быть, это своеобразно красиво, но предубѣжденіе противъ мѣста засѣло такъ глубоко, что не только на людей, но даже на растенія смотришь съ сожалѣніемъ, что они растутъ именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ. Верстахъ въ семи берегъ прерывается расщелиной. Это Воеводская падь; здѣсь одиноко стоитъ страшная Воеводская тюрьма, въ которой содержатся тяжкіе преступники и между ними прикованные къ тачкамъ. Около тюрьмы ходятъ часовые; кромѣ нихъ, кругомъ не видно ни одного живого существа и кажется, что они стерегутъ въ пустынѣ какое-то необыкновенное сокровище.

Дальше, въ верстѣ, начинаются каменноугольныя ломки, потомъ съ версту еще ѣдешь голымъ, безлюднымъ берегомъ и, наконецъ, другая расщелина, въ которой и находится Дуэ, бывшая столица сахалинской каторги. Въ первыя минуты, когда вѣзжаешь на улицу, Дуэ даетъ впечатлѣніе небольшой старинной крѣпости: ровная и гладкая улица, точно плацъ для маршировки, бѣлые чистенькіе домики, полосатая будка, полосатые столбы; для полноты впечатлѣнія не хватаетъ только барабанной дробіи. Въ домикахъ живутъ начальникъ военной команды, смотритель дуйской тюрьмы, священникъ, офицеры и проч. Тамъ, гдѣ короткая улица кончается, поперекъ ея стоитъ сѣрая деревянная церковь, которая загораживаетъ отъ зрителя неофициальную часть порта; тутъ расщелина двоятся въ видѣ буквы «игрекъ», посылая отъ себя канавы направо и налево. Въ лѣвой находится слободка, которая прежде называлась Жидовской, а въ правой—всякія тюремныя постройки и слободка безъ названія. Въ обихѣ, особенно въ лѣвой, тѣсно, грязно, неуютно; тутъ уже нѣтъ бѣлыхъ чистенькихъ домиковъ; избушки вѣтхія, безъ дворовъ, безъ зелени, безъ крылецъ, въ безпорядкѣ лѣвятся внизу у дороги, по склону горы и на самой горѣ. Участки усадебной земли, если

только въ Дуэ можно назвать ее усадебной, очень малы; у четырехъ хозяевъ въ подворной описи показано ея только по 4 кв. саж. Тѣсно, яблоку упасть негдѣ, но въ этой тѣснотѣ и вонн дуйскій палачъ Толстыхъ все-таки нашель мѣстечко и строить себѣ домъ. Не считая команды, свободнаго населенія и тюрьмы, въ Дуэ жителей 291: 167 м. и 124 ж. Хозяевъ 46 и при нихъ совладѣльцевъ 6. Большинство хозяевъ—каторжные. Что побуждаетъ администрацію сажать на участки ихъ и ихъ семьи именно здѣсь, въ расщелинѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, понять невозможно. Пахотной земли въ подворной описи показано на все Дуэ только $\frac{1}{8}$ дес., а сѣнокосовъ нѣтъ вовсе. Допустимъ, что мужчины заняты на каторжныхъ работахъ, но что же дѣлають 80 взрослыхъ женщинъ? На что уходитъ у нихъ время, которое здѣсь, благодаря бѣдности, дурной погодѣ, непрерывному звону цѣпей, постоянному зрѣлищу пустынныхъ горъ и шуму моря, благодаря стомамъ и плачу, которые часто доносятся изъ надзирательской, гдѣ наказываютъ плетми и розгами, кажется длиннѣе и мучительнѣе во много разъ, чѣмъ въ Россіи? Это время женщины проводятъ въ полномъ бездѣйствіи. Въ одной избѣ, состоящей чаще всего изъ одной комнаты, вы застаете семью каторжнаго, съ нею солдатскую семью, двухъ-трехъ каторжныхъ жильцовъ или гостей, тутъ же подростки, двѣ-три колыбели по угламъ, тутъ же куры, собака, а на улицѣ около избы отбросы, лужи отъ помоевъ, заняться нечѣмъ, ѣсть нечего, говорить и браниться надоѣло, на улицу выходить скучно—какъ все однообразно уныло, грязно, какая тоска! Вечеромъ съ работъ возвращается мужъ каторжный; онъ хочетъ ѣсть и спать, а жена начинаетъ плакать и причитывать: «Погубилъ ты насъ, проклятый! Пропала моя головунка, пронали дѣти!» — «Ну, завыла!» — проворчить на печкѣ солдатъ. Уже всѣ позаснули, дѣти переплакали и тоже уgomонились давно, а баба все не спитъ, думаетъ и слушаетъ, какъ реветъ море; теперь ужъ ее мучаетъ тоска: жалко мужа, обидно на себя, что не удержалась и попрекнула его. А на другой день опять та же исторія.

Если судить только по одному Дуэ, то сельско-хозяйственная колонія на Сахалинѣ обременена излишкомъ женщинъ и семейныхъ каторжныхъ. За недостаткомъ мѣста въ избахъ, 27 семействъ живутъ въ старыхъ, давно уже обреченныхъ

на сносъ постройкахъ, въ высшей степени грязныхъ и безобразныхъ, которыя называются «казармами для семейныхъ». Тутъ уже не комнаты, а камеры съ нарами и парашами, какъ въ тюрьмѣ. По составу своему, население этихъ камеръ отличается крайнимъ разнообразіемъ. Въ одной камерѣ съ выбитыми стеклами въ окнахъ и съ удушливымъ запахомъ отхожаго мѣста живутъ: каторжный и его жена свободного состоянія; каторжный, жена свободного состоянія и дочь; каторжный, жена-поселка и дочь; каторжный и его жена свободного состоянія; поселенецъ полякъ и его сожительница каторжная; всѣ они со своимъ имуществомъ помѣщаются въ одной камерѣ и спятъ рядомъ на одной сплошной нарѣ! Въ другой: каторжный, жена свободного состоянія и сынъ; каторжная татарка и ея дочь, каторжный татаринъ, его жена свободного состоянія и двое татарчатъ въ ермолкахъ, каторжный, жена свободного состоянія и сынъ; поселенецъ, бывший на каторгѣ 35 лѣтъ, но еще молодцеватый, съ черными усами, за чеймъ нѣмъ сапогъ ходящій босикомъ, но страстный картежникъ*); рядомъ съ нимъ на нарахъ его любовница каторжная—вялое, сонное и жалкое на видъ существо; далѣе каторжный, жена свободного состоянія и трое дѣтей; каторжный не семейный; каторжный, жена свободного состоянія и двое дѣтей; поселенецъ; каторжный, чистенькій старичокъ съ бритымъ лицомъ. Тутъ же по камерѣ ходитъ поросенокъ и чавкаетъ; на полу осклизлая грязь, воняетъ клопами и чѣмъ-то кислымъ; отъ клоповъ, говорятъ, житья нѣтъ. Въ третьей: каторжный, жена свободного состоянія и двое дѣтей каторжный, жена свободного состоянія и дочь; каторжный, жена свободного состоянія и семеро дѣтей: одна дочь 16, другая 15 лѣтъ; каторжный, жена свободного состоянія и сынъ; каторжный, жена свободного состоянія и сынъ; каторжный, жена свободного состоянія и четверо дѣтей. Въ

*) Онъ говорилъ мнѣ, что во время игры въ штоссъ у него «въ жилахъ электричество»: отъ волненія руки сводитъ. Одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній у него то, какъ онъ когда-то въ дни молодости вытанилъ часы у самого полицеймейстера. Про игру въ штоссъ рассказываетъ онъ съ азартомъ. Помню фразу—«ткнуешь, не туда попало!»—проговорилъ онъ съ отчаяніемъ охотника, сдѣлавшаго промахъ. Для любителей я записалъ нѣкоторыя его выраженія: транспортъ скушанъ! напѣ! наперлицѣ уголь! по рублю очко мазь! въ цвѣтъ и въ масть, артиллерія!

четвертой: надзиратель унтеръ-офицеръ, его жена 18 лѣтъ и дочь; каторжный и его жена свободнаго состоянія; поселенецъ; каторжный и т. д. По этимъ варварскимъ помѣщеніямъ и ихъ обстановкѣ, гдѣ дѣвушки 15 и 16 лѣтъ вынуждены спать рядомъ съ каторжниками, читатель можетъ судить, какимъ неуваженіемъ и презрѣніемъ окружены здѣсь женщины и дѣти, добровольно посаждовавшія на каторгу за своими мужьями и отцами, какъ здѣсь мало дорожатъ ими и какъ мало думаютъ о сельско-хозяйственной колоніи.

Дуйская тюрьма меньше, старѣе и во много разъ грязнѣе Александровской. Здѣсь тоже общія камеры и сплошныя нары, но обстановка бѣднѣе и порядки хуже. Стѣны и полы одинаково грязны и до такой степени потемнѣли уже отъ времени и сырости, что едва ли станутъ чище, если ихъ помыть. По даннымъ медицинскаго отчета за 1889 г., на каждаго арестанта приходится здѣсь воздуха 1,12 куб. саж. Если лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ и дверяхъ, пахнетъ помоями и отхожимъ мѣстомъ, то, воображаю, какой адъ бываетъ здѣсь зимою, когда внутри тюрьмы по утрамъ находятъ иней и сосульки. Смотрителемъ тюрьмы здѣсь бывшій военный фельдшеръ изъ поляковъ, состоящій въ чинѣ канцелярскаго служителя. Кромѣ Дуйской, онъ завѣдуетъ также еще Воеводскою тюрьмою, рудниками и постомъ Дуэ. Дистанція совсѣмъ не по чину.

Въ дуйскихъ карцерахъ содержатся тяжкіе преступники болѣею частью рецидивисты и подсѣдственныя. На видъ это самыя обыкновенныя люди съ добродушными и глуповатыми фізіономіями, которыя выражали только любопытство и желаніе отвѣтить мнѣ возможно почительнѣе. И преступленія у большинства изъ нихъ не умнѣе и не хитрѣе ихъ фізіономій. Обыкновенно присылаются за убійство въ дракѣ лѣтъ на 5—10, потомъ бѣгутъ; ихъ ловятъ, они опять бѣгутъ, и такъ, пока не попадутъ въ безсрочные и неисправимые. Преступленія почти у всѣхъ ужасно неинтересны, ординарны, по крайней мѣрѣ, со стороны внѣшней занимательности, и я нарочно привелъ выше *Разказъ Егора*, чтобы читатель могъ судить о безцвѣтности и бѣдности содержанія сотни разказовъ, автобіографій и анекдотовъ, какіе мнѣ приходилось слышать отъ арестантовъ и людей близкихъ къ каторгѣ. Впрочемъ, одинъ сѣдой старикъ лѣтъ 60—65, по фамиліи Тереховъ, сидящій въ темномъ кар-

церѣ, произвелъ на меня впечатлѣніе настоящаго злодѣя. Наканунѣ моего прїѣзда онъ былъ наказанъ плетью и, когда у насъ зашла рѣчь объ этомъ, показалъ мнѣ свои ягодицы, сине-багровыя отъ кровоподтековъ. По рассказамъ арестантовъ, этотъ старикъ убилъ на своемъ вѣку 60 человекъ; у него будто бы такая манера: онъ высматриваетъ арестантовъ-новичковъ, какіе побогаче, и смакиваетъ ихъ бѣжать вмѣстѣ, потомъ въ тайгѣ убиваетъ ихъ и грабитъ, а чтобы скрыть слѣды преступленія, рѣжетъ трупы на части и бросаетъ въ рѣку. Въ послѣдній разъ, когда его ловили, онъ отмахивался отъ надзирателей дубиной. Глядя на его мутные оловянные глаза и большой, на-половину бритый, угловатый, какъ булыжникъ, черепъ, я готовъ былъ вѣрить всѣмъ этимъ рассказамъ. Одинъ хохоль, сидяцій тоже въ темномъ карцерѣ, тронулъ меня своею откровенностью; онъ обратился съ просьбою къ смотрителю — возвратитъ ему 195 рублей, отобраанные у него при обыскѣ. «А гдѣ ты взялъ эти деньги?» — спросилъ смотритель. — «Выигралъ въ карты» — отвѣтилъ онъ и побожился, и, обращаясь ко мнѣ, сталъ увѣрять, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ почти вся тюрьма играетъ въ карты и между картежниками-арестантами не рѣдкость такіе, которые располагаютъ суммами въ двѣ и три тысячи рублей. Въ карцерахъ же я видѣлъ бродягу, который отрубилъ себѣ два пальца; рана повязана грязною тряпочкой. У другого бродяги сквозная огнестрѣльная рана: пуля счастливо прошла по наружному краю седьмого ребра. Рана и у этого тоже перевязана грязной тряпкой*).

Въ Дуэ всегда тихо. Къ мѣрному звону кандаловъ, шуму морского прибоя и гудѣнью телеграфныхъ проволокъ скоро привыкаетъ ухо и отъ этихъ звуковъ впечатлѣніе мертвой тишины становится сильнѣе. Печать суровости лежитъ не на однихъ только полосатыхъ столбахъ. Если бы на улицѣ кто-нибудь невзначай засмѣялся громко, то это прозвучало бы рѣзко и неестественно. Съ самаго основанія Дуэ здѣшняя жизнь вылилась въ форму, какую можно передать только въ неумолимо-жестокихъ, безнадежныхъ звукахъ, и свирѣпый холодный вѣтеръ, который въ зимнія ночи дуетъ съ моря

*) Я встрѣчалъ не мало раненыхъ и страдающихъ язвами, но ни разу не слышалъ запаха іодоформа, хотя на Сахалинѣ ежегодно расходуются его больше полутона.

въ расщелину, только одинъ поетъ именно то, что нужно. Бываетъ поэтому странно, когда среди тишины раздастся вдругъ пѣніе дуйскаго чудака Шкандыбы. Это каторжный, старикъ, который съ перваго же дня прїѣзда своего на Сахалинъ отказался работать и передъ его непобѣдимымъ, чисто-звѣриннымъ упрямствомъ спасовали все принудительныя мѣры; его сажали въ темную, нѣсколько разъ сѣкли, но онъ стойчески выдерживалъ наказаніе и послѣ каждой экзекуціи восклицалъ: «А, все-таки, я не буду работать!» Повозились съ нимъ и, въ концѣ-концовъ, бросили. Теперь онъ гуляетъ по Дуэ и поетъ *).

*) У публики Дуэ пользуется преувеличенно дурною репутаціей. На *Байкаль* мнѣ рассказывали, что одинъ пассажиръ, человекъ уже пожилой и чиновный, когда пароходъ остановился на дуйскомъ рейдѣ, долго вематривался въ берегъ и, наконецъ, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ же тутъ на берегу столбъ, на которомъ вѣшаютъ каторжниковъ и потомъ бросаютъ ихъ въ воду?

Дуэ — колыбель сахалинской каторги. Существуетъ мнѣніе, что мысль избрать это мѣсто для сѣильной колоніи пришла впервые самимъ каторжнымъ: будто бы пѣкій Иванъ Ланинъ, осужденный за отцеубійство и отбывавшій каторгу въ г. Николаевскѣ, попросилъ у мѣстныхъ властей позволенія переселиться на Сахалинъ и въ сентябрь 1858 г. былъ доставленъ сюда. Поселившись недалеко отъ Дуйскаго поста, онъ сталъ заниматься огородничествомъ и хлѣбопашествомъ и, по словамъ г. Власова, отбывалъ тутъ каторжные уроки. Вѣроятно, онъ былъ доставленъ на островъ не одинъ, такъ какъ въ 1858 г. уголь близъ Дуэ добывался уже при участіи каторжныхъ (см. *Съ Амура и береговъ Великаго океана съ Московскихъ Вѣдомостейъ* 1874 г., № 207). Вышеславцевъ въ своихъ *Очеркахъ перомъ и карандашомъ* пишетъ, что въ апрѣлѣ 1859 г. онъ засталъ въ Дуэ около 40 человекъ и при нихъ двухъ офицеровъ и одного инженернаго офицера, завѣдующаго работами. «Какіе славные огороды, — восторгается онъ: — окружаютъ ихъ уютныя, чистенькіе домики! А овощи вырѣваются два раза въ лѣто».

Время возникновенія настоящей сахалинской каторги относится къ шестидесятымъ годамъ, когда неурядица нашей департаціонной системы достигли своего высшаго напряженія. Время было таково, что начальникъ отдѣленія департамента полиціи исполнительной, коллежскій совѣтникъ Власовъ, пораженный всемъ, что онъ встрѣтилъ на каторгѣ, прямо заявилъ, что строй и система нашихъ наказаній служатъ развитію важныхъ уголовныхъ преступленій и понижаютъ гражданскую нравственность. Приблизительное изслѣдованіе каторжныхъ работъ на мѣстѣ привело его къ убѣжденію, что ихъ въ Россіи почти не существуетъ (см. его *Краткій очеркъ неурядицъ, существующихъ на каторгѣ*). Главное тюремное управленіе, давая въ своемъ десятилѣтнемъ отчетѣ критическій обзоръ каторги, замѣчаетъ, что въ описываемое время каторга перестала быть высшею

Добыча каменного угля, какъ я уже сказалъ, производится въ верстѣ отъ поста. Я былъ въ рудникѣ, меня водили по мрачнымъ, сырмъ коридорамъ и предупредительно знакомили съ постановкой дѣла, но очень трудно описать все это, не будучи специалистомъ. Я воздержусь отъ техническихъ подробностей и тотъ, кто интересуется ими, пусть

карательною мѣрой. Да, то была высочайшая мѣра безпорядка, какой когда-либо создавали невѣжество, равнодушіе и жестокость. Вотъ главные причины бывшихъ неустройствъ: а) Ни составители законовъ о ссыльныхъ, ни исполнители ихъ не имѣли яснаго представления о томъ, что такое каторга, въ чемъ она должна заключаться, для чего она нужна. И практика, несмотря на свою продолжительность, не дала не только системы, но даже матеріала для юридическаго опредѣленія каторги. б) Исправительныя и уголовныя цѣли казанія приносились въ жертву разнаго рода экономическимъ и финансовымъ соображеніямъ. На каторжнаго смотрѣли какъ на рабочую силу, которая должна была приносить доходъ государственному казначейству. Если его трудъ не давалъ выгоды или шелъ въ убытокъ, то предпочитали держать его въ тюрьмѣ безъ всякаго дѣла. Убыточную бездѣлю отдавалось предпочтеніе передъ продолжительною работою. Приходилось также считаться еще съ колонизаціонными цѣлями. в) Незнакомство съ мѣстными условіями и потому отсутствіе опредѣленнаго взгляда на характеръ и сущность работъ, что видно хотя бы изъ недавно упраздненнаго дѣленія на работы въ рудникахъ, заводахъ и крѣпостяхъ. На практикѣ безсрочный, приговоренный къ работамъ въ рудникахъ, сидѣлъ безъ дѣла въ тюрьмѣ, приговоренный къ четырехлѣтней каторгѣ на заводахъ работалъ въ рудникѣ, а въ тобольской каторжной тюрьмѣ арестанты занимались переноскою съ одного мѣста на другое ядереъ, пересыпкой песка и т. п. Въ обществѣ и отчасти въ литературѣ установился взглядъ, что настоящая, самая тяжелая и самая позорная каторга можетъ быть только въ рудникахъ. Если бы въ *Русской женщинѣ* Некрасова герой; вмѣсто того, чтобы работать въ рудникѣ, ловилъ для тюрьмы рыбу или рубилъ лѣсъ, то многіе чѣткатели остались бы недовольственными. д) Отсталость нашего устава о ссыльныхъ. На очень многіе вопросы, ежедневно возбуждаемые практикой, онъ совсѣмъ не даетъ отвѣта, отсюда широкое поле для произвольныхъ толкованій и незаконныхъ дѣйствій; въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ онъ являлся часто совершенно бесполезною книгой, и отчасти поэтому, вѣроятно, г. Влаговъ въ нѣкоторыхъ управленіяхъ при каторжныхъ тюрьмахъ совсѣмъ не нашелъ устава. е) Отсутствіе единства въ управленіи каторгой. ф) Отдаленность каторжныхъ работъ отъ Петербурга и полное отсутствіе гласности. Офіціальные отчеты стали печататься только недавно, со времени учрежденія главнаго тюремнаго управленія. г) Немало помѣхой къ упорядоченію ссылки и каторги служило также настроеніе нашего общества. Когда у общества нѣтъ опредѣленныхъ взглядовъ на что-нибудь, то приходится считаться съ его настроеніемъ. Общество всегда возмущалось тюремными поряд-

прочтеть специальное сочинение горнаго инженера г. Кеплена, когда-то завѣдывавшаго здѣшними копиями *).

Въ настоящее время дуйскія копи находятся въ исключительномъ пользованіи частнаго общества «Сахалинъ», представители котораго живутъ въ Петербургѣ. По кон-

ками и, въ то же время, всякій шагъ къ улучшенію быта арестантовъ встрѣчалъ протестомъ, въ родѣ, напримѣръ, такого замѣчанія: «Не хорошо, если мужикъ въ тюрьмѣ или на каторгѣ будетъ жить лучше, чѣмъ дома». Если мужикъ часто живетъ дома хуже, чѣмъ на каторгѣ, то по логикѣ такого замѣчанія каторга должна быть адомъ. Когда арестантамъ давали въ вагонахъ, вмѣсто воды, квасъ, то это называлось «нипачиться съ убійцами и поджигателями», и т. п. Впрочемъ, какъ бы въ противобѣсъ такому настроенію у лучшихъ русскихъ писателей замѣчалось стремленіе къ идеализаціи каторжныхъ, бродягъ и бѣглыхъ.

Въ 1863 г. былъ Высочайше утвержденъ комитетъ, пѣвшій цѣлью изыскать и указать мѣры для организаціи каторжныхъ работъ на болѣе правильныхъ началахъ. Комитетъ призналъ, что необходимо «высылать тяжкихъ преступниковъ въ отдаленную колонію для употребленія тамъ въ принудительныя работы съ преимущественною цѣлью водворенія въ мѣстѣ ссылки». И, выбирая между отдаленными колоніями, комитетъ остановился на Сахалинѣ. А priori онъ призналъ за Сахалиномъ слѣдующія достоинства: 1) географическое положеніе, обеспечивающее материкъ отъ побѣговъ; 2) наказаніе получаетъ надлежащую репрессивную силу, такъ какъ ссылка на Сахалинъ можетъ быть признана безвозвратною; 3) просторъ для дѣятельности преступника, рѣшившаго начать новую трудовую жизнь; 4) съ точки зрѣнія государственной пользы, сосредоточеніе ссыльныхъ на Сахалинѣ представляется залогомъ для упроченія обладанія нашего островомъ; 5) угольные залежи могутъ быть съ выгодой эксплуатирѣемы въ виду громадной потребности въ углѣ. Предполагалось также, что сосредоточеніе на островѣ всего контингента ссыльно-каторжныхъ сократитъ расходы на содержаніе ихъ.

*) *Островъ Сахалинъ, его каменноугольныя мѣсторожденія и развивающаяся на немъ каменноугольная промышленность*, 1875 г. Объ углѣ, кромѣ г. Кеплена, писали еще горные инженеры: *Носовъ I*: «Замѣтки объ островѣ Сахалинѣ и каменноугольныхъ ломкахъ, на немъ производимыхъ». *Горный журналъ* 1859 г., № 1. *И. А. Лопатинъ*: «Извлеченіе изъ письма». Приложение къ отчету Сибирскаго отдѣла Имп. Рус. Географ. общества за 1868 г. *Его же*: «Рапортъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибіри». *Горный журналъ* 1870 г., № 10. *Дейдманъ*: «Островъ Сахалинъ въ горнопромышленномъ отношеніи». *Горный журналъ* 1871 г., № 3. *К. Скальковскій*: «Русская торговля въ Тихомъ океанѣ». 1883 г. О качествахъ сахалинскаго угля писали въ разное время командиры судовъ сибирской флотиліи въ своихъ рапортахъ, которые печатались въ *Морскомъ Сборникѣ*. Для полноты, пожалуй, можно упомянуть еще о статьяхъ *Я. Н. Бутковскаго*: «Островъ Сахалинъ», *Историческій Вѣстникъ* 1882 г., X и *Сахалинъ и его значеніе*, *Морской Сборникъ* 1874 г., № 4.

тракту, заключенному въ 1875 г. на 24 года, общество пользуется участкомъ на западномъ берегу Сахалина на двѣ версты вдоль берега и на одну версту вглубь острова; ему предоставляются бесплатно свободныя удобныя мѣста для склада угля въ Приморской области и прилегающихъ къ ней островахъ; нужный для построекъ и работъ строительный материалъ общество получаетъ также бесплатно; ввозъ всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для техническихъ и хозяйственныхъ работъ и устройство рудниковъ, предоставляется бесплатно; за каждый пудъ угля, покупаемый морскимъ вѣдомствомъ, общество получаетъ отъ 15 до 30 коп.; ежедневно въ распоряженіе общества командировается для работъ не менѣе 400 каторжныхъ; если же на работы будетъ выслано меньше этого числа, то за каждаго недостающаго рабочаго казна платитъ обществу штрафу одинъ рубль въ день; нужное обществу число людей можетъ быть отпускаемо и на ночь.

Чтобъ исполнять принятія на себя обязательства и охранять интересы общества, казна содержитъ около рудниковъ двѣ тюрьмы, Дуйскую и Воеводскую, и военную команду въ 340 человекъ, что ежегодно обходится ей въ 150 тысячъ рублей. Стало-быть, если, какъ говорятъ, представителей общества, живущихъ въ Петербургѣ, только пять, то охраненіе доходовъ каждаго изъ нихъ обходится ежегодно казнѣ въ 30 тысячъ, не говоря уже о томъ, что изъ-за этихъ доходовъ приходится, вопреки задачамъ сельско-хозяйственной колоніи и точно въ наущенку надъ гигиеной, держать болѣе 700 каторжныхъ, ихъ семьи, солдатъ и служащихъ въ такихъ ужасныхъ ямахъ, какъ Воеводская и Дуйская пади, и не говоря уже о томъ, что, отдавая каторжныхъ въ услуженіе частному обществу за деньги, администрація исправительныя цѣли наказанія приносить въ жертву промышленнымъ соображеніямъ, т. е. повторяетъ старую ошибку, которую сама же осудила.

На все это общество, съ своей стороны, отвѣчаетъ тремя серьезными обязательствами: оно должно вести разработку дуйскихъ копей правильно и держать въ Дуэ горнаго инженера, который наблюдалъ бы за правильностью разработки; аккуратно два раза въ годъ вносить арендную плату за уголь и плату за трудъ каторжныхъ; при разработкѣ копей пользоваться исключительно трудомъ каторж-

ныхъ по всѣмъ видамъ работъ, соединенныхъ съ этимъ предприятиемъ. Всѣ эти три обязательства существуютъ только на бумагѣ и, повидимому, давно уже забыты. Разработка коней ведется недобросовѣстно, на кулаческихъ началахъ. «Никакихъ улучшеній въ технику производства или изысканій для обезпеченія ему прочной будущности не предпринималось, — читаемъ въ докладной запискѣ одного официальнаго лица:— работы, въ смыслѣ ихъ хозяйственной постановки, имѣли всѣ признаки хищничества, о чемъ свидѣтельствуется и послѣдній отчетъ окружнаго инженера». Горнаго инженера, котораго общество обязано имѣть по контракту, нѣтъ и копиями завѣдуетъ простой штейгеръ. Что касается платежей, то и тутъ приходится говорить только о томъ, что въ своемъ докладѣ только-что упомянутое официальное лицо именуетъ «признаками хищничества». И копиями, и трудомъ каторжныхъ общество пользуется бесплатно. Оно обязано платить, но почему-то не платитъ; представители другой стороны, въ виду такого явнаго правонарушенія, давно уже обязаны употребить власть, но почему-то медлятъ и, мало того, продолжаютъ еще расходовать 150 тысячъ въ годъ на охрану доходовъ общества, и обѣ стороны ведутъ себя такъ, что трудно сказать, когда будетъ конецъ этимъ ненормальнымъ отношеніямъ. Общество засѣло на Сахалинѣ такъ же крѣпко, какъ Ома въ селѣ Степанчиковѣ, и неумолимо оно, какъ Ома. Къ 1 января 1890 г. оно состояло должнымъ казны 194.337 р. 15 к.; десятая же часть этихъ денегъ по закону приходится на долю каторжныхъ, какъ вознагражденіе за трудъ. Когда и какъ рассчитываются съ дуйскими каторжниками, кто имъ платитъ и получаютъ ли они что-нибудь, мнѣ неизвѣстно.

Ежедневно назначается на работы 350 — 400 каторжныхъ, остальные же 350—400 изъ живущихъ въ Дуйской и Воеводской тюрьмахъ составляютъ резервъ. Безъ резерва же не обойтись, такъ какъ въ контрактѣ оговорены на каждый день «способные къ труду» каторжные. Назначенные на работы въ рудникѣ въ пятомъ часу утра, на такъ-называемой раскомандировкѣ, поступаютъ въ вѣдѣніе рудничной администраціи, т. е. небольшой группы частныхъ лицъ, составляющихъ «контору». Отъ усмотрѣнія этой послѣдней зависитъ назначеніе на работы, количество и сте-

пень напряженія труда на каждый день и для каждого отдѣльнаго каторжнаго; отъ нея, по самой постановкѣ дѣла, зависитъ наблюдать за тѣмъ, чтобы арестанты несли наказаніе равномерно; тюремная же администрація оставляетъ за собою только надзоръ за поведеніемъ и предупрежденіе побѣговъ, въ остальномъ же, по необходимости, умываетъ руки.

Имѣются два рудника: старый и новый. Каторжные работаютъ въ новомъ; тутъ вышина угольнаго пласта около 2 аршинъ, ширина коридоровъ такая же; разстояніе отъ выхода до мѣста, гдѣ теперь происходитъ разработка, равняется 150 саж. Рабочій съ санками, которыя вѣсятъ пудъ, взбирается ползкомъ вверхъ темнымъ и сырымъ коридоромъ: это самая тяжелая часть работы; потомъ, нагрузивъ сани углемъ, возвращается назадъ. У выхода уголь нагружается въ вагонетки и по рельсамъ доставляется въ склады. Каждый каторжный долженъ подняться вверхъ съ санками не менѣе 13 рѣзъ въ день—въ этомъ заключается урокъ. Въ 1889—90 г. каждый каторжный добывалъ, въ среднемъ, 10,8 п. въ день, на 4,2 пуда менѣе нормы, установленной рудничною администраціей. Въ общемъ, производительность рудника и рудничныхъ каторжныхъ работъ не велика: она колеблется между 1½ и 3 тыс. пудовъ въ день.

Въ Дуискихъ копяхъ работаютъ также поселенцы по вольному найму. Поставлены они въ болѣе тяжелыя условія, чѣмъ каторжные. Въ старомъ рудникѣ, гдѣ они работаютъ, пласть не выше аршина, мѣсто разработки находится въ 230 саж. отъ выхода, верхній слой пласта даетъ сильную течь, отчего работать приходится въ постоянной сырости; живутъ они на собственномъ продовольствіи, въ помѣщеніи, которое во много разъ хуже тюрьмы. Но, несмотря на все это, трудъ ихъ гораздо производительнѣе каторжнаго—на 70 и даже на 100%. Таковы преимущества вольнонаемнаго труда передъ принудительнымъ. Наемные рабочіе выгоднѣе для общества, чѣмъ тѣ, которыхъ оно обязано имѣть по контракту, и потому, если, какъ здѣсь принято, каторжный нанимаетъ вмѣсто себя поселенца или другого каторжнаго, то рудничная администрація охотно мирится съ этимъ безпорядкомъ. Третье обязательство давно уже трещитъ по швамъ. Съ самаго основанія Дуэ ведется, что бѣдники и простоватые работаютъ

за себя и за другихъ, а шуллера и ростовники въ это время пьютъ чай, играютъ въ карты или безъ дѣла бродятъ по пристани, позвякивая кандалами, и бесѣдуютъ съ подкупленнымъ надзирателемъ. На этой почвѣ здѣсь постоянно разыгрываются возмутительныя исторіи. Такъ, за недѣлю до моего пріѣзда одинъ богатый арестантъ, бывшій петербургскій купецъ, присланный сюда за поджогъ, былъ высѣченъ розгами будто бы за нежеланіе работать. Это человѣкъ глуховатый, не умѣющій прятать деньги, неумѣренно подкупавшій, наконецъ, утомился давать то надзирателю 5, то палачу 3 рубля и какъ-то въ недобрый часъ наотрѣвъ отказалъ обоимъ. Надзиратель пожаловался смотрителю, что вотъ-де такой-то не хочетъ работать, этотъ приказалъ дать 30 розогъ, и палачъ, разумѣется, постарался. Купецъ, когда его сбѣкли, кричалъ: «Меня еще никогда не сбѣкли!» Послѣ экзекуціи онъ смирился, заплатилъ надзирателю и палачу и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ нанимать вмѣсто себя поселенца.

Исключительная тяжесть рудничныхъ работъ заключается не въ томъ, что приходится работать подъ землей въ темныхъ и сырыхъ коридорахъ, то ползкомъ, то согнувшись; строительныя и дорожныя работы подъ дождемъ и на вѣтрѣ требуютъ отъ работника большаго напряженія физическихъ силъ. И кто знакомъ съ постановкой дѣла въ нашихъ донецкихъ шахтахъ, тому дуйскій рудникъ не покажется страшнымъ. Вся исключительная тяжесть не въ самомъ трудѣ, а въ обстановкѣ, въ тупости и недобросовѣстности всякихъ мелкихъ чиновъ, когда на каждомъ шагу приходится терпѣть отъ наглости, несправедливости и произвола. Богатые чай пьютъ, а бѣдняки работаютъ, надзиратели у всѣхъ на глазахъ обмалываютъ свое начальство, неизбѣжныя столкновенія рудничной и тюремной администрацій вносятъ въ жизнь массу дразгъ, сплетней и всякихъ мелкихъ безпорядковъ, которые ложатся своею тяжестью прежде всего на людей подневольныхъ, по пословицѣ: паны дерутся — у хлопцевъ зубы болятъ. А, между тѣмъ, каторжникъ, какъ бы глубоко онъ ни былъ испорченъ и несправедливъ, любитъ всего больше справедливость и, если ея нѣтъ въ людяхъ, поставленныхъ выше его, то онъ изъ года въ годъ впадаетъ въ озлобленіе, въ крайнее невѣріе. Сколько, благодаря этому, на каторгѣ пессимистовъ,

угрюмыхъ сатириковъ, которые съ серьезными, злыми лицами толкуютъ безъ умолку о людяхъ, о начальствѣ, о лучшей жизни, а тюрьма слушаетъ и хохочетъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, выходитъ смѣшно. Работа въ дуйскихъ рудникахъ тяжела также потому, что каторжникъ здѣсь въ продолженіе многихъ лѣтъ безъ перерыва видитъ только рудникъ, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его какъ бы ушла въ эту узкую береговую отмель между глинистымъ берегомъ и моремъ.

Около рудничной конторы стоитъ баракъ для поселенцевъ, работающихъ въ коняхъ, небольшой старый сарай, кое-какъ приспособленный для ночевки. Я былъ тутъ въ 5 часовъ утра, когда поселенцы только-что встали. Какая вошь, темнота, давка! Головы разлохмаченныя, точно всю ночь у этихъ людей происходила драка, лица желто-сѣрыя и, съ просонья, выраженія какъ у больныхъ или сумасшедшихъ. Видно, что они спали въ одеждѣ и въ сапогахъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, кто на нарѣ, а кто и подъ парой, прямо на грязномъ земляномъ полу. По словамъ врача, ходившаго со мной въ это утро, здѣсь 1 куб. саж. воздуха приходится на 3—4 человекъ. Между тѣмъ, это было какъ разъ въ то время, когда на Сахалинѣ ожидали холеру и для судовъ былъ назначенъ карантинъ.

Въ это же утро я былъ въ *Восводской тюрьмѣ*. Она была построена въ семидесятыхъ годахъ и для образованія площади, на которой она теперь стоитъ, пришлось срывать гористый берегъ на пространствѣ 480 кв. саж. Въ настоящее время изъ всѣхъ сахалинскихъ тюремъ это самая безобразная, которая уцѣлѣла отъ реформъ вполнѣ, такъ что можетъ служить точною иллюстраціей къ описаніямъ старыхъ порядковъ и старыхъ тюремъ, возбуждавшихъ когда-то въ очевидцахъ омерзеніе и ужасъ. Восводская тюрьма состоитъ изъ трехъ главныхъ корпусовъ и одного малаго, въ которомъ помѣщаются карцеры. Конечно, о кубическомъ содержаніи воздуха или вентиляціяхъ говорить не приходится. Когда я входилъ въ тюрьму, тамъ кончали мыть полы, и влажный, промозглый воздухъ еще не успѣлъ разрѣдиться послѣ ночи и былъ тяжелъ. Полы были мокры и непріятны на видъ. Первое, что я услышалъ здѣсь, это—жалобы на клоповъ. Отъ клоповъ житья нѣтъ. Прежде ихъ изводили хлорною известью, вымораживали во время

сильныхъ морозовъ, но теперь и это не помогаетъ. Въ помѣщеніяхъ, гдѣ живутъ надзиратели, тоже тяжкій запахъ отхожаго мѣста и кислоты, тоже жалобы на клоповъ.

Въ Воеводской тюрьмѣ содержатся прикованные къ тачкамъ. Всѣхъ ихъ здѣсь восемь человѣкъ. Живутъ они въ общихъ камерахъ вмѣстѣ съ прочими арестантами и время проводятъ въ полномъ бездѣйствіи. По крайней мѣрѣ, въ «Вѣдомости о распредѣленіи ссыльно-каторжныхъ по родамъ работъ» прикованные къ тачкамъ показаны въ числѣ неработающихъ. Каждый изъ нихъ закованъ въ ручныя и ножныя кандалы; отъ середины ручныхъ кандаловъ идетъ длинная цѣпь аршина въ 3—4, которая прикрѣпляется ко дну небольшой тачки. Цѣпи и тачка стѣсняютъ арестанта, онъ старается дѣлать возможно меньше движеній, и это, несомнѣнно, отражается на его мускулатурѣ. Руки до такой степени привыкаютъ къ тому, что всякое даже малѣйшее движеніе сопряжено съ чувствомъ тяжести, что арестантъ послѣ того ужъ, какъ, наконецъ, разстается съ тачкой и ручными кандалами, долго еще чувствуетъ въ рукахъ неловкость и дѣлаетъ безъ надобности сильныя, рѣзкія движенія; когда, напримѣръ, беретъ за чашку, то расплескиваетъ чай, какъ страдающій chorea minor. Ночью во время сна арестантъ держитъ тачку подъ ногой и, чтобы это было удобнѣе и легче сдѣлать, его помѣщаютъ обыкновенно на краю общей яры.

Всѣ восемь человѣкъ—рецидивисты, которые на своемъ вѣку судились уже по нѣскольку разъ. Одинъ изъ нихъ, старикъ 60 лѣтъ, прикованъ за побѣги или, какъ самъ онъ говоритъ, «за глупости». Онъ боленъ, повидимому, чахоткой и бывшій смотритель тюрьмы изъ жалости распорядился помѣстить его поближе къ печкѣ. Другой, когда-то служившій кондукторомъ на желѣзной дорогѣ, присланъ за святотатство и на Сахалинѣ попался въ поддѣлкѣ 25-тирублевыхъ бумажекъ. Когда кто-то изъ ходившихъ вмѣстѣ со мной по камерамъ сталъ журить его за то, что онъ ограбилъ церковь то онъ сказалъ: «Что-жъ? Богу деньги не нужны». И, замѣтивъ, что арестанты не смѣются и что эта фраза произвела на всѣхъ непріятное впечатлѣніе, онъ добавилъ: «Зато я людей не убивалъ». Третій, бывшій военный матросъ, присланъ на Сахалинѣ за дисциплинарное преступленіе: онъ бросился на офицера съ поднятыми

кулаками. На каторгѣ онъ точно такъ же бросался на кого-то; въ послѣдній разъ бросился на зрителя тюрьмы, когда тотъ приказалъ наказать его розгами. Его защитникъ на военно-полевымъ судѣ объяснялъ эту его манеру бросаться на людей болѣзненнымъ состояніемъ; судъ приговорилъ его къ смертной казни, а баронъ А. Н. Корфъ замѣнилъ это наказаніе пожизненною каторгой, плетью и прикованіемъ къ тачкѣ. Остальные всѣ прикованы за убійство.

Утро было сырое, пасмурное, холодное. Безпокойно шумѣло море. Помнится, по дорогѣ отъ стараго рудника къ новому мы на минутку остановились около старика-кавказца, который лежалъ на песокѣ въ глубокомъ обморокѣ; два земляка держали его за руки, безпомощно и растерянно поглядывая по сторонамъ. Старикъ былъ блѣденъ, руки холодныя, пульсъ слабый. Мы поговорили и пошли дальше, не подавъ ему медицинской помощи. Врачъ, который сопровождалъ меня, когда я замѣтилъ ему, что не мѣшало бы дать старику хоть валеріановыхъ капель, сказалъ, что у фельдшера въ Воеводской тюрьмѣ нѣтъ никакихъ лѣкарствъ.

IX.

Тымъ, или Тыми.—Лейт. Бошнякъ.—Поляковъ.—Верхній Армуданъ.—Нижній Армуданъ.—Дербинское.—Прогулка по Тыми.—Усково.—Цыгане.—Прогулка по тайгѣ.—Воскресенское.

Второй округъ Сѣв. Сахалина находится по ту сторону водораздѣльнаго хребта и называется Тымовскимъ, такъ какъ большинство его селеній лежитъ на рѣкѣ Тыми, впадающей въ Охотское море. Когда изъ Александровска ѣдешь въ Ново-Михайловку, то на переднемъ планѣ возвышается хребетъ, загораживая собою горизонтъ, и та его часть, которая видна отсюда, называется Пилингой. Съ высоты этой Пилинги открывается роскошная панорама съ одной стороны на долину Дуйки и море, а съ другой—на широкую равнину, которая на протяженіи болѣе чѣмъ 200 верстъ къ сѣверо-востоку орошается Тымью и ея притоками. Эта равнина во много разъ больше и интереснѣе Александровской. Богатство воды, разнообразный строевой лѣсъ, трава выше человѣческаго роста, баснословное изобиліе рыбы и залежи угля предполагаютъ сытое и довольное

существованіе цѣлаго милліона людей. Такъ бы оно могло быть, но холодныя теченія Охотскаго моря и льдины, которыя плаваютъ у восточнаго берега даже въ іюніѣ, свидѣтельствуя съ неумолимою ясностью, что когда природа создавала Сахалинъ, то при этомъ она меньше всего имѣла въ виду человѣка и его пользу. Если бы не горы, то равнина была бы тундрою, холоднѣе и безнадежнѣе, чѣмъ около Віахту.

Первый былъ на р. Тыми и описать ее лейт. Бошнякъ. Въ 1852 г. онъ былъ посланъ сюда Невельскимъ, чтобы провѣрить свѣдѣнія насчетъ залежей каменнаго угля, полученныя отъ гилаковъ, затѣмъ пересѣчь поперекъ островъ и выйти на берегъ Охотскаго моря, гдѣ, какъ говорили, находится прекрасная гавань. Ему даны были парта собакъ, дней на 35 сухарей, чаю да сахару, маленькій ручной компасъ и вмѣстѣ съ крестомъ Невельскаго ободрепіе, что «если есть сухарь, чтобъ утолить голодь, и кружка воды напиться, то съ Божіей помощью дѣло дѣлать еще возможно». Не обѣхавшись по Тыми до восточнаго берега и обратно, онъ кое-какъ добрался до западнаго берега, весь ободранный, голодный, съ нарывами на ногахъ. Собаки отказывались идти дальше, такъ какъ были голодны. Въ самую Пасху онъ притаился въ уголкѣ (гиляцкой) юрты, рѣшительно выбившись изъ силъ. Сухарей не было, разговѣться нечѣмъ, нога болѣла страшно. Въ изслѣдованіяхъ Бошняка самое интересное, конечно, личность самого изслѣдователя, его молодость, — ему шелъ тогда 21-й годъ, — и его беззаветная, геройская преданность дѣлу. Тымъ тогда была покрыта глубокомъ снѣгомъ, такъ какъ на дворѣ стоялъ мартъ, но все же это путешествіе дало ему въ высшей степени интересный матеріалъ для записокъ *).

Серьезное и тщательное изслѣдованіе Тыми, съ научною и практическою цѣлью, было произведено въ 1881 г. зоологомъ Поляковымъ **). Направляясь изъ Александровска,

*) Четыре года спустя по Тыми спустился на восточный берегъ Л. И. Шренкъ и тѣмъ же путемъ вернулся назадъ. Но дѣло происходило тоже зимой, когда рѣка была покрыта снѣгомъ.

**) Его уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ умеръ вскорѣ послѣ своего путешествія на Сахалинъ. Если судить по его скоро написаннымъ эскизамъ запискамъ, то это былъ талантливый и всесторонне образованный человекъ. Вотъ его статьи: 1) *Путешествіе на островъ Сахалинъ въ 1881—1882 г.* (письма къ секретарю общества), при-

онъ 24 іюля на волахъ, съ большими трудностями, перевалилъ черезъ Пилингу. Были тутъ только пѣшеходныя тропинки, по которымъ спускались и поднимались каторжные, таскавшіе тогда на своихъ плечахъ продовольствіе изъ Александровскаго округа въ Тымовскій. Высота хребта здѣсь двѣ тысячи футовъ. На притокѣ Тыми Адмо, ближайшемъ къ Пилингѣ, стоялъ *Ведерниковскій Станокъ*, отъ котораго уцѣлѣло теперь только одно—должность смотрителя Ведерниковскаго Станка *). Притоки Тыми быстры, извилисты, мелководны и порожисты, сообщеніе на лодкахъ невозможно, и Полякову поэтому пришлось пробираться на волахъ до самой Тыми. Въ селеніи Дербинскомъ онъ со свои. и спутниками сѣлъ въ лодки и поплылъ внизъ по теченію.

Утомительно читать описаніе этого его путешествія, благодаря добросовѣстности, съ какою онъ пересчитываетъ всѣ пороги и перекаты, встрѣченные имъ на пути. На протяженіи 272 верстъ отъ Дербинскаго онъ долженъ былъ поборотъ 110 препятствій: 11 пороговъ, 89 перекатовъ и 10 такихъ мѣстъ, гдѣ фарватеръ былъ запруженъ цаносными деревьями и карчами. Значитъ, рѣка среднимъ числомъ на каждыхъ двухъ верстахъ мелководна или засорена. Около Дербинскаго она имѣетъ въ ширину 20—25 саж., и чѣмъ она шире, тѣмъ мельче. Частые ея изгибы и завороты, стремительность теченія и мелководье не позволяютъ надѣяться, что она когда-нибудь будетъ судоходной въ серьезномъ значеніи этого слова. По мнѣнію Полякова, она годится быть только сплавною рѣкой. Лишь на послѣднихъ 70—100 верстахъ до устья, т. е. тамъ, гдѣ меньше всего слѣдуетъ рассчитывать на колонизацію, она становится глубже и прямѣе, теченіе тутъ тише, пороговъ и перекатовъ нѣтъ вовсе; здѣсь можетъ ходить паровой катеръ и даже мелко-сидящій буксирный пароходъ.

лож. къ XIX т. *Изв. И. Р. Геогр. Общества* 1883 г. 2) *Отчетъ объ изслѣдованіяхъ на островѣ Сахалинѣ и въ Южно-Уссурийскомъ краѣ*. Приложение № 6 къ XLVIII т. *Записокъ Импер. Академіи Наукъ* 1884 г. и 3) *На Сахалинѣ*. *Новь* 1885 г., № 1.

*) Этотъ смотритель по отношенію къ Станку изображаетъ изъ себя теперь нѣчто въ родѣ эскъ-короля и несетъ обязанности, ничего общаго со Станкомъ не имѣющія.

Когда здѣшнія богатѣйшія рыбныя ловли попадутъ въ руки капиталистовъ, то, по всей вѣроятности, будутъ сдѣланы солидныя попытки къ очисткѣ и углубленію фарватера рѣки; быть-можетъ, даже по берегу до устья пройдетъ желѣзная дорога и, нѣтъ сомнѣнія, рѣка съ лихвою окутитъ всѣ затраты. Но это въ далекомъ будущемъ. Въ настоящемъ же, при существующихъ средствахъ, когда приходится имѣть въ виду лишь ближайшія цѣли, богатства Тыми почти призрачны. Ссылному населенію она даетъ до обиднаго мало. По крайней мѣрѣ, тымовскій поселенецъ живетъ такъ же впроголодь, какъ и александровскій.

Долина рѣки Тыми, по описанію Полякова, устьяна озерами, старицами, оврагами, ямами; на ней нѣтъ ровныхъ гладкихъ пространствъ, заросшихъ питательными кормовыми травами, нѣтъ поемныхъ заливныхъ луговъ и только изрѣдка попадаются луговины съ осокой: это — заросшія травой озера. По склонамъ гористаго берега растетъ густой хвойный лѣсъ, на отлогомъ берегу — береза, ива, ильма, ослна и цѣлыя рощи изъ тополя. Тополь очень высокъ; у берега онъ подмывается, падаетъ въ воду и образуетъ карчи и запруды. Изъ кустарниковъ здѣсь черемуха, ивнякъ, шиповникъ, боярышникъ... Комаровъ тьма. 1 августа утромъ былъ иней.

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ растительность бѣднѣе. Мало-помалу исчезаетъ тополь, ива обращается въ кустарникъ, въ общей картинѣ уже преобладаетъ песчаный или торфяной берегъ съ голубикой, морошкой и мохомъ. Постепенно рѣка расширяется до 75—100 саж., кругомъ уже тундра, берега низменны и болотисты... Съ моря подулъ холодкомъ.

Тымъ впадаетъ въ Ныйскій заливъ или Тро — маленькая водная пустыня, служащая преддверіемъ въ Охотское море или, что все равно, въ Тихій океанъ. Первая ночь, которую Поляковъ провелъ на берегу этого залива, была ясная, прохладная, и на небѣ сіяла небольшая комета съ раздвоеннымъ хвостомъ. Поляковъ не спитъ, какія мысли наполняли его, пока онъ любовался на комету и прислушивался къ ночнымъ звукамъ. Сонъ «превозмогъ» его. На другой день утромъ судьба наградила его неожиданнымъ зрѣлищемъ: въ устьѣ у входа въ заливъ стояло темное судно съ бѣлыми бортами, съ прекрасною

опаской и рубкой; на носу сидѣлъ живой привязанный орель *).

Берегъ залива произвелъ на Полякова унылое впечатлѣнiе; онъ называетъ его типичнымъ характернымъ образчикомъ ландшафта полярныхъ странъ. Растительность скудная, корявая. Отъ моря заливъ отдѣляется узкою длиною песчаною косою дюннаго происхожденiя, а за этою косою безпредѣльно, на тысячи верстъ раскинулось угрюмое злое море. Когда съ мальчика, начитавшагося Майнъ-Рида, падаетъ ночью одѣяло, онъ зябнетъ, и тогда ему снится именно такое море. Это — кошмаръ. Поверхность свинцовая, надъ нею «тягочѣтъ однообразное сѣрое небо». Суровыя волны бьются о пустынный берегъ, на которомъ нѣтъ деревьевъ, онѣ ревуть и рѣдко-рѣдко чернымъ пятномъ промелькнутъ въ нихъ бить или тюлень **).

Въ настоящее время, чтобы попасть въ Тымовскiй округъ, нѣтъ надобности переваливать черезъ Пиллигу по крутизнамъ и ухабамъ. Я уже говорилъ, что въ Тымовскiй округъ изъ Александровска ѣздить теперь черезъ Арковскую долину и мѣняютъ лошадей въ Арковскомъ Станкѣ. Дороги здѣсь превосходныя и лошади ѣздить быстро. Въ 16 верстахъ отъ Арковского Станка находится первое по тракту селенiе Тымовскаго округа, съ названiемъ точно въ восточной сказкѣ — *Верхнiй Армуданъ*. Оно основано въ 1884 г. и состоитъ изъ двухъ частей, которыя расположились по склону горы около рѣчки Армуданъ, притока Тыми. Жителей здѣсь 178: 123 м. и 55 ж. Хозяевъ 75 и при нихъ совладѣльцевъ 28. Поселенецъ Васильевъ имѣетъ даже двухъ совладѣльцевъ. Въ сравненiи съ Александровскимъ округомъ въ большинствѣ селенiй Тымовскаго, какъ увидитъ читатель, очень много совладѣльцевъ или половнициковъ, мало женщинъ и очень мало законныхъ семей. Въ Верхнемъ Армуданѣ изъ 42 семей только 9 законныя. Женъ свободнаго состоянiя, пришедшихъ за мужьями, только 3, т. е.

*) У устья двухсаженный шестъ не хваталъ два рѣки. Въ заливѣ можетъ стоять судно большого размѣра. Если бы на Охотскомъ морѣ близъ Сахалина было развито судоходство, то суда находили бы себѣ тутъ въ заливѣ тихую и вполне безопасную стоянку.

**) Горн. инж. Лопатинъ въ серединѣ iюни видѣлъ здѣсь ледъ, который покрывалъ море; ледъ этотъ простоялъ до iюля. На Петровъ день въ чайникъ замерзла вода.

столько же, какъ въ Красномъ Ярѣ или Бутаковѣ, существующихъ не больше года. Этотъ недостатокъ женщинъ и семей въ селеніяхъ Тымовскаго округа, часто поразительный, не соотвѣтствующій общему числу женщинъ и семей на Сахалинѣ, объясняется не какими-либо мѣстными или экономическими условіями, а тѣмъ, что всѣ вновь прибывающія партіи сортируются въ Александровскѣ и мѣстные чиновники, по пословицѣ «своя рубашка ближе къ тѣлу», задерживаютъ большинство женщинъ для своего округа и, притомъ, «лучшенькихъ себѣ, а что похуже, то намъ», какъ говорили мнѣ тымовскіе чиновники.

Избы въ В. Армуданѣ крыты соломой или корьемъ, въ нѣкоторыхъ окна не вставлены или наглухо забиты. Бѣдность воистину вопіющая. 20 человекъ не живутъ дома, ушли на заработки. Разработанной земли на всѣхъ 75 хозяевъ и 28 совладѣльцевъ приходится только 60 дес.; посѣяно зерна 183 пуда, т. е. меньше, чѣмъ по 2 пуда на хозяйство. Да едва ли можно разсчитывать здѣсь на хлѣбопашество, сколько бы ни сѣяли. Селеніе лежитъ высоко надъ уровнемъ моря и не защищено отъ сѣверныхъ вѣтровъ; снѣгъ таетъ здѣсь на двѣ недѣли позже, чѣмъ, напримѣръ, въ сосѣднемъ селеніи Мало-Тымовѣ. Ловить рыбу лѣтомъ ходятъ за 20—25 верстъ къ рѣкѣ Тыми, а охота на пушного звѣря имѣетъ характеръ забавы и такъ мало даетъ въ экономіи поселенца, что о ней даже говорить не стѣбитъ.

Хозяевъ и домочадцевъ я заставалъ дома; всѣ ничего не дѣлали, хотя никакого праздника не было и, казалось бы, въ горячую августовскую пору всѣ, отъ мала до велика, могли бы найти себѣ работу въ полѣ или на Тыми, гдѣ уже пла періодическая рыба. Хозяева и ихъ сожительницы, видимо, скучали и были готовы посидѣть, поговорить о томъ, о семъ. Отъ скуки они смѣялись и для разнообразія принимались плакать. Это—неудачники, въ большинствѣ неврастеники и нытики, «лишніе люди», которые все уже испробовали, чтобы добыть кусокъ хлѣба, выбились изъ силъ, которыхъ у нихъ такъ мало, и, въ концѣ-концовъ, махнули рукой, потому что нѣтъ «никакого способу» и не проживешь «никакимъ родомъ». Вынужденное бездѣлье мало-по-малу перешло въ привычное, и теперь они, точно у моря ждуть погоды, томятся, не-хотя спать, ничего не дѣлаютъ и, вѣ-

роятно, уже не способны ни на какое дѣло. Развѣ вотъ только въ картишкѣ перекинуться. Какъ это ни странно, въ В. Армуданѣ картежная игра процвѣтаетъ и здѣшніе игроки славятся на весь Сахалинъ. За недостаткомъ средствъ, армуданцы играютъ по очень маленькой, но играютъ зато безъ передышки, какъ въ пьесѣ: «30 лѣтъ или жизнь игрока». Съ однимъ изъ самыхъ страстныхъ и неутомимыхъ картежниковъ, поселенцемъ Сизовымъ, у меня происходила такой разговоръ:

— Отчего насъ, ваше превосходительство, не пускаютъ на магерикъ?—спросилъ онъ.

— А зачѣмъ тебѣ туда? — пошутилъ я. — Тамъ, гляди, играть не съ кѣмъ.

— Ну, тамъ-то и игра настоящая.

— Въ штось играете?—спросилъ я, помолчавъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, въ штось.

Потомъ, уѣзжая изъ В. Армудана, я спросилъ у своего кучера-каторжника:

— Вѣдь они на интересъ играютъ?

— Извѣстно, на интересъ.

— Но что же они проигрываютъ?

— Какъ что? Казенный пай, хлѣбъ тамъ или копченую рыбу. Харчи и одежду проиграетъ, а самъ голодный и холодный сидитъ.

— А что же онъ вѣсть?

— Чего? Ну, выиграетъ — и поѣсть, а не выиграетъ — и такъ спать ляжетъ, не вѣвши.

Ниже, на томъ же притоцѣ, есть еще селеніе поменьше—*Нижній Армуданъ*. Сюда я прѣхалъ поздно вечеромъ и почевалъ въ надзирательской на чердакѣ, около печного борова, такъ какъ надзиратель не пустилъ меня въ комнату. «Почевать здѣсь нельзя, ваше высокоблагородіе; клоповъ и таракановъ видимо-невидимо—сила! — сказалъ онъ, безпомощно разводя руками.—Пожалуйте на вышку». На вышку пришлось взбираться въ темнотѣ по наружной лѣстницѣ, мокрой и скользкой отъ дождя. Когда я навѣдался внизъ за табакомъ, то увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ «силу», изумительную, возможную, вѣроятно, на одномъ только Сахалинѣ. Стѣны и потолокъ, казалось, были покрыты траурнымъ креномъ, который двигался, какъ отъ вѣтра; по быстро и безпорядочно снующимъ отдѣльнымъ точкамъ на кренѣ

можно было догадаться, изъ чего состояла эта кипящая, переливающаяся масса. Слышались шуршанье и громкій шопоть, какъ будто тараканы и клопы спѣшили куда-то и совѣщались *).

Жителей въ Нижнемъ Армуданѣ 101: 76 м. и 25 ж. Хозяевъ 47 и при нихъ совладѣльцевъ 23. Законныхъ семей 4, незаконныхъ 15. Женщинъ свободнаго состоянія только 2. Нѣтъ ни одного жителя въ возрастѣ 15—20 лѣтъ. Народъ бѣдствуетъ. Только 6 домовъ покрыты тесомъ, остальные же корьемъ, и такъ же, какъ въ Верхнемъ Армуданѣ, кое-гдѣ окна не вставлены вовсе или наглухо забиты. Я не записалъ ни одного работника; очевидно, самимъ хозяевамъ дѣлать нечего. Ушло на заработки 21. Земли разработано подъ пашню и огороды съ 1884 г., когда селеніе было основано, только 37 десятинъ, т. е. по $\frac{1}{2}$ дес. на каждого хозяина. Посѣяло озимаго и ярового хлѣба 183 пуд. Селеніе совсѣмъ не похоже на хлѣбопашескую деревню. Здѣшніе жители, это—беспорядочный сбродъ русскихъ, поляковъ, финляндцевъ, грузинъ, голодныхъ и оборванныхъ, соединившихся вмѣстѣ не по своей волѣ и случайно, точно послѣ кораблекрушенія.

Слѣдующее по тракту селеніе лежитъ на самой Тыми. Основано оно въ 1880 г. и названо *Дербинскимъ* въ честь смотрителя тюрьмы Дербина, убитаго арестантомъ за жестокое обращеніе. Это былъ еще молодой, но тяжелый, крутой и неумолимый человекъ. По воспоминаніямъ людей, знавшихъ его, онъ всегда ходилъ въ тюрьму и по улицамъ съ палкой, которую бралъ съ собой для того только, чтобы бить людей. Его убивали въ пекарнѣ; онъ боролся и упалъ въ квалію и окровавилъ тѣсто. Его смерть вызвала среди арестантовъ всеобщую радость, и они собрали его убійцѣ по мелочамъ 60 рублей.

Прошлое у селенія Дербинскаго вообще не радостное. Одна часть равнины, на которой оно теперь стоитъ, узкая, была покрыта сплошнымъ березовымъ и осиновымъ лѣсомъ,

*) Кстати, у сахалинцевъ существуетъ мнѣніе, будто клоповъ и таракановъ приносятъ пѣзъ лѣсу во мхѣ, которымъ здѣсь конопатятъ постройки. Мнѣніе это выводятъ изъ того, что не успѣютъ-де проконопатить стѣны, какъ уже въ щеляхъ появляются клопы и тараканы. Понятно, мохъ тутъ ни при чемъ; насѣкомыхъ приносятъ на себѣ плотники, почуяющіе въ тюрьмѣ или въ поселенческихъ избахъ.

а на другой части, болѣе просторной, но низменной, и болотистой и, казалось бы, негодной для поселенія, росъ густой еловый и лиственничный лѣсъ. Едва покончили съ рубкой лѣса и раскорчевкой подъ избы, тюрьму и казенные склады, потомъ съ осушкой, какъ пришлось бороться съ бѣдой, которой не предусмотрѣли колонизаторы: рѣчка Амга въ весеннее половодье заливала все селеніе. Нужно было рыть для нея другое русло и давать ей новое направленіе. Теперь Дербинское занимаетъ площадь болыне чѣмъ въ квадратную версту и имѣетъ видъ настоящей русской деревни. Въѣзжаешь въ него по великолѣпному деревянному мосту; рѣка веселая, съ зелеными берегами, съ ивами, улицы широкія, избы съ тесовыми крышами и съ дворами. Новыя тюремныя постройки, всякіе склады и амбары и домъ смотрителя тюрьмы стоятъ среди селенія и напоминаютъ не тюрьму, а господскую экономію. Смотритель все ходитъ отъ амбара къ амбару и звенитъ ключами,—точь-въ-точь какъ помѣщикъ добраго стараго времени, дежно и ношно пекущійся о запасахъ. Жена его сидитъ около дома въ палисадникѣ, величественная, какъ маркиза, и наблюдаетъ за порядкомъ. Ей видно, какъ передъ самымъ домомъ изъ открытаго парника глядятъ уже созрѣвшіе арбузы и около нихъ почтительно, съ выраженіемъ рабскаго усердія, ходитъ каторжный садовникъ Каратаевъ; ей видно, какъ съ рѣки, гдѣ арестанты ловятъ рыбу, несутъ здоровую, отборную кѣту, такъ-называемую «серебрянку», которая идетъ не въ тюрьму, а на балычки для начальства. Около палисадника прогуливаются барышни, одѣтыя, какъ ангельчики; на нихъ шьетъ каторжная модистка, присланная за поджогъ. И кругомъ чувствуются тихая, пріятная сытость и довольство; ступаютъ мягко, по-кошачьи, и выражаются тоже мягко: рыбака, балычки, казенненькое довольствіе...

Жителей въ Дербинскомъ 739: 442 м. и 297 ж., а съ тюрьмою будетъ всего около тысячи. Хозяевъ 250 и при нихъ совладѣльцевъ 58. Какъ по наружному виду, такъ и по количеству семей и женщинъ, по возрастному составу жителей и вообще по всѣмъ относящимся къ нему цифрамъ, это одно изъ немногихъ селеній на Сахалинѣ, которое серьезно можно назвать селеніемъ, а не случайнымъ сбродомъ людей. Законныхъ семей въ немъ 121, свободныхъ 14, и между законными женами значительно преобладаютъ

женщины свободного состоянія, которыхъ здѣсь 103; дѣти составляютъ треть всего населенія. Но при попыткѣ понять экономическое состояніе дербинцевъ опять-таки наталкиваясь, прежде всего, на разныя случайныя обстоятельства, которыя здѣсь играютъ такую же главную и подчиняющую роль, какъ и въ другихъ селеніяхъ Сахалина. И здѣсь естественные и экономическіе законы какъ бы уходятъ на задній планъ, уступая свое первенство такимъ случайностямъ, какъ, напримѣръ, большее или меньшее количество неспособныхъ къ труду, больныхъ, воровъ или бывшихъ горожанъ, которые здѣсь занимаются хлѣбопашествомъ, только поневолѣ; количество старожиловъ, близость тюрьмы, личность окружнаго начальника и т. д.—все это условія, которыя могутъ мѣняться черезъ каждыя пять лѣтъ и даже чаще. Тѣ дербинцы, которые, отбывъ каторгу до 1880 г., селились тутъ первые, вынесли на своихъ плечахъ тяжелое прошлое селенія, обтерпѣлись и мало-по-малу захватили лучшія мѣста и куски, и тѣ, которые прибыли изъ Россіи съ дѣтьми и семьями, также живутъ не бѣдно; 220 десятинъ земли и ежегодный уловъ рыбы въ три тысячи пудовъ, показываемые въ отчетахъ, очевидно, опредѣляютъ экономическое положеніе только этихъ хозяевъ; остальные же жители, т. е. больше половины Дербинскаго, голодны, оборваны и производятъ впечатлѣніе ненужныхъ, лишнихъ, не живущихъ и мѣшающихъ другимъ жить. Въ нашихъ русскихъ деревняхъ даже послѣ пожаровъ не наблюдается такой рѣзкой разницы.

Когда я пріѣхалъ въ Дербинское и потомъ ходилъ по избамъ, шелъ дождь, было холодно и грязно. Смотритель тюрьмы, за неимѣніемъ мѣста въ его тѣсной квартирѣ, помѣстилъ меня въ новомъ, недавно выстроенномъ амбарѣ, въ которомъ была сложена вѣнская мебель. Мы поставили кровать и столъ и придѣлали къ дверямъ запертку, чтобы можно было запираться изнутри. Съ вечера часовъ до двухъ ночи я читалъ или дѣлалъ выписки изъ подворныхъ описей и алфавита. Дождь, не переставая, стучалъ по крышѣ и рѣдко-рѣдко какой-нибудь запоздалый арестантъ или солдатъ, пленая по грязи, проходилъ мимо. Было спокойно и въ амбарѣ, и у меня на душѣ, но едва я тушилъ свѣчу и ложился въ постель, какъ слышались шорохъ, шопотъ, стукъ, плесканье, глубокіе вздохи... Капли, падавшія съ потолка

на рѣшетки вѣнскихъ стульевъ, производили гулкій, звенящій звукъ и послѣ каждаго такого звука кто-то шепталъ въ отчаяніи: «Ахъ, Боже мой, Боже мой!» Рядомъ съ амбаромъ находилась тюрьма. Ужъ не каторжные ли лѣзутъ ко мнѣ подземнымъ ходомъ? Но вотъ порывъ вѣтра, дождь застучалъ сильнѣе, гдѣ-то зашумѣли деревья — и опять глубокій, отчаянный вздохъ: «Ахъ, Боже мой, Боже мой!»

Утромъ выхожу на крыльцо. Небо сѣрое, унылое, идетъ дождь, грязно. Отъ дверей къ дверямъ торопливо ходитъ смотритель съ ключами.

— Я тебѣ проищу такую записку, что потомъ не дѣлю чесаться будешь!—кричитъ онъ.—Я тебѣ покажу записку!

Эти слова относятся къ толпѣ человѣкъ въ двадцать каторжныхъ, которые, какъ можно судить по немногимъ долетѣвшимъ до меня фразамъ, просятъ въ больницу. Они оборваны, вымокли на дождѣ, забрызганы грязью, дрожатъ; они хотятъ выразить мимикой, что имъ въ самомъ дѣлѣ больно, но на озябшихъ, застывшихъ лицахъ выходитъ что-то кривое, лживое, хотя, быть-можетъ, они вовсе не лгутъ. «Ахъ, Боже мой, Боже мой!»—вздыхаетъ кто-то изъ нихъ, и мнѣ кажется, что мой ночной кошмаръ все еще продолжается. Приходитъ на умъ слово «паріи», означающее въ обиходѣ состояніе человѣка, ниже котораго уже нельзя упасть. За все время, пока я былъ на Сахалинѣ, только въ поселенческомъ баракѣ около рудника, да здѣсь, въ Дербінскомъ, въ это дождливое, грязное утро, были моменты, когда мнѣ казалось, что я вижу крайнюю, предѣльную степень униженія человѣка, дальше которой нельзя уже идти.

Въ Дербінскомъ живетъ каторжная, бывшая баронесса, которую здѣшнія бабы называютъ «рабочею барыней». Она ведетъ скромную рабочую жизнь и, какъ говорятъ, довольна своимъ положеніемъ. Одинъ бывший московскій купецъ, торговавшій когда-то на Тверской-Ямской, сказалъ мнѣ со вздохомъ: «А теперь въ Москвѣ скачки!» — и, обращаясь къ поселенцамъ, сталъ имъ рассказывать, что такое скачки и какое множество людей по воскресеньямъ движется къ заставѣ по Тверской-Ямской. «Вѣрите ли, вапе высококордіе, — сказалъ онъ мнѣ, взволнованный своимъ рассказомъ: — я бы все отдалъ, жизнь бы свою отдалъ, чтобы

только взглянуть не на Россію, не на Москву, а хоть бы на одну только Тверскую». Въ Дербинскомъ, между прочимъ, живутъ два Емельяна Самохвалова, однофамильцы, и во дворѣ у одного изъ этихъ Емельяновъ, помнится, я видѣлъ пѣтуха, привязаннаго за ногу. Всѣхъ дербинецвъ, въ томъ числѣ и самихъ Емельяновъ Самохваловыхъ, забавляетъ эта странная и очень сложная комбинація обстоятельствъ, которая двухъ человѣкъ, жившихъ въ разныхъ концахъ Россіи и схожихъ по имени и фамиліи, въ концѣ-концовъ, привела сюда, въ Дербинское.

27-го августа пріѣхали въ Дербинское ген. Кононовичъ, начальникъ Тымовскаго округа А. М. Бутаковъ и еще одинъ чиновникъ, молодой человѣкъ,—всѣ трое интеллигентные и интересные люди. Они и я, вчетверомъ, совершили небольшую прогулку, которая, однако, отъ начала до конца была обставлена такими неудобствами, что вышла у насъ не прогулка, а какъ будто пародія на экспедицію. Начать съ того, что шелъ сильный дождь. Грязно, скользко; за что ни возмешься—мокро. Съ намочнаго затылка течетъ за воротъ вода, въ сапогахъ холодно и сыро. Закурить папиросу,—это сложная, тяжелая задача, которую рѣшали всѣ сообща. Мы около Дербинскаго сѣли въ лодку и поплыли внизъ по Тыми. По пути мы останавливались, чтобъ осмотрѣть рыбныя ловли, водяную мельницу, тюремныя нашини. Ловли я опишу въ своемъ мѣстѣ; мельницу мы единогласно признали превосходной, а нашини не представляютъ изъ себя ничего особеннаго и обращаютъ на себя вниманіе развѣ только своими скромными размѣрами; серьезный хозяинъ назвалъ бы ихъ баловствомъ. Теченіе рѣки быстрое, четыре гребца и рулевой работали дружно; благодаря быстротѣ и частымъ изгибамъ рѣки, картины передъ нашими глазами мѣнялись каждую минуту. Мы плыли по горной, тайговой рѣкѣ, по всю ея дикую прелесть, зеленые берега, крутизны и одинокія неподвижныя фигуры рыболововъ я охотно промѣнялъ бы на теплую комнату и сухую обувь, тѣмъ болѣе, что пейзажи были однообразны, не новы для меня, а, главное, покрыты сѣрою дождевою мглой. Впереди на носу сидѣлъ А. М. Бутаковъ съ ружьемъ и стрѣлялъ по дикимъ уткамъ, которыхъ мы вспугивали своимъ появленіемъ.

По Тыми къ сѣверо-востоку отъ Дербинскаго пока осно-

вано только два селенія: *Воскресенское* и *Усково*. Чтобы заселить всю рѣку до устья, такихъ селеній съ промежутками въ десять верстъ понадобится по меньшей мѣрѣ 30. Администрація намѣрена основывать ихъ ежегодно по одному — по два и соединить ихъ дорогою, въ расчетѣ, что со временемъ между Дербинскимъ и Ныйскимъ заливомъ проляжетъ трактъ, оживляемый и охраняемый цѣлою линіею селеній. Когда мы плыли мимо Воскресенскаго, на берегу стоялъ на-вытяжку надзиратель, очевидно, поджидая насъ. А. М. Бутаковъ крикнулъ ему, что на обратномъ пути изъ Ускова мы будемъ ночевать у него и чтобъ онъ приготовилъ побольше соломы.

Вскорѣ послѣ этого сильно запахло гниющею рыбой. Мы подходили къ гиляцкой деревушкѣ Уск—во, давшей названіе теперешнему Ускову. На берегу насъ встрѣтили гиляки, ихъ жены, дѣти и кучья собаки, но ужъ того удивленія, какое возбудилъ здѣсь когда-то своимъ прибытіемъ покойный Поляковъ, мы не наблюдали. Даже дѣти и собаки глядѣли на насъ равнодушно. Русское селеніе находится въ двухъ верстахъ отъ берега. Здѣсь, въ Усковѣ, та же картина, что и въ Красномъ Ярѣ. Широкая, дурно раскорчованная, кочковатая, покрытая лѣсной травой улица и по сторонамъ ея не оконченныя избы, поваленныя деревья и кучи мусора. Всѣ вновь строящіяся сахалинскія селенія одинаково производятъ впечатлѣніе разрушенныхъ неприятелемъ или давно брошенныхъ деревень и только по свѣжему, ясному цвѣту срубовъ и стружекъ видно, что здѣсь происходитъ процессъ, какъ разъ противоположный разрушенію. Въ Усковѣ 77 жителей: 59 м. 18 ж., хозяевъ 33 и при нихъ лишнихъ людей пли, иначе, совладѣльцевъ 20. Семейно живутъ только 9. Когда усковцы со своими семьями собрались около надзирательской, гдѣ мы пили чай, и когда женщины и дѣти, какъ болѣе любопытныя, вышли впередъ, то толпа стала походить на цыганскій таборъ. Между женщинами въ самомъ дѣлѣ было нѣсколько смуглыхъ цыганокъ съ лукавыми, притворно-печальными лицами, и почти всѣ дѣти были цыганята. Въ Усковѣ водворены нѣсколько каторжныхъ цыганъ и ихъ горькую участь раздѣляютъ ихъ семьи, пришедшія за ними добровольно. Двѣ-три цыганки мнѣ были немножко знакомы и раньше: за недѣлю до прїѣзда въ Усково я видѣлъ въ Рыковскомъ, какъ онѣ

съ мѣлками за плечами ходили подь окнами и предлагали погадать *).

Усковцы живутъ очень бѣдно. Земли подь пашню и огородъ обработано пока голько 11 дес., т. е. почти $\frac{1}{5}$ дес. на хозяйство. Всѣ живутъ на счетъ казны, получая отъ нея арестантское довольствіе, которое достается имъ, впрочемъ, не дешево, такъ какъ по бездорожью они таскаютъ его изъ Дербинскаго на своихъ плечахъ черезъ тайгу.

Отдохнувши, часовъ въ пять пополудни мы пошли пѣшкомъ назадъ въ Воскресенское. Разстояніе небольшое, всего шесть верстъ, но отъ непривычки путешествовать по тайгѣ я сталъ чувствовать утомленіе послѣ первой же версты. Шель попрежнему сильный дождь. Тотчасъ же по выходѣ изъ Ускова пришлось имѣть дѣло съ ручьемъ въ сажень ширины, черезъ который были перекинуты три тонкихъ кривыхъ бревна; всѣ прошли благополучно, я же оступися и набралъ въ сапогъ. Передъ нами лежала длинная прямая просѣка, прорубленная для проектированной дороги; на ней не было буквально ни одного сажня, по которому можно было бы пройти, не балансируя и не спотыкаясь. Кочки, ямы, полныя воды, жесткіе, точно проволочные кусты, или корневища, о которыя спотыкаешься, какъ о порогъ, и которыя предательски скрылись подь водою, а главное, самое непріятное—это валежникъ и груды деревьевъ, поваленныхъ здѣсь при рубкѣ просѣки. Побѣдишь одну груду, вспотѣешь и продолжаешь идти по болоту, какъ опять новая груды, которой не минуешь, опять взбираешься, а спутники кричатъ мнѣ, что я иду не туда, надо взять влѣво отъ груды или вправо и т. д. Сначала я старался только объ одномъ — не набрать бы въ другой сапогъ, но скоро махнулъ на все рукой и предоставилъ себя теченію обстоятельствъ. Слышится тяжелое дыханіе трехъ поселенцевъ, которые плетутся сзади и тащатъ наши вещи... Томить духота, одышка, хочется пить... Идемъ безъ фуражекъ, —этакъ легче.

Генераль, задыхаясь, садится на толстое бревно. Садимся и мы. Даемъ по папироскѣ поселенцамъ, которые не смѣютъ сѣсть.

*). Одинъ авторъ, бывшій на Сахалинѣ года два спустя послѣ меня, видѣлъ уже около Ускова цѣлый табунъ лошадей.

— Уфъ! Тяжко!

— Сколько версть осталось еще до Воскресенскаго?

— Да версты три осталось.

Бодрѣе всѣхъ идетъ А. М. Бутаковъ. Раньше онъ хаживалъ пѣшкомъ по тайгѣ и тундрѣ на далекия разстоянія, и теперь какія-нибудь шесть версть составляютъ для него суцїй пустякъ. Онъ рассказывалъ мнѣ про свое путешествіе вдоль рѣки Цороная къ заливу Терпѣнія и обратно: въ первый день идти мучительно, выбиваешься изъ силъ, на другой день болитъ все тѣло, но идти, все-таки, ужъ легче, а въ третій и затѣмъ слѣдующіе дни чувствуешь себя, какъ на крыльяхъ, точно ты не идешь, а несетъ тебя какая-то невидимая сила, хотя ноги, попрежнему, путаются въ жесткомъ богульникахъ и вязнутъ въ трясинѣ.

На полдорогѣ стало темнѣть, и скоро насъ окутала пастоящая тьма. Я уже потерялъ надежду, что когда-нибудь будетъ конецъ этой прогулкѣ, и шелъ ощупью, болтаясь по колѣна въ водѣ и спотыкаясь о бревна. Кругомъ меня и моихъ спутниковъ тамъ и сямъ мелькали или мѣли неподвижно блуждающіе огоньки; свѣтились фосфоромъ цѣлыя лужи и громадныя гнющія деревья, а сапоги мои были усыпаны движущимися точками, которыя горѣли, какъ ивановскіе свѣтляки.

Но вотъ, слава Богу, вдали заблестѣлъ огонь, не фосфорическій, а настоящій. Кто-то окликнулъ насъ, мы отвѣтили; показался надзиратель съ фонаремъ; широко шагая черезъ лужи, въ которыхъ отсвѣчивалъ его фонарь, онъ черезъ все Воскресенское, которое едва было видно въ потемкахъ, повелъ насъ къ себѣ въ надзирательскую *). У спутниковъ моихъ было съ собою сухое платье для перемѣны, и они, придя въ надзирательскую, посидѣли переодѣться, у меня же съ собою ничего не было, хотя я промокъ буквально насквозь. Мы напились чаю, поговорили и легли спать.

*) На то, чтобы пройти шесть версть изъ Ускова въ Воскресенское, намъ понадобилось три часа. Если читатель вообразитъ пѣшехода, навьюченнаго мукой, солониной или казенными вещами, или больного, который идетъ изъ Ускова въ Рыковскую больницу, то ему станетъ вполне понятно, какое значеніе имѣютъ на Сахалинѣ слова: «итѣ дороги». Проѣхать невозможно ни на колесахъ, ни верхомъ. Бывали случаи, что при попыткахъ проѣхать верхомъ лошади ломали себѣ ноги.

Кровать въ надзирательской была только одна, ее занялъ генераль, а мы, простые смертные, легли на полу на сѣнѣ.

Воскресенское почти вдвое больше Ускова. Жителей 183: 175 м. и 8 ж. Свободныхъ семей 7 и ни одной вѣнчанной пары. Дѣтей въ селеніи немного: только одна дѣвочка. Хозяевъ 97, при нихъ совладѣльцевъ 77.

Х.

Рыковское.—Здѣшняя тюрьма.—Метеорологическая станція М. Н. Галкина-Враского.—Палево.—Микрюковъ.—Вальзы и Лонгари.—Малотымово.—Андрее-Ивановское.

У верховьевъ Тыми, въ самой южной части ея бассейна, мы встрѣчаемъ болѣе развитую жизнь. Здѣсь, какъ бы то ни было, все-таки теплѣе, тоны у природы мягче и голодный, озябшій человекъ находитъ для себя болѣе подходящія естественныя условія, чѣмъ по среднему или нижнему теченію Тыми. Тутъ даже мѣстность похожа на Россію. Это сходство, очаровательное и трогательное для ссыльнаго, особенно замѣтно въ той части равнины, гдѣ находится селеніе *Рыковское*, административный центръ Тымовскаго округа. Здѣсь равнина имѣетъ до шести верстъ ширины; съ востока слегка защищаетъ ее невысокій хребетъ, идущій вдоль Тыми, а съ западной стороны снѣжуютъ отроги большого водораздѣльнаго хребта. На ней нѣтъ холмовъ и возвышеній, это совершенно ровное, по виду обыкновенное русское поле съ пашнями, покосами, выгонами и зелеными рощами. При Поляковѣ вся поверхность долины была покрыта кочками, ямами, промоинами, озерами и мелкими рѣчущками, впадинами въ Тымъ; верховая лошадь вязла то по колѣна, то по брюхо; теперь же все раскорчевано, осушено и изъ Дербинскаго до Рыковского на протяженіи 14 верстъ проходитъ цегольская дорога, изумительная по своей гладкости и совершенной прямизнѣ.

Рыковское, или Рыково, основано въ 1878 г.; мѣсто для него довольно удачно выбралъ и указалъ смотритель тюрьмы унтеръ-офицеръ Рыковъ. Оно отличается своимъ быстрымъ ростомъ, необыкновеннымъ даже для сахалинскаго селенія: въ послѣднія пять лѣтъ площадь его и населеніе увеличились въ четыре раза. Въ настоящее время оно занимаетъ три квадратныхъ версты и жителей въ немъ 1.368: 831 м. и 537 ж., а съ тюрьмой и командой будетъ болѣе двухъ

тысячъ. Оно не похоже на Александровскій постъ; то городокъ, маленькій Вавилонъ, имѣющій уже въ себѣ игорные дома и даже семейныя бани, содержимыя жидомъ, это же настоящая сѣрая русская деревня безъ какихъ-либо претензій на культурность. Когда ѣдешь или идешь по улицѣ, которая тянется версты на три, то она скоро прискучаетъ своею длиною и однообразіемъ. Тутъ улицы не называются, по-сибирски, слободками, какъ въ Александровскѣ, а улицами, и большинство ихъ сохраняютъ названія, данныя имъ самими поселенцами. Есть улица Сизовская, названная такъ потому, что на краю стоитъ изба поселки Сизовой, есть улица Хребтовая, Малороссійская. Въ Рыковскомъ много хохловъ и потому, должно-бытъ, нигдѣ въ другомъ селеніи вы не встрѣтите столько великолѣпныхъ фамилій, какъ здѣсь: Желтоногъ, Желудокъ, девять человекъ Безбожныхъ, Зарывай, Рѣка, Бубликъ, Сивокобылка, Колода, Замоздря и т. д. Среди селенія большая площадь, на ней деревянная церковь и кругомъ по краю не лавки, какъ у насъ въ деревняхъ, а тюремныя постройки, присутственныя мѣста и квартиры чиновниковъ. Когда проходишь по площади, то воображеніе рисуетъ, какъ на пей шумитъ веселая ярмарка, раздаются голоса усковскихъ цыганъ, торгующихъ лошадьми, какъ пахнетъ дегтемъ, навозомъ и копченою рыбой, какъ мычатъ коровы, и визгливые звуки гармоникъ мѣшаются съ пьяными пѣснями; но мирная картина разсѣвается въ дымъ, когда слышишь вдругъ опостылѣвшій звонъ цѣпей и глухіе шаги арестантовъ и конвойныхъ, идущихъ черезъ площадь въ тюрьму.

Хозлевы въ Рыковскомъ 335 и при нихъ половинщиковъ, совмѣстно ведущихъ хозяйства и считающихъ себя тоже хозяевами, 189. Законныхъ семей 195, свободныхъ 91; большинство законныхъ женъ — свободныя, пришдшія за мужьями. Ихъ здѣсь 155. Это высокія цифры, но угѣшаться и увлекаться ими не слѣдуетъ, онѣ обѣщаютъ мало хорошаго. Уже по количеству половинщиковъ, этихъ сверхштатныхъ хозяевъ, видно, какъ много здѣсь лишняго элемента, не имѣющаго средствъ и возможности самостоятельно вести хозяйство, и какъ уже здѣсь тѣсно и голодно. Сахалинская администрація сажаетъ людей на участки какъ-нибудь, не соображаясь съ обстоятельствами и не заглядывая въ будущее, а при такомъ нехитромъ способѣ создавать новые населенные пункты и хозяйства, селенія, поставленныя даже въ

сравнительно благоприятныя условія, какъ Рыковское, въ концѣ-концовъ все-таки даютъ картину полного обнищанія и доходятъ до положенія Верхняго Армудана. Для Рыковского, при существующемъ количествѣ земли, годной для хлѣбопашества, и при условіяхъ здѣшней урожайности, принимая даже во вниманіе возможные заработки, двухсотъ хозяевъ было бы, какъ говорится, за глаза, а, между тѣмъ, ихъ тутъ вмѣстѣ съ сверхштатными болѣе пятьсотъ, и каждый годъ начальство будетъ приваливать все новыхъ и новыхъ.

Тюрьма въ Рыковскомъ новая. Построена она по типу, общему для всѣхъ сахалинскихъ тюремъ: деревянныя казармы, камеры въ нихъ и нечистота, нищета и неудобства, свойственныя этимъ предназначаемымъ для стадной жизни помѣщеніямъ. Съ недавняго времени, впрочемъ, рыковская тюрьма, благодаря нѣкоторымъ своимъ особенностямъ, которыхъ трудно не замѣтить, стала считаться лучшею тюрьмой во всемъ Сѣв. Сахалинѣ. Миѣ она тоже показалась лучшею. Такъ какъ въ районѣ каждой тюрьмы миѣ приходилось прежде всего пользоваться канцелярскимъ матеріаломъ для справокъ и услугами грамотныхъ людей, то во всемъ Тымовскомъ округѣ и особенно въ Рыковскомъ я не могъ не замѣтить на первыхъ порахъ того обстоятельства, что здѣшніе писаря хорошо подготовлены и дисциплинированы, какъ будто прошли спеціальную школу; подворныя описи и алфавиты они ведутъ въ образцовомъ порядкѣ. Затѣмъ, когда я бывалъ въ тюрьмѣ, то же впечатлѣніе порядка и дисциплины производили на меня кашевары, хлѣбопеки и проч.; даже старшіе надзиратели не казались здѣсь такими сытыми, величаво-тупыми и грубыми, какъ въ Александровскѣ или Дуэ.

Въ тѣхъ частяхъ тюрьмы, гдѣ соблюденіе чистоты возможно, требованіе опрятности, повидимому, доведено до крайности. Въ кухнѣ, напимѣръ, и лекарнѣ — въ самомъ помѣщеніи, мебели, посудѣ, воздухѣ, одеждѣ прислуги — такая чистота, что могла бы удовлетворить самый придирчивый санитарный надзоръ, и очевидно, что эта опрятность бываетъ наблюдаема здѣсь постоянно, независимо отъ чьихъ-либо посѣщеній. Когда я былъ въ кухнѣ, тамъ варили въ котлахъ похлебку изъ свѣжей рыбы — кушанье нездоровое, такъ какъ отъ періодической рыбы, пойманной въ верховьяхъ рѣки, арестанты заболѣваютъ острымъ катарромъ кишекъ; но, не-

смотря даже на это обстоятельство, вся постановка дѣла какъ бы говорила, что здѣсь арестантъ полностью получаетъ все то количество пищевого довольствія, какое ему полагается по закону. Оттого, что для работъ внутри тюрьмы, въ качествѣ завѣдующихъ, распорядителей и проч., привлечены привилегированные ссыльные, которые отвѣчаютъ за качество и количество арестантской пищи, я думаю, стали невозможны такія безобразныя явленія, какъ вонючія щи или хлѣбъ съ глиной. Изъ множества суточныхъ хлѣбныхъ порцій, приготовленныхъ для выдачи арестантамъ, я взялъ нѣсколько наудачу и свѣсилъ, и каждая вѣсила непремѣнно три фунта съ походомъ.

Отхожее мѣсто устроено здѣсь тоже по системѣ выгребныхъ ямъ, но содержится иначе, чѣмъ въ другихъ тюрьмахъ. Требованіе опрятности здѣсь доведено до степени, быть-можетъ, даже стѣснительной для арестантовъ, въ помѣщеніи тепло и дурной запахъ совершенно отсутствуетъ. Последнее достигается особаго рода вентиляціей, описанной въ извѣстномъ руководствѣ проф. Эрисмана, кажется, подъ названіемъ обратной тяги *).

Смотритель рыковской тюрьмы, г. Ливинъ, человекъ даровитый, съ серьезнымъ опытомъ, съ инициативой, и тюрьма всѣмъ тѣмъ, что въ ней есть хорошаго, обязана, главнымъ образомъ, ему. Къ сожалѣнію, онъ имѣетъ сильное пристрастіе къ розгѣ, которое уже однажды было ознаменовано покушеніемъ на его жизнь. На него, какъ на звѣря, съ ножомъ бросился арестантъ, и это нападеніе имѣло гибельныя послѣдствія для нападавшаго. Постоянная заботливость г. Ливина о людяхъ, и, въ то же время, розги, упоеніе тѣлесными наказаніями, жестокость, какъ хотите, сочетаніе ни съ чѣмъ несообразное и необъяснимое. Капитанъ Венцель въ гарнизонскихъ *Запискахъ рядового Иванова*, очевидно, не выдуманъ.

Въ Рыковскомъ есть школа, телеграфъ, больница и метеоро-

*) Въ рыковской тюрьмѣ эта тяга устроена такъ: въ помѣщеніи надъ выгребною ямой тоится печи и при этомъ дверцы закрываются вполноту, герметически, а токъ воздуха, необходимый для горѣнія, печи получаютъ изъ ямы, такъ какъ соединены съ нею трубой. Такимъ образомъ, всѣ зловонныя газы поступаютъ изъ ямы въ печь и по дымовой трубѣ выходятъ наружу. Помѣшеніе надъ ямой нагревается отъ печей и воздухъ отсюда идетъ въ яму черезъ дыры и затѣмъ въ дымовую трубу; пламя свѣчки, поднесенной къ дырѣ, замѣтно тянется внизъ.

логическая станція имени М. Н. Галкина-Врасского, которою неофициально завѣдуетъ привилегированный ссыльный, бывшій мичманъ, человекъ замѣчательно трудолюбивый и добрый; онъ исправляетъ еще также должность церковнаго старосты. За четыре года, пока существуетъ станція, собрано не много данныхъ, но, все-таки, уже достаточно опредѣлилась разница между обоими сѣверными округами. Если въ Александровскомъ округѣ климатъ морской, то въ Тымовскомъ онъ континентальный, хотя между станціями обоихъ округовъ не болѣе 70 верстъ. Колебанія температуры и числа дней съ осадками въ Тымовскомъ уже не такъ значительны. Лѣто здѣсь теплѣе, зима суровѣе; средняя температура года ниже нуля, т. е. ниже даже, чѣмъ на Соловецкомъ островѣ. Тымовскій округъ находится выше надъ уровнемъ моря, чѣмъ Александровскій, но, благодаря тому, что онъ окруженъ горами и лежитъ какъ бы въ котловинѣ, среднее число безвѣтренныхъ дней въ году здѣсь больше почти на 60 и въ частности дней съ холоднымъ вѣтромъ меньше на 20. Наблюдается также небольшая разница въ числѣ дней съ осадками: въ Тымовскомъ ихъ больше—116 со снѣгомъ и 76 съ дождемъ; сумма же осадковъ въ обоихъ округахъ даетъ болѣе значительную разницу, почти на 300 мм., причеиъ наибольшее количество сырости приходится на долю Александровскаго.

24 июля 1889 г. былъ утренникъ, который попортилъ въ Дербинскомъ картофельный цвѣтъ; 18 же августа во всеиъ округѣ побилъ морозомъ картофельную ботву.

Южнѣе Рыковского, на мѣстѣ бывшей гиляцкой дереиушки Пальво, на притокѣ Тыи того же названія, стоитъ селеніе *Палево*, основанное въ 1886 г. Отъ Рыковского ведетъ сюда хорошая проселочная дорога по гладкой равнинѣ, мимо рощъ и полей, чрезвычайно напоминавшихъ мнѣ Россію, быть-можетъ, потому, что я проѣзжалъ здѣсь въ очень хорошую погоду. Разстояніе 14 верстъ. Въ направленіи отъ Рыковского до Палева скоро проляжетъ почтово-телеграфный трактъ, давно уже проектированный, который соединитъ Сѣверный Сахалинъ съ Южнымъ. Дорога здѣсь уже строится.

Въ Палевѣ 396 жителей: 345 м. и 51 ж. Хозяевъ 183 и при нихъ половинщиковъ 137, хотя, по мѣстнымъ условіямъ, было бы достаточно и 50 владѣльцевъ. Трудно найти

на Сахалинѣ другое селеніе, въ которомъ сошлось бы вмѣстѣ столько разныхъ обстоятельствъ, неблагоприятныхъ для сельско-хозяйственной колоніи, какъ здѣсь. Почва—галька; когда-то, по разсказамъ старожиловъ, на мѣстѣ нынѣшняго Палева тунгусы пасли своихъ оленей. Даже поселенцы толкуютъ, что эта мѣстность во времена оны была дномъ морскимъ и будто гиляки теперь находятъ на ней вещи съ кораблей. Земли разработано только 108 дес., считая тутъ и пашни, и огородъ, и сѣнокосы, а хозяевъ, между тѣмъ, больше трехсотъ. Взрослыхъ женщинъ только 30, по одной на 10 человекъ, и точно въ насмѣшку, чтобы дать сильнѣе почувствовать печальный смыслъ этой пропорціи, не такъ давно смерть заглянула въ Палево и похитила въ короткое время трехъ сожителейницъ. Почти третья часть хозяевъ до ссылки не занималась хлѣбопашествомъ, такъ какъ принадлежала къ городскимъ сословіямъ. Къ сожалѣнію, перечень неблагоприятныхъ обстоятельствъ не кончается на этомъ. Почему-то еще, вѣроятно, по пословицѣ—на бѣднаго Макара всѣ шишки валяются, ни въ одномъ селеніи на Сахалинѣ нѣтъ такого множества воровъ, какъ именно здѣсь, въ многострадальномъ, судьбою обиженномъ Палевѣ. Тутъ каждую ночь воруютъ; наканунѣ моего прѣзда троихъ отравили въ кандалную за кражу ржи. Кромѣ такихъ, которые воруютъ изъ нужды, въ Палевѣ не мало еще такъ-называемыхъ «пакостниковъ», которые вредятъ своимъ односельчанамъ только изъ любви къ искусству. Безъ всякой надобности убиваютъ ночью скотину, выдергиваютъ изъ земли еще не созрѣвшій картофель, выставляютъ изъ оконъ рамы и т. п. Все это влечетъ за собой потери и истощаетъ въ конецъ жалкія нищенскія хозяйства и, что едва ли не менѣе важно, держитъ населеніе въ постоянномъ страхѣ.

Обстановка жизни говоритъ только о бѣдности и ни о чемъ другомъ. Крыши на избахъ покрыты корьемъ и соломой, дворовъ и надворныхъ построекъ нѣтъ вовсе; 49 домовъ еще не окончены и, повидимому, брошены своими хозяевами. 17 владѣльцевъ ушли на заработки.

Когда я въ Палевѣ ходилъ по избамъ, за мной неотступно слѣдовалъ надзиратель изъ поселенцевъ, родомъ псковичъ. Помнится, я спросилъ у него: среда сегодня или четвергъ? Онъ отвѣтилъ:

— Не могу упомянуть, ваше высокоблагородіе.

Въ казенномъ домѣ живетъ отставной квартирмейстеръ Карлъ Ероѳеичъ Микрюковъ, старѣйшій изъ сахалинскихъ надзирателей. Прибыль онъ на Сахалинъ въ 1860 году, въ ту пору, когда еще только начиналась сахалинская каторга, и изъ всѣхъ нынѣ здравствующихъ сахалинцевъ только онъ одинъ могъ бы написать всю ея исторію. Онъ словоохотливъ, на вопросы отвѣчаетъ съ видимымъ удовольствіемъ и старчески длинно; память уже стала измѣнять ему, такъ что отчетливо помнить онъ только давно прошедшее. Обстановка у него приличная, вполне хозяйственная, даже есть два портрета, написанныхъ масляными красками: на одномъ онъ самъ, на другомъ его покойница-жена съ цвѣткомъ на груди. Родомъ онъ изъ Вятской губ., лицомъ живо напоминаетъ покойнаго писателя Фета. Свои настоящіе годы онъ скрываетъ, говоритъ, что ему только 61, на самомъ же дѣлѣ ему больше 70. Женатъ онъ вторымъ бракомъ на дочери поселенца, молодой женщинѣ, отъ которой имѣетъ шестерыхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 1 до 9 лѣтъ. Младшій еще грудной.

Моя бесѣда съ Карломъ Ероѳеичемъ затянулась далеко за полночь, и всѣ исторіи, которыя онъ мнѣ рассказывалъ, касались только каторги и ея героевъ, какъ, на примѣръ, смотритель тюрьмы Селивановъ, который подъ горячую руку отбивалъ кулакомъ замки у дверей и, въ концѣ-концовъ, былъ убитъ арестантами за жестокое съ ними обращеніе.

Когда Микрюковъ отправился въ свою половину, гдѣ спали его жена и дѣти, я вышелъ на улицу. Была очень тихая, звѣздная ночь. Стучалъ сторожъ, гдѣ-то вблизи журчалъ ручей. Я долго стоялъ и смотрѣлъ то на небо, то на избы, и мнѣ казалось какимъ-то чудомъ, что я захожусь за десять тысячъ верстъ отъ дому, гдѣ-то въ Палевѣ, въ этомъ концѣ свѣта, гдѣ не помнить дней недѣли, да и едва ли нужно помнить, такъ какъ здѣсь рѣшительно все равно—среда сегодня или четвергъ...

Еще южнѣе, по линіи проектированнаго почтоваго тракта, есть селеніе *Вальзы*, основанное въ 1889 г. Тутъ 40 мужчинъ и ни одной женщины. За недѣлю до моего пріѣзда, изъ Рыковского были посланы три семьи еще южнѣе, для основанія селенія *Ломари*, на одномъ изъ притоковъ рѣки

Пороная. Эти два селенія, въ которыхъ жизнь едва только начинается, я оставлю на долю того автора, который будетъ имѣть возможность проѣхать къ нимъ по хорошей дорогѣ и видѣть ихъ близко.

Чтобы кончить съ обзоромъ селеній Тымовскаго округа, мнѣ остается упомянуть еще только о двухъ селеніяхъ: *Мало-Тымовъ* и *Андрее - Ивановскомъ*. Оба они расположены на рѣкѣ Малой Тымы, берущей начало около Пиллинги и впадающей въ Тымъ около Дербиинскаго. Первое, самое старое селеніе Тымовскаго округа, основано въ 1877 г. Въ былое время, когда переваливали черезъ Пиллигу путь къ Тымы шель черезъ это селеніе. Въ немъ теперь 190 жителей: 111 м. и 79 ж. Хозяевъ съ совладѣльцами 67. Когда-то Мало-Тымово было главнымъ селеніемъ и центромъ мѣстности, составляющей нынѣшній Тымовскій округъ, теперь же оно стоитъ въ сторонѣ и похоже на заштатный городокъ, въ которомъ замерло все живое; о прежнемъ величій говорятъ здѣсь только небольшая тюрьма да домъ, гдѣ живетъ тюремный смотритель. Въ настоящее время въ должности мало-тымовскаго смотрителя состоитъ г. К., интеллигентный и добрый молодой человекъ, петербуржецъ, повидимому, сильно тоскующій по Россіи. Громадная казенная квартира съ высокими и широкими комнатами, въ которыхъ гулко и одиноко раздаются шаги, и длинное, тягучее время, которое некуда дѣвать, угнетаютъ его до такой степени, что онъ чувствуетъ себя какъ въ плѣну. Какъ нарочно, молодой человекъ просыпается рано, въ четвертомъ или пятомъ часу. Всталъ, напился чаю, сходилъ въ тюрьму... а потомъ что дѣлать? Потомъ ходитъ по своему лабиринту, поглядывая на деревянныя съ паклею стѣны, ходитъ, ходитъ, потомъ опять чаю напьется и займется ботаникой, а потомъ ходитъ опять, и ничего ему не слышно, кромѣ собственныхъ шаговъ и завыванія вѣтра. Въ Мало-Тымовѣ много старожиловъ. Между ними я встрѣтилъ татарина Фуражіева, который вмѣстѣ съ Поляковымъ ѣздилъ когда-то къ Ныйскому заливу; онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ теперь и объ экспедиціи, и о Поляковѣ. Изъ стариковъ, пожалуй, въ бытовомъ отношеніи можетъ показаться интереснымъ еще поселенецъ Богдановъ, раскольникъ, занимающійся ростовщицествомъ. Онъ долго не впускалъ меня къ себѣ, а впустивши, распространился на

тому о томъ, что теперь много всякаго народу ходить,— впусти, такъ чего добраго ограбятъ и т. д.

Селеніе Андрее - Ивановское названо такъ потому, что кого-то звали Андреемъ Ивановичемъ. Основано оно въ 1885 г., на болотѣ. Жителей 382: 277 мужч. и 105 женщ. Хозяевъ вмѣстѣ съ совладѣльцами 231, хотя и здѣсь, какъ въ Палевѣ, было бы совершенно достаточно 50. Составъ здѣшняго населенія тоже нельзя назвать удачнымъ. Какъ въ населеніи Палева наблюдается избытокъ мѣщанъ и разночинцевъ, никогда не бывшихъ хлѣбопашцами, такъ здѣсь, въ Андрее-Ивановскомъ, много неправославныхъ; они составляютъ четверть всего населенія: 47 католиковъ, столько же магометанъ и 12 лютеранъ. А среди православныхъ не мало инородцевъ, наиримѣръ, грузинъ *). Такая пестрота придаетъ населенію характеръ случайнаго сброда и мѣшаетъ ему слиться въ сельское общество.

XI.

Проектированный округъ.—Каменный вѣкъ.—Была ли вольная колонизація? — Гиляки. — Ихъ численный составъ, наружность, сложеніе, пища, одежда, жилища, гигиеническая обстановка. — Ихъ характеръ. — Попытки къ ихъ обрусенію. — Орочи.

Оба сѣверные округа, какъ можетъ видѣть читатель изъ только-что конченнаго обзора селеній, занимаютъ площадь, равную небольшому русскому уѣзду. Вычислить пространство, занимаемое ими, въ квадратныхъ верстахъ въ настоящее время едва ли возможно, такъ какъ протяженіе обоихъ округовъ къ югу и сѣверу не обусловлено никакими границами. Между административными центрами обоихъ округовъ, Александровскимъ постомъ и Рыковскимъ, по кратчайшей дорогѣ съ переваломъ черезъ Пилингу считается 60, а черезъ Арковскую долину 74 версты. Поздѣшнему это не близко. Не говоря уже про Танги и Ванги, даже Палево считается далекимъ селеніемъ, а основаніе новыхъ селеній немного южнѣ Палева по притокамъ Пороная, поставило даже на очередь вопросъ объ учрежденіи новаго округа. Какъ административная единица,

*) Между прочимъ, живутъ здѣсь бывшіе кутапскіе дворяне, братья Чиковани, Алексѣй и Теймурасъ. Былъ еще третій братъ, но тотъ умеръ отъ чахотки. Въ ихъ избѣ нѣтъ никакой мебели, и только на полу лежатъ перина. Одинъ изъ нихъ боленъ.

округъ соотвѣтствуетъ уѣзду; по сибирскимъ понятіямъ, такъ можетъ называться только почтенная дистанція. которую въ цѣлый мѣсяць не объѣдешь, напримѣръ, Анадырскій округъ, и чиновнику-сибиряку, работающему въ одиночку на пространствѣ двухъ-трехъ сотъ верстъ, дробленію Сахалина на мелкіе округа можетъ показаться роскошью. Но сахалинское населеніе живетъ при исключительныхъ условіяхъ и механизмъ управленія здѣсь гораздо сложнѣе, чѣмъ въ Анадырскомъ округѣ. Дробленіе ссыльной колоніи на мелкіе административные участки вызывается самою практикой, которая, кромѣ многого другого, о чемъ еще придется говорить, указала, во-первыхъ, что чѣмъ короче разстоянія въ ссыльной колоніи, тѣмъ легче и удобнѣе управлять ею, и, во-вторыхъ, дробленіе на округа вызвало усиленіе штатовъ и приливъ новыхъ людей, а это, несомнѣнно, имѣло на колонію благотворное вліяніе. Съ усиленіемъ состава интеллигентныхъ людей въ количественномъ отношеніи, получилась значительная прибавка и въ качественномъ.

На Сахалинѣ я засталъ разговоръ о новомъ проектированномъ округѣ; говорили о немъ, какъ о землѣ Ханаанской, потому что на планѣ черезъ весь этотъ округъ вдоль рѣки Пороная лежала дорога на югъ; и предполагалось, что въ новый округъ будутъ переведены каторжники, живущіе теперь въ Дуэ и въ Воеводской тюрьмѣ, что послѣ переселенія останется одно только воспоминаніе объ этихъ ужасныхъ мѣстахъ, что угольные копи отойдутъ отъ общества «Сахалинъ», которое давно уже нарушило контрактъ, и добыча угля будетъ производиться уже не каторжными, а поселенцами на артельныхъ началахъ *).

*) Между приказами ген. Кононовича есть одинъ, касающійся давно желаннаго упраздненія Дуэ и Воеводской тюрьмы: «Осмотрѣвъ Воеводскую тюрьму, я лично убѣдился въ томъ, что изъ условія мѣстности, въ которой она находится, ни значеніе содержащихся въ ней преступниковъ, болышею частью долгосрочныхъ или заключенныхъ за новыя преступления, не могутъ оправдать того порядка надзора или, лучше сказать, отсутствія всякаго фактическаго наблюденія, въ которомъ эта тюрьма находится съ самаго ея основанія. Положеніе дѣлъ въ настоящее время таково: тюрьма выстроена въ узкой долинѣ; съверху поста Дуэ версты на полторы, сообщеніе съ постомъ существуетъ только по берегу моря и прерывается два раза въ сутки приливами, сообщеніе горами лѣтомъ затруднительно, зимою невозможно; смотритель тюрьмы имѣетъ пребываніе въ Дуэ, помощ-

Прежде чѣмъ покончить съ Сѣвернымъ Сахалиномъ считаю не лишнимъ сказать немного о тѣхъ людяхъ, которые жили здѣсь въ разное время и теперь живутъ независимо отъ ссыльной колоніи. Въ долину Дуйки, Поляковъ нашелъ ножеобразный осколокъ обсидіана, наконецъ и стрѣлы изъ камня, точильные камни, каменные топоры и проч.; эти находки дали ему право заключить, что въ долину Дуйки, въ отдаленныя времена, жили люди, которые не знали металловъ; это были жители каменнаго вѣка. Черепки, медвѣжья и собачьи кости и грузила отъ неводовъ, находимые на мѣстѣ ихъ бывшаго жилища, указываютъ на то, что они знакомы были съ гончарнымъ дѣломъ, охотились на медвѣдей и ловили неводомъ рыбу и что на охотѣ имъ помогала собака. Подѣлки изъ кремня, котораго нѣтъ на Сахалинѣ, они получали, очевидно, отъ сосѣдей, съ материка и ближайшихъ острововъ; очень можетъ быть, что во время ихъ передвиженій собака играла ту же роль, что и теперь, т. е. была вѣжалой. И въ долину Тыми Поляковъ находилъ также остатки первобытныхъ сооружений и грубыхъ орудій. Выводъ его таковъ, что въ Сѣверномъ Сахалинѣ «возможно существованіе для племенъ, стоящихъ даже на относительно низкой степени умственнаго развитія; очевидно, здѣсь жили люди и вѣками выработали способы защищаться отъ холода, жажды и голода; весьма вѣроятно при этомъ, что древніе обитатели жили здѣсь сравнительно небольшими общинами и не были народомъ вполнѣ осѣдымъ».

Посылая Бошняка на Сахалинъ, Певельской, между прочимъ, поручилъ ему также провѣрить слухъ относительно людей, оставленныхъ на Сахалинѣ лейт. Хвостовымъ и никъ его тоже; мѣстная команда, отъ которой содержится караулъ и высылается потребное число конвой для различныхъ работъ по условію съ обществомъ «Сахалинъ», расположена также въ упомянутомъ посту, а при тюрьмѣ—никого, кромѣ нѣсколькихъ надзирателей и ежедневно приходящаго на смѣну караула, который остается въ постояннаго ближайшаго наблюденія военнаго начальства. Не входя въ разборъ обстоятельствъ, причиною которыхъ было устройство тюрьмы въ столь несоответствующемъ мѣстѣ и оставленіе ея въ всякой возможности непосредственнаго надзора, я, впродъ до испрошенія разрѣшенія вовсе упразднить какъ Дуйскую, такъ равно и Воеводскую тюрьмы и перевести ихъ въ другія мѣстности, долженъ хотя отчасти исправить существующіе недостатки и т. д. (Приказъ № 348, 1888 г.).

жившихъ, какъ передавали гиляки, на р. Тыми *). Бошняку удалось напасть на слѣдъ этихъ людей. Въ одномъ изъ селеній по Тыми гиляки вымѣняли ему за 3 арш. китайки 4 листа, вырванныхъ изъ молитвенника, и объяснили ему при этомъ, что книга принадлежала жившимъ здѣсь русскимъ. На одномъ изъ листовъ, который былъ въ книгѣ заглавнымъ, едва разборчивымъ почеркомъ было написано: «Мы, Иванъ, Данила, Петръ, Сергѣй и Василій, высажены въ анивскомъ селеніи Томари-Анива Хвостовымъ 17-го августа 1805 года, перешли на рѣку Тыми въ 1810 году, въ то время, когда пришли въ Томари японцы». Осмотрѣвъ затѣмъ мѣсто, гдѣ жили русскіе, Бошнякъ пришелъ къ заключенію, что помѣщались они въ трехъ избахъ и имѣли огороды. Туземцы говорили ему, что послѣдній изъ русскихъ, Василій, умеръ недавно, что русскіе были хорошіе люди, вмѣстѣ съ ними ходили на рыбный и звѣриный промыслы и одѣвались такъ же, какъ и они, но волосы стригли. Въ другомъ мѣстѣ туземцы сообщили такую подробность: двое русскихъ имѣли дѣтей отъ женъ-туземецъ. Въ настоящее время русскіе, оставленные Хвостовымъ, на Сѣверномъ Сахалинѣ уже забыты и объ ихъ дѣтяхъ ничего не извѣстно.

*) См. *Давидова*: «Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давидова, писанное симъ послѣднимъ. Съ предувѣдомленіемъ Шишкова, 1810 г.» Въ своемъ предисловіи адм. Шишковъ говоритъ, что «Хвостовъ соединялъ въ душѣ своей двѣ противоположности: кротость агнца и пылкость льва», Давидовъ же, по его словамъ, «сравномъ вспылчивѣе и горячее Хвостова, но уступалъ ему въ твердости и мужествѣ». Кротость агнца, однако, не помѣшала Хвостову въ 1806 г. уничтожить японскіе магазины и взять въ плѣнъ четырехъ японцевъ въ Южномъ Сахалинѣ на берегу Анивы, а въ 1807 г. онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Давидовымъ разгромилъ японскія факторіи на Курильскихъ островахъ и еще разъ поразбойничалъ на Южномъ Сахалинѣ. Эти храбрые офицеры воевали съ Японіей безъ вѣдома правительства; въ полной надеждѣ на безнаказанность. Оба они кончили жизнь не совсемъ обыкновенно: утопили въ Невѣ, черезъ которую горопились перейти въ то самое время, когда разводили мостъ. Ихъ подвиги, надѣлавшіе въ свое время очень много шума, возбуждали въ обществѣ нѣкоторый интересъ къ Сахалину, о немъ говорили и, кто знаетъ, быть-можетъ, уже тогда была предрѣшена участь этого печальнаго, пугавшаго воображеніе, острова. Въ своемъ предувѣдомленіи Шишковъ высказываетъ мнѣніе, ни на чемъ не основанное, будто русскіе въ прошедшемъ столѣтіи хотѣли завладѣть островомъ и будто основали тамъ колонію.

Бошнякъ пишетъ, между прочимъ, въ своихъ запискахъ, что, разузнавая постоянно, нѣтъ ли гдѣ-нибудь на островѣ поселившихся русскихъ, онъ узналъ отъ туземцевъ въ селеніи Танги слѣдующее: лѣтъ 35 или 40 назадъ у восточнаго берега разбилось какое-то судно, экипажъ спасся, выстроилъ себѣ домъ, а черезъ нѣсколько времени и судно; на этомъ суднѣ неизвѣстные люди черезъ Лаперузовъ проливъ прошли въ Татарскій и здѣсь опять потерпѣли крушеніе близъ села Мгачи, и на этотъ разъ спасся только одинъ человѣкъ, который называлъ себя Кемцемъ. Въ скоромъ времени послѣ этого прибыли съ Амура двое русскихъ, Василій и Никита. Они присоединились къ Кемцу и въ Мгачахъ выстроили себѣ домъ; они занимались охотой на пушныхъ звѣрей, какъ промысломъ, и ѣздили для торговли къ манчжурамъ и японцамъ. Одинъ изъ гиляковъ показывалъ Бошняку зеркало, подаренное будто бы Кемцемъ его отцу; гилякъ не хотѣлъ продать ни за что этого зеркала, говоря, что хранить его, какъ драгоценный памятникъ друга своего отца. Василій и Никита очень боялись русскаго царя, изъ чего видно было, что они принадлежали къ числу бѣглыхъ. Всѣ трое кончили свою жизнь на Сахалинѣ.

Японецъ Маміа-Ринзо *) слышалъ въ 1808 г. на Сахалинѣ, что по западную сторону острова часто появлялись русскія суда и что русскіе, въ концѣ-концовъ, своими разбойничествами заставили туземцевъ одну ихъ часть изгнать, другую перебить. Маміа-Ринзо называетъ имена этихъ русскихъ: Камуци, Симена, Мому, Васпре. «Въ трехъ послѣднихъ,—говоритъ Шренкъ:—не трудно узнать русскія имена: Семень, Оома и Василій. А Камуци, по его мнѣнію, очень похожъ на Кемца».

Этою очень короткою исторіей восьми сахалинскихъ Робинзоновъ исчерпываются всѣ данныя, относящіяся къ вольной колонизаціи Сѣвернаго Сахалина. Если необыкновенная судьба пяти хвостовскихъ матросовъ и Кемца съ двумя бѣглыми похожа на попытку къ вольной колонизаціи, то эту попытку слѣдуетъ признать ничтожною и, во всякомъ случаѣ, неудавшеюся. Поучительна она для насъ

*) Его сочленіе называется *Tō-tats Ki Ko*. Я, конечно, его не читалъ и въ данномъ случаѣ пользуюсь цитатами Л. И. Шренка, автора книги *Объ инородцахъ Амурскаго края*.

развѣ въ томъ отношеніи, что всѣ восемь человѣкъ, жившіе на Сахалинѣ долго, до конца дней своихъ, занимались не хлѣбопашествомъ, а рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ.

Теперь для полноты остается упомянуть еще о мѣстномъ коренномъ населеніи—гилякахъ. Живутъ они въ Сѣверномъ Сахалинѣ, по западному и восточному побережью и по рѣкамъ, главнымъ образомъ, по Тыми *); селенія старія, и тѣ ихъ названія, какія упоминаются у старыхъ авторовъ, сохранились и по сіе время, но жизнь все-таки нельзя назвать вполне осѣдлой, такъ какъ гиляки не чувствуютъ привязанности къ мѣсту своего рожденія и вообще къ опредѣленному мѣсту, часто оставляютъ свои юрты и уходятъ на промыслы, кочуя вмѣстѣ съ семьями и собаками по Сѣверному Сахалину. Но въ своихъ кочевьяхъ, даже когда приходится предпринимать далекія путешествія на материкъ, они остаются вѣрными острову, и гилякъ-сахалинецъ по языку и обычаямъ отличается отъ гиляка, живущаго на материкѣ, быть-можетъ, не меньше, чѣмъ малороссъ отъ москвича. Въ виду этого, мнѣ кажется, было бы не очень трудно сосчитать гиляковъ-сахалинцевъ и не смѣшать ихъ съ тѣми, которые прїѣзжаютъ сюда для промысла съ Татарскаго берега. А ихъ не мѣшало бы считать хотя бы разъ въ 5 — 10 лѣтъ, иначе важный вопросъ о вліяніи ссыльной колоніи на ихъ численный составъ долго еще будетъ открытымъ и рѣшаться произвольно. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Бошнякомъ, всѣхъ гиляковъ на Сахалинѣ въ 1856 г. было 3.270. Приблизительно этакъ лѣтъ черезъ 15 Мицуль уже писалъ, что число всѣхъ гиляковъ на Сахалинѣ можно принять до 1.500, а по новѣйшимъ даннымъ, относящимся къ 1889 г. и взятымъ мною изъ казенной *Вѣдомости о числѣ инородцевъ*,

*) Гиляки въ видѣ немногочисленнаго племени живутъ по обѣимъ берегамъ Амура, въ нижнемъ его теченіи, начиная, приблизительно, съ Софійска, затѣмъ по Лиману, по смежному съ нимъ побережью Охотскаго моря и въ сѣверной части Сахалина; въ продолженіе всего того времени, за которое имѣются историческія свѣдѣнія объ этомъ народѣ, т. е. за 200 лѣтъ, никакихъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ положеніи ихъ границъ не произошло. Предполагаютъ, что когда-то родиной гиляковъ были одни только Сахалинъ и что только впоследствии они перешли оттуда на близлежащую часть материка, тѣсною съ юга айнами, которые двинулись пѣтъ Японіи, въ свою очередь тѣснимые японцами.

въ обоихъ округахъ гиляковъ всего только 320. Значить, если вѣрять цифрамъ, черезъ 5—10 лѣтъ на Сахалинѣ не останется ни одного гиляка. Не могу судить, насколько вѣрны цифры Бошняка и Мицуля, но официальная—320. къ счастью, по нѣкоторымъ причинамъ, не можетъ имѣть никакого значенія. Вѣдомости объ инородцахъ составляются канцелиристами, не имѣющими ни научной, ни практической подготовки и даже не вооруженными никакими инструкціями; если свѣдѣнія собираются ими на мѣстѣ, въ гиляцкихъ селеніяхъ, то дѣлается это, конечно, начальническимъ тономъ, грубо, съ досадою, между тѣмъ, какъ деликатность гиляковъ, ихъ этикетъ, не допускающій высокомернаго и властнаго отношенія къ людямъ, и ихъ отвращеніе ко всякаго рода переписямъ и регистраціямъ требуютъ особеннаго искусства въ обращеніи съ ними. Помимо того, свѣдѣнія собираются администраціей безъ всякой опредѣленной цѣли, лишь мимоходомъ, причемъ изслѣдователь вовсе не соображается съ этнографическою картою, а дѣйствуетъ произвольно. Въ вѣдомость Александровскаго округа вошли лишь тѣ гиляки, которые живутъ южнѣе селенія Ванги, а въ Тымовскомъ округѣ ихъ считали только въблизи селенія Рыковского, гдѣ они не живутъ, а бывають мимоходомъ.

Несомнѣнно, что численность сахалинскихъ гиляковъ постоянно уменьшается, но судить объ этомъ приходится только на-глазъ. И какъ велико это уменьшеніе? Отчего оно происходитъ? Оттого ли, что гиляки вымирають, или оттого, что они переселяются на материкъ или сѣверные острова? За неизмѣнимъ надежныхъ цифровыхъ данныхъ и наши толки о губительномъ вліяніи русскаго нашествія основаны на однѣхъ лишь аналогіяхъ и очень возможно, что вліяніе это до сихъ поръ было ничтожно, равно почти нулю, такъ какъ сахалинскіе гиляки живутъ преимущественно по Тымѣ и восточному побережью, гдѣ русскихъ еще нѣтъ *).

*) На Сахалинѣ есть должность: переводчикъ гиляцкаго и айнскаго языковъ. Такъ какъ этотъ переводчикъ ни одного слова не знаетъ по-гиляцки и айнеки, а гиляки и айны въ большинствѣ понимаютъ по-русски, то эта ненужная должность можетъ служить хорошиимъ pendant'омъ къ вышеупомянутому смотрителю не существующаго Ведерниковскаго Станка. Если бы, вмѣсто переводчика, значился по штату чиновникъ, научнымъ образомъ знакомый съ этнографіей и статистикой, то это было бы куда лучше.

Гиляки принадлежат не къ монгольскому и не къ тунгусскому, а къ какому-то неизвѣстному племени, которое, быть-можетъ, когда-то было могущественно и владѣло всей Азією, теперь же доживаетъ свои послѣдніе вѣка на небольшомъ клочкѣ земли въ видѣ немногочисленнаго, но все еще прекраснаго и бодратаго народа. Благодаря своей необыкновенной общительности и подвижности, гиляки издавна успѣли породниться со всѣми сосѣдними народами, и потому встрѣтить теперь гиляка *pur sang*, безъ примѣси монгольскихъ, тунгусскихъ или айнскихъ элементовъ, почти невозможно. Лицо у гиляка круглое, плоское, лунообразное, желтоватаго цвѣта, скуластое, немытое, съ косымъ разрѣзомъ глазъ и съ жидкою, иногда едва замѣтною бородкой; волосы гладкіе, черные, жесткіе, собранные на затылкѣ въ косичку. Выраженіе лица не выдаетъ въ немъ дикаря; оно у него всегда осмысленное, кроткое, наивно-внимательное; оно или широко, блаженно улыбается, или же задумчиво скорбно, какъ у вдовы. Когда онъ со своею жидкою бородкой и съ косичкой, съ мягкимъ, бабьимъ выраженіемъ стоитъ въ профиль, то съ него можно писать Кутейкина, и отчасти становится понятнымъ, почему некоторые путешественники относили гиляковъ къ кавказскому племени.

Желающихъ обстоятельно познакомиться съ гиляками я отсылаю къ специалистамъ этнографамъ, напримѣръ, къ Л. И. Шренку *). Я же ограничусь лишь тѣми частностями, которыя характерны для мѣстныхъ естественныхъ условий и которыя могутъ дать прямо или косвенно указанія, практически полезныя для новичковъ-колонистовъ.

У гиляка крѣпкое, коренастое сложеніе; онъ средняго, даже малаго роста. Высокій ростъ стѣснялъ бы его въ тайгѣ. Кости у него толсты и отличаются сильнымъ развитіемъ всехъ отростковъ, гребней и бугорковъ, къ которымъ прикрѣпляются мышцы, а это заставляетъ предполагать крѣпкія, сильныя мышцы и постоянную, напряженную борьбу съ природой. Тѣло у него худощаво, жилисто, безъ жировой подкладки; полные и тучные гиляки не встрѣ-

*) Въ его превосходному сочиненію: *Изюроды Амурскаго края* приложены: этнографическая карта и двѣ таблицы съ рисунками г. Дюпріева - Оленурскаго; на одной изъ таблицъ изображены гиляки.

чаются. Очевидно, весь жиръ расходуется на тепло, котораго такъ много должно вырабатывать въ себѣ тѣло сахалинца, чтобы возмѣщать потери, вызываемыя низкою температурой и чрезмѣрною влажностью воздуха. Понятно, почему гилякъ потребляетъ въ пищу такъ много жировъ. Онъ ѣстъ жирную тюленину, лососей, осетровый и китовый жиръ, мясо съ кровью, все это въ большомъ количествѣ, въ сыромъ, сухомъ и часто мерзломъ видѣ, и оттого, что онъ ѣстъ грубую пищу, мѣста прикрѣпленія жевательныхъ мышцъ у него необыкновенно развиты и всѣ зубы сильно пообтерлись. Пища исключительно животная и рѣдко, лишь когда случается обѣдать дома или на пирушкѣ, къ мясу и рыбѣ прибавляются манчжурскій чеснокъ или ягоды. По свидѣтельству Невельскаго, гиляки считаютъ большимъ грѣхомъ земледѣліе: кто начнетъ рыть землю или посадить что-нибудь, тотъ непременно умретъ. Но хлѣбъ, съ которымъ ихъ познакомили русскіе, ѣдятъ они съ удовольствіемъ, какъ лакомство, и теперь не рѣдкость встрѣтить въ Александровскѣ или въ Рыковскомъ гиляка, несущаго подъ мышкой ковригу хлѣба.

Одежда гиляка приспособлена къ холодному, сырому и рѣзко переменчивому климату. Въ лѣтнее время онъ бываетъ одѣтъ въ рубаху изъ синей китайки или дабы и въ такіе же штаны, а на плечи про занасъ, на всякій случай, накинуть полушубокъ, или куртку изъ тюленьяго или собачьяго мѣха; ноги обуты въ мѣховые сапоги. Зимомъ же онъ носитъ мѣховые штаны. Даже самая теплая одежда скроена и сшита такъ, чтобы не стѣснять его ловкихъ и быстрыхъ движеній на охотѣ и во время ѣзды на собакахъ. Иногда изъ франтовства онъ носитъ арестантскій халатъ. Крузенштернъ 85 лѣтъ назадъ видѣлъ гиляка въ пышномъ, шелковомъ платьѣ, «со многими истканными на немъ цвѣтами»; теперь же на Сахалинѣ такого щеголя и съ огнемъ не сыщешь.

Что касается гиляцкихъ юртъ, то и тутъ на первомъ планѣ требованія сырого и холоднаго климата. Существуютъ лѣтнія и зимнія юрты. Первыя построены на столбахъ, вторыя представляютъ изъ себя землянки, со стѣнами изъ накатника, имѣющія форму четырехугольныхъ усѣченныхъ пирамидъ; снаружи накатникъ посыпанъ землей. Бошнякъ ночевалъ въ юртѣ, которая состояла изъ

ямы въ $\frac{1}{2}$ арш. глубиной, вырытой въ землѣ и покрытой тонкими бревнами наподобіе кровли, и все это было обвалено землей. Эти юрты сдѣланы изъ дешаваго матеріала, который всегда подъ руками, при нуждѣ ихъ не жалко бросить; въ нихъ тепло и сухо, и, во всякомъ случаѣ, онѣ оставляютъ далеко за собой тѣ сырые и холодные шалаши изъ коры, въ которыхъ живутъ наши каторжники, когда работаютъ на дорогахъ или въ полѣ. Лѣтнія юрты положительно слѣдовало бы рекомендовать огородникамъ, угольщикамъ, рыбакамъ и вообще всѣмъ тѣмъ каторжнымъ и поселенцамъ, которые работаютъ внѣ тюрьмы и не дома.

Гиляки никогда не умываются, такъ что даже этнографы затрудняются назвать настоящей цвѣтъ ихъ лица; бѣлья не моютъ, а мѣховая одежда ихъ и обувь имѣютъ такой видъ, точно онѣ содраны только-что съдохлой собаки. Сами гиляки издають тяжелый, терикій запахъ, а близость ихъ жилищъ узнается по противному, иногда едва выносимому запаху вяленой рыбы и гнѣюшихъ рыбныхъ отбросовъ. Около каждой юрты обыкновенно стоитъ сушильня, наполненная доверху распластанною рыбой, которая издали, особенно когда она освѣщена солнцемъ, бываетъ похожа на коралловыя нити. Около этихъ сушиленъ Крузенштернъ видѣлъ множество мелкихъ червей, которые на днѣ покрывали землю. Зимой юрта бываетъ полна ѣдлагаго дыма, идущаго изъ очага, и къ тому же еще гиляки, ихъ жены и даже дѣти курятъ табакъ. О болѣзненности и смертности гиляковъ ничего не извѣстно, но надо думать, что эта нездоровая гигиеническая обстановка не остается безъ дурнаго вліянія на ихъ здоровье. Быть-можетъ, ей они обязаны своимъ малымъ ростомъ, одутловатостью лица, нѣкоторою вялостью и лѣнью своихъ движеній; быть-можетъ, ей отчасти слѣдуетъ приписать и то обстоятельство, что гиляки всегда проявляли слабую стойкость передъ эпидеміями. Извѣстно, на примѣръ, какія опустошенія производила на Сахалинѣ оспа. На сѣверной оконечности Сахалина, между мысами Елизаветы и Маріи, Крузенштернъ встрѣтилъ селеніе, состоящее изъ 27 домовъ; П. П. Гленъ, участникъ знаменитой сибирской экспедиціи, бывшій здѣсь въ 1860 г., уже засталъ одни только слѣды селенія, да и въ другихъ мѣстахъ острова, по его словамъ, ему встрѣчались лишь слѣды прежняго болѣе густаго народонаселе-

нїя. Гиляки говорили ему, что въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, т. е. послѣ 1850 г., народонаселеніе Сахалина значительно уменьшилось, благодаря оспѣ. И едва ли тѣ страшныя оспенныя эпидеміи, которыя въ былые годы опустошали Камчатку и Курильскіе острова, мпновали Сахалинѣ. Понятно, что страшна не сама оспа, а слабая способность сопротивленія, и если въ колонію будетъ завезенъ сыпной тифъ или дифтеритъ и проникнетъ въ гиляцкія юрты, то получится тотъ же эффектъ, что и отъ оспы. Мнѣ не приходилось слышать на Сахалинѣ ни про какія эпидеміи; можно сказать, что за послѣднія 20 лѣтъ ихъ не было тутъ вовсе, кромѣ, впрочемъ, эпидемического конъюнктивита, который наблюдается и въ настоящее время.

Генераль Кононовичъ разрѣшилъ принимать больныхъ инородцевъ въ окружной лазаретъ и содержать ихъ тутъ на счетъ казны (приказъ № 335-й 1890 г.). Прямыхъ наблюденій надъ болѣзненностью гиляковъ у насъ нѣтъ, но о ней можно составить себѣ пѣкоторое понятіе по наличности болѣзнетворныхъ причинъ, какъ неопрятность, неумѣренное употребленіе алкоголя, давнее общеніе съ китайцами и японцами *), постоянная близость собакъ, травмы, и проч. и проч. Цѣтъ сомнѣнія, что они часто болѣютъ и нуждаются въ медицинской помощи, и если обстоятельства позволяютъ имъ воспользоваться разрѣшеніемъ лѣчиться, то мѣстные врачи получаютъ возможность наблюдать ихъ поближе. Медциана не въ силахъ задержать рокового вымиранія, но, быть-можетъ, врачамъ удастся изучить условія, при которыхъ наше вмѣнательство въ жизнь этого народа могло бы принести ему наименѣе вреда.

О характерѣ гиляковъ авторы толкуютъ различно, но все сходится въ одномъ, что это народъ не воинственный, не любящій ссоръ и дракъ и мирно уживающійся со своими сосѣдями. Къ прїѣзду новыхъ людей они относились всегда подозрительно, съ опасеніемъ за свое будущее, но встрѣчали ихъ всякій разъ любезно, безъ малѣйшаго протеста, и

*) Наши прїамурскіе инородцы и камчадалы получили сифилисъ отъ китайцевъ и японцевъ, русскіе же тутъ ни при чемъ. Одинъ китаецъ, купецъ, большой любитель опія, говорилъ мнѣ, что одна бабушка, т. е. жена, живетъ у него въ Чифу, а другая бабушка, родомъ гиличка, — около Николаевска. При такихъ порядкахъ не трудно перезаразить весь Амуръ и Сахалинъ.

самое большое, если они при этомъ лгали, описывая Сахалинъ въ мрачныхъ краскахъ и думая этимъ отвадить иностранцевъ отъ острова. Со спутниками Крузенштерна они обнимались, а когда заболѣлъ Л. И. Шренкъ, то вѣсть объ этомъ быстро разнеслась среди гиляковъ и вызвала искреннюю печаль. Они лгутъ, только когда торгуютъ или бесѣдуютъ съ подозрительнымъ и, по ихъ мнѣнью, опаснымъ человѣкомъ, но, прежде чѣмъ сказать ложь, переглядываются другъ съ другомъ—чисто-дѣтская манера. Всякая ложь и хвастовство въ обычной, не дѣловой сферѣ имъ противны. Помнится, какъ то въ Рыковскомъ два гиляка, которымъ показалось, что я солгалъ имъ, убѣдили меня въ этомъ. Дѣло было подѣ вечеръ. Два гиляка—одинъ съ бородкой, другой съ пухлымъ бабимъ лицомъ—лежали на травѣ передъ избой поселенца. Я проходилъ мимо. Они подзвали меня къ себѣ и стали просить, чтобы я пошелъ въ избу и вынесъ оттуда ихъ верхнее платье, которое они оставили у поселенца утромъ; сами они не смѣли сдѣлать этого. Я сказалъ, что я тоже не имѣю права входить въ чужую избу, когда нѣтъ хозяина. Помолчали.

— Ты политичка (т. е. политическій)?—спросилъ меня гилякъ съ бабимъ лицомъ.

— Нѣтъ.

— Значить, ты пиши-пиши (т. е. писарь)? — спросилъ онъ, увидѣвъ въ моихъ рукахъ бумагу.

— Да, я пишу.

— А сколько ты получаешь жалованья?

Я зарабатывалъ около трехсотъ рублей въ мѣсяцъ. Эту цифру я и назвалъ. Надо было видѣть, какое неприятное, даже болѣзненное впечатлѣнiе произвелъ мой отвѣтъ. Оба гиляка вдругъ схватились за животы и, пригнувшись къ землѣ, стали покачиваться, точно отъ сильной боли въ желудкѣ. Лица ихъ выражали отчаянiе.

— Ахъ, зачѣмъ ты можешь такъ говорить?—услышалъ я.—Зачѣмъ ты такъ нехорошо говорилъ? Ахъ, нехорошо такъ! Не надо такъ!

— Что же дурного я сказалъ?—спросилъ я.

— Бутаковъ окружной начальникъ, большой человѣкъ, получаетъ двѣсти, а ты никакой начальникъ, мало-мало пиши—тебѣ триста! Нехорошо говорилъ! Не надо такъ!

Я сталъ объяснять имъ, что окружной начальникъ хотя

и большой человекъ, но сидитъ на одномъ мѣстѣ и потому получаетъ только двѣсти, а я хотя только пиши-пиши, но за то прѣхалъ издалека, сдѣлалъ больше десяти тысячъ верстъ, расходоу у меня больше, чѣмъ у Бутакова, потому и денегъ мнѣ нужно больше. Это успокоило гиляковъ. Они переглянулись, поговорили между собой по-гиляцки и перестали мучиться. По ихъ лицамъ видно было, что они уже вѣрили мнѣ.

— Правда, правда...—живо сказалъ гилякъ съ бородкой.—Хорошо. Ступай.

— Правда,—кивнулъ мнѣ другой.—Иди.

Принятые на себя порученія гиляки исполняютъ аккуратно, и не было еще случая, чтобы гилякъ бросилъ на полдорогѣ почту или растратилъ чужую вещь. Поляковъ, которому приходилось имѣть дѣло съ гиляками-лодочниками, писалъ, что они оказываются точными исполнителями принятаго обязательства, чѣмъ отличаются при доставкѣ казенныхъ грузовъ. Они бойки, смыслены, веселы, развязны и не чувствуютъ никакого стѣсненія въ обществѣ сильныхъ и богатыхъ. Ничьей власти надъ собой не признаютъ, и кажется, у нихъ нѣтъ даже понятій «старшій» и «младшій». Въ *Исторіи Сибири* І. Фишера говорится, что известный Поярковъ приходилъ къ гилякамъ, которые тогда «ни подъ какую чужую власть не состояли». У нихъ есть слово «джанчинъ», означающее превосходство, но такъ они называютъ одинаково и генераловъ, и богатыхъ купцовъ, у которыхъ много китайки и табаку. Глядя у Невельского на портретъ Государя, они говорили, что это долженъ быть физически-сильный человекъ, который даетъ много табаку и китайки. Начальникъ острова пользуется на Сахалинѣ огромною и даже страшною властью, но однажды, когда я ѣхалъ съ нимъ изъ Верхняго Армудана въ Арково, встрѣтившійся гилякъ не постѣснился крикнуть намъ повелительно: «стой!»—и потомъ спрашивать, не встрѣчалась ли намъ по дорогѣ его бѣлая собака. У гиляковъ, какъ говорятъ и пишутъ, не уважается также и семейное старшинство. Отецъ не думаетъ, что онъ старше своего сына, а сынъ не почитаетъ отца и живетъ, какъ хочетъ; старуха-мать въ юртѣ имѣетъ не больше власти, чѣмъ дѣвочка-подростокъ. Бошнякъ пишетъ, что ему не разъ случалось видѣть, какъ сынъ колотитъ и выгоняетъ изъ дому родную

мать, и никто не смѣлъ сказать ему слова. Члены семьи мужского пола равны между собой; если вы угощаете гиляковъ водкой, то должны поднести также и самымъ маленькимъ. Члены же женскаго пола одинаково безправны, будь то бабка, мать или грудная дѣвочка; онѣ третируются, какъ домашнія животныя, какъ вещь, которую можно выбросить вонъ, продать, толкнуть ногой, какъ собаку. Собакъ гиляки все-таки ласкають, но женщинъ никогда. Бракъ считается пустымъ дѣломъ, менѣе важнымъ, чѣмъ, напри- мѣръ, попойка, его не обставляютъ никакими религиозными или суевѣрными обрядами. Конье, лодку или собаку гилякъ промѣниваетъ на дѣвушку, везетъ ее къ себѣ въ юрту и ложится съ ней на медвѣжью шкуру—вотъ и все. Многоженство допускается, но широкаго развитія оно не получило, хотя женщинъ, повидимому, больше, чѣмъ мужчинъ. Презрѣніе къ женщинѣ, какъ къ низкому существу или венци, доходитъ у гиляка до такой степени, что въ сферѣ женскаго вопроса онъ не считаетъ предосудительнымъ даже рабство въ прямомъ и грубомъ смыслѣ этого слова. По свидѣтельству Шренка, гиляки часто привозятъ съ собой айскихъ женщинъ въ качествѣ рабынь; очевидно, женщина составляетъ у нихъ такой же предметъ торговли, какъ табакъ или дѣба. Шведскій писатель Стриндбергъ, извѣстный женоненавистникъ, желающій, чтобы женщина была только рабыней и служила прихотямъ мужчинъ, въ сущности, единомышленникъ гиляковъ; если бъ ему случилось пріѣхать на Сѣв. Сахалинъ, то они долго бы его обнимали.

Ген. Кононовичъ говорилъ мнѣ, что онъ хочетъ обрусить сахалинскихъ гиляковъ. Не знаю, для чего это нужно. Впрочемъ, обрусеніе началось еще задолго до пріѣзда генерала. Началось оно съ того, что у нѣкоторыхъ чиновниковъ, получающихъ даже очень маленькое жалованье, стали появляться дорогія лисьи и собольи шубы, а въ гиляцкихъ юртахъ появилась русская водочная посуда *); затѣмъ ги-

*) Начальникъ Дуйскаго поста, майоръ Николаевъ, говорилъ одному корреспонденту въ 1866 году:

— Лѣтомъ я съ ними дѣла не имѣю, а зимой зачастую скупаю у нихъ мѣха, и скупаю довольно выгодно; часто за бутылку водки или ковригу хлѣба отъ нихъ можно достать пару отличныхъ соболей.

Корреспондента изумило то большое количество мѣховъ, какое онъ увидѣлъ у майора (Лухашевичъ: *Мои знакомцы въ Дуэ, на Са-

ляки были приглашены къ участию въ поимкѣ бѣглыхъ, причѣмъ за каждаго убитаго или пойманнаго бѣглаго положено было денежное вознагражденіе. Ген. Кононовичъ приказалъ нанимать гиляковъ въ надзиратели; въ одномъ изъ его приказовъ сказано, что это дѣлается въ виду крайней необходимости въ людяхъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, и для облегченія сношеній мѣстнаго начальства съ инородцами; на словахъ же онъ сообщилъ мнѣ, что это нововведеніе имѣетъ цѣлью также и обрусеніе. Сначала были утверждены въ званіи тюремныхъ надзирателей гиляки Васька, Ибалка, Оркунъ и Павлинка (приказъ № 308-й 1889 г.), затѣмъ Ибалку и Оркуна уволили «за продолжительную неявку за полученіемъ распоряженій» и утвердили Софронку (приказъ № 426-й 1889 г.). Я видѣлъ этихъ надзирателей; у нихъ бляхи и револьверы. Изъ нихъ особенно популяренъ и чаще всѣхъ попадаетъ на глаза гилякъ Васька, ловкій, лукавый и пьяный человѣкъ. Однажды, придя въ лавку колонизаціоннаго фонда, я встрѣтилъ тамъ цѣлую толпу интеллигентовъ; у дверей стоялъ Васька; кто-то, указывая на полки съ бутылками, сказалъ, что если все это выпить, то можно быть пьянымъ, и Васька подобострастно ухмыльнулся и весь засіялъ радостью подхалима. Незадолго до моего пріѣзда гилякъ-надзиратель по долгу службы убилъ каторжлага, и мѣстные мудрецы рѣшили вопросъ о томъ, какъ онъ стрѣлялъ — спереди или сзади, т. е. отдавать гиляка подъ судъ или нѣтъ.

Что близость къ тюрьмѣ не обруситъ, а лишь въ концѣ развратитъ гиляковъ, доказывать не нужно. Они далеки еще до того, чтобы понять наши потребности, и едва ли есть какая-нибудь возможность втолковать имъ, что каторжныхъ ловятъ, лишаютъ свободы, ранятъ а иногда убиваютъ не изъ прихоти, а въ интересахъ правосудія; они видятъ въ этомъ лишь насиліе, проявленіе звѣрства, а себя, вѣроятно, считаютъ наемными убійцами *).

Если ужъ необходимо», *Кромштадтскій Вѣстникъ* 1868 г., №№ 47 и 49). Объ этомъ легендарномъ майорѣ еще придется говорить.

*) Суда у нихъ нѣтъ и она не знаютъ, что значитъ правосудіе. Какъ имъ трудно понять насъ, видно хотя бы изъ того, что они до сихъ поръ еще не понимаютъ волинъ назначенія дорогъ. Даже тамъ, гдѣ уже проведены дороги, они все еще путешествуютъ по тайгѣ. Часто приходится видѣть, какъ они, ихъ семьи и собаки гусемъ пробраются по трясинѣ около самой дороги.

димо обрусить и нельзя обойтись безъ этого, то, я думаю, при выборѣ средствъ для этого надо брать въ расчетъ, прежде всего, не наши, а ихъ потребности. Вышеупомянутый приказъ о разрѣшеніи принимать инородцевъ въ окружной лазаретъ, выдача пособій мукой и крупой, какъ было въ 1886 г., когда гиляки терпѣли почему-то голодь, и приказъ о томъ, чтобъ у нихъ не отбирали имущества за долгъ, и прощеніе самаго долга (приказъ № 204-й 1890 г.),— подобныя мѣры, быть-можетъ, скорѣе приведутъ къ цѣли, чѣмъ выдача бляхъ и револьверовъ.

Кромѣ гиляковъ, въ Сѣв. Сахалинѣ проживаютъ еще въ небольшомъ числѣ *ороки* или *орочи*, тунгузскаго племени. Но такъ какъ въ колоніи о нихъ едва слышно и въ предѣлахъ ихъ распространенія нѣтъ еще русскихъ селеній, то я ограничусь однимъ только упоминаніемъ о нихъ.

XII.

Мой отъѣздъ на югъ.— Жизнерадостная дама.—Западный берегъ.—Теченія.—Маука—Крильонъ.—Анива.—Корсаковский постъ.—Новыя знакомства.—Нордъ-остъ.—Климатъ Южнаго Сахалина.—Корсаковская тюрьма.—Пожарный обозъ.

10 сентября я уже опять былъ на знакомомъ читателю *Байкалѣ*, чтобы на этотъ разъ плыть въ Южный Сахалинъ. Уѣзжалъ я съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ съверъ мнѣ уже наскучилъ и хотѣлось новыхъ впечатлѣній. *Байкалѣ* снялся съ якоря въ десятомъ часу вечера. Было очень темно. Я стоялъ одинъ на кормѣ и, глядя назадъ, прощался съ этимъ мрачнымъ міркомъ, оберегаемымъ съ моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначались въ воздухѣ и были похожи въ потьмахъ на трехъ черныхъ монаховъ; несмотря на шумъ парохода, мнѣ было слышно, какъ волны бились объ эти рифы. Но вотъ Жонкиеръ и Братья остались далеко назади и исчезли въ потьмахъ—навсегда для меня; шумъ бьющихся волнъ, въ которомъ слышалась бессильная, злобная тоска, мало-по-малу затихъ... Проплыли версть восемь—и на берегу заблестѣли огни: это была страшная Воеводская тюрьма, а еще немного—показались огни Дуэ. Но скоро и это все исчезло, и остались лишь потемки, да жуткое чувство, точно послѣ дурного, зловѣщаго сна.

Спустившись потомъ внизъ, я засталъ тамъ веселое обще-

ство. Кромѣ командира и его помощниковъ, въ каютъ-компаніи находилось еще нѣсколько пассажировъ: молодой японецъ, дама, интендантскій чиновникъ и іеромонахъ Ираклій, сахалинскій миссіонеръ, ѣхавшій слѣдомъ за мною на югъ, чтобы оттуда вмѣстѣ отправиться въ Россію. Наша спутница, жена моряка-офицера, бѣжала изъ Владивостока, испугавшись холеры, и теперь, немного успокоившись, возвращалась назадъ. У нея былъ завидный характеръ. Достаточно было самаго пустого повода, чтобы она закатилась самымъ искреннимъ, жизнерадостнымъ смѣхомъ до упада, до слезъ; начнетъ рассказывать что-нибудь, картавя, и вдругъ хохотъ, веселость бьетъ фонтаномъ, а глядя на даму, начинаю смѣяться и я, за мною о. Ираклій, потомъ японецъ. «Ну!»—говоритъ, въ концѣ-концовъ, командиръ, махнувъ рукой, и тоже заражается смѣхомъ. Вѣроятно, никогда въ другое время въ Татарскомъ проливѣ, обыкновенно сердитомъ, не хохотали такъ много. На другой день утромъ на палубѣ сошлись для бесѣды іеромонахъ, дама, японецъ и я. И опять смѣхъ, и недоставало только, чтобы киты, высунувъ морды изъ воды, стали хохотать, глядя на насъ.

И какъ нарочно, погода была теплая, тихая, веселая. Слѣва близко зеленѣлъ Сахалинъ, именно та его пустынная, дѣвственная часть, которой еще не коснулась каторга; справа въ ясномъ, совершенно прозрачномъ воздухѣ еле мерещился Татарскій берегъ. Здѣсь уже проливъ болѣе похожъ на море и вода не такъ мутна, какъ около Дуэ; здѣсь просторнѣе и легче дышется. По своему географическому положенію нижняя треть Сахалина соответствуетъ Франціи, и если бы не холодныя теченія, то мы владѣли бы прелестнымъ краемъ и жили бы въ немъ теперь, конечно, не одни только Шкандыбы и Безбожные. Холодныя теченія, идущія отъ сѣверныхъ острововъ, гдѣ даже въ концѣ лѣта бываетъ ледоходъ, омываютъ Сахалинъ съ обѣихъ сторонъ, причемъ восточному берегу, какъ болѣе открытому теченіямъ и холоднымъ вѣтрамъ, приходится принимать наибольшую долю страданій; природа его безусловно суровая и флора его носить настоящій полярный характеръ. Западный же берегъ много счастливѣе; здѣсь вліяніе холоднаго теченія смягчается теплымъ японскимъ теченіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Куро-Сиво; не под-

лежитъ сомнѣнію, что чѣмъ южнѣе, тѣмъ теплѣе, и на южной части западнаго берега наблюдается сравнительно богатая флора, но, все-таки, увы, до Франціи или Японіи далеко *).

Интересно, что въ то время, какъ сахалинскіе колонизаторы воть уже 35 лѣтъ сѣютъ пшеницу на тундрѣ и проводятъ хорошія дороги къ такимъ мѣстамъ, гдѣ могутъ прозябать одни только низшіе моллюски, самая теплая часть острова, а именно южная часть западнаго побережья, остается въ совершенномъ пренебреженіи. Съ парохода видны въ бинокль и простымъ глазомъ хорошіи строевой лѣсъ и береговые скалы, покрытые ярко-зеленою и, должно-быть, сочною травой, но ни жплья, ни одной живой души. Впрочемъ, разъ—это было на вторыя сутки нашего плаванья—командиръ обратилъ мое вниманіе на небольшую группу избъ и сарайныхъ построекъ и сказалъ: «Это *Маука*». Тутъ, въ Маукѣ, издавна производится добыча морской капусты, которую очень охотно покупаютъ китайцы, и такъ какъ дѣло поставлено серьезно и уже дало хорошіи заработокъ многимъ русскимъ и иностранцамъ, то это мѣсто очень популярно на Сахалинѣ. Находится оно на 400 верстѣ южнѣе Дуэ, на широтѣ 47°, и отличается сравнительно хорошимъ климатомъ. Когда-то промыселъ находился въ рукахъ японцевъ; при Мицулѣ въ Маукѣ было болѣе 30 японскихъ зданій, въ которыхъ постоянно жило 40 душъ обоого пола, а весною прѣзжало сюда изъ Японіи еще около 300 человекъ, работавшихъ вмѣстѣ съ айносами, которые тогда составляли тутъ главную рабочую силу. Теперь же капустнымъ промысломъ владѣетъ русскій купецъ Семеновъ, сынъ ко-

*) Кто-то предлагалъ проектъ—въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива устроить плотину, которая задерживала бы на пути холодное теченіе. Этотъ проектъ находитъ себѣ естественно-историческое оправданіе: извѣстно, что когда существовалъ перешеекъ, то климатъ Сахалина отличался мягкостью. Но осуществленіе его едва ли принесло бы теперь какую-нибудь пользу. Флора южной части западнаго берега, пожалуй, обогатилась бы десяткомъ новыхъ видовъ, но климатъ всей нижней части острова едва ли измѣнился бы къ лучшему. Вѣдь, вся южная часть лежитъ близко къ Охотскому морю, въ которомъ льдины и даже ледяныя поля плаваютъ среди лѣта, и нынѣшній Корсаковскій округъ въ главной своей части отдѣленъ отъ этого моря лишь невысокимъ хребтомъ, за которымъ вплоть до моря идетъ низменность, покрытая озерами и доступная холоднымъ вѣтрамъ.

того постоянно живетъ въ Маукѣ; дѣломъ завѣдуетъ цотлапдецъ Демби, уже не молодой и, повидимому, знающій человекъ. Онъ имѣетъ собственный домъ въ Нагасаки въ Японіи, и когда я, познакомившись съ нимъ, сказалъ ему, что, вѣроятно, буду осенью въ Японіи, то онъ любезно предложилъ мнѣ остановиться у него въ домѣ. У Семенова работаютъ манзы, корейцы и русскіе. Наши поселенцы стали ходить сюда на заработки лишь съ 1886 г., и, вѣроятно, по собственному почину, такъ какъ смотрители тюремъ всегда больше интересовались кислою капустой, чѣмъ морскою. Первые попытки были не совѣмъ удачны: русскіе мало были знакомы съ чисто-технической стороной дѣла; теперь же они попривыкли, и, хотя Демби не такъ доволенъ ими, какъ китайцами, но, все-таки, уже можно серьезно разсчитывать, что со временемъ будутъ ходить себѣ здѣсь кусокъ хлѣба сотни поселенцевъ. Маука причислена къ Корсаковскому округу. Въ настоящее время здѣсь живутъ на поселеніи 38 душъ: 33 м. и 5 ж. Всѣ 33 ведутъ хозяйства. Изъ нихъ грое уже имѣютъ крестьянское званіе. Женщины же всѣ каторжныя и живутъ въ качествѣ сожительницъ. Дѣтей нѣтъ, церкви нѣтъ, и скука, должно-быть, страшная, особенно зимою, когда ухоять съ промысловъ рабочіе. Здѣшнее гражданское начальство состоитъ изъ одного лишь надзирателя, а военное — изъ сфрейтора и трехъ рядовыхъ *).

Сравненіе Сахалина со стерлядью особенно годится для

*) Въ Маукѣ Семеновъ держитъ лавку, которая лѣтомъ торгуетъ очень недурно; дѣны на съѣстные припасы высокія, такъ что поселенцы оставляютъ здѣсь половину своего заработка. Въ рапортѣ командира клипера *Всадникъ*, относящемся къ 1870 г., сказано, что клиперъ имѣетъ въ виду, подойди къ мѣстечку Маукѣ, высадить тамъ 10 человекъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы они приготовили мѣсто подъ огороды, такъ какъ въ продолженіе лѣта въ этомъ мѣстѣ предпологалось основать новый постъ. Замѣчу кстати, что это было время, когда по западному побережью между русскими и японцами происходили маленькія недоразумѣнія. Я еще нашелъ также корреспонденцію въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ* 1880 г., № 112: «Островъ Сахалинъ. Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній относительно Маука-Ковъ (Maucha Cove)». Тутъ идетъ рѣчь о томъ, что Маука есть главное мѣстопребываніе компаніи, получившей отъ русскаго правительства право въ теченіе 10 лѣтъ собирать морскія водоросли, и что населеніе ея состоитъ изъ 3 европейцевъ, 7 русскіхъ солдатъ и 700 рабочихъ корейцевъ, айно и китайцевъ.

Что ванутскій промыселъ выгоденъ и расширится, видно изъ

его южной части, которая въ самомъ дѣлѣ похожа на рыбій хвостъ. Лѣвая лопасть хвоста называется мысомъ Крильонъ, правая—мысомъ Анивскимъ, а полукруглый заливъ между ними—Анивой. Крильонъ, около котораго пароходъ дѣлаегъ крутой поворотъ къ сѣверо-востоку, при солнечномъ освѣщеніи представляетъ изъ себя довольно привлекательное мѣстечко и стоящій на немъ одиноко красный маякъ похожъ на барскую дачу. Это большой мысъ, покатый къ морю, зеленый и гладкій, какъ хорошій заливной лугъ. Поле далеко кругомъ покрыто бархатною травой и въ сантиментальномъ пейзажѣ недостаегъ только стада, которое бродило бы въ холодкѣ у края лѣса. Но говорятъ, что травы здѣсь не важныя и сельско-хозяйственная культура едва ли возможна, такъ какъ Крильонъ большую часть лѣта бываетъ окутанъ солеными морскими туманами, которые дѣйствуютъ на растительность губительнымъ образомъ *).

Мы обогнули Крильонъ и вошли въ заливъ Аниву 12 сентября передъ полуднемъ; виденъ весь берегъ отъ одного

того, что гг. Семеновъ и Демби уже находятъ себя подражателей. Нѣкій Биричь, поселенецъ, бывшій учителемъ и приказчикомъ у Семенова, взявши взаймы денегъ, построилъ все необходимое для промысла близъ Кусуиная и сталъ приглашать къ себѣ поселенцевъ. Работаетъ у него теперь около 30 человекъ. Дѣло ведется неофициально, нѣтъ тутъ даже надзирателя. Постъ Кусуиная, давно уже заброшенный, находится верстъ на сто сѣвернѣе Мауки, у устья рѣки Кусуиная, которая когда-то считалась границею между русскими и японскими владѣніями на Сахалинѣ.

*) Немного сѣвернѣе Крильона я видѣлъ камни, на которые нѣсколько лѣтъ назадъ наткнулся и съелъ пароходъ *Кострома*, обманутый этими туманами. А. В. Щербакъ, докторъ, сопровождавшій на *Костромѣ* каторжныхъ, во время крушенія пускалъ сигнальныя ракеты. Онъ рассказывалъ мнѣ потомъ, что въ ту пору ему пришлось пережить нравственно три долгихъ фазиса: первый, самый долгій и мучительный — увѣренность въ неминуемой гибели; каторжниками овладѣла паника и они выли; дѣтей и женщинъ пришлось отправить въ шлюпки подъ командой офицера по тому направленію, гдѣ предполагался берегъ, и шлюпка скоро исчезла въ туманѣ; второй фазисъ — нѣкоторая надежда на спасеніе: съ Крильонскаго маяка допелся пушечный выстрѣлъ, извѣщавшій, что женщины и дѣти достигли берега благополучно; третій — полная увѣренность въ спасеніи, когда въ туманномъ воздухѣ вдругъ раздались звуки корнетъ-а-пилона, на которомъ игралъ возвращавшійся офицеръ.

Въ 1885 г. въ октябрѣ бѣглые каторжники напали на Крильонскій маякъ, разграбили все имущество и убили матроса, бросивъ его со скалы въ пропасть.

мыса до другого, хотя заливъ имѣеть въ діаметрѣ около 80—90 верстъ *). Почти въ срединѣ полукруглый берегъ образуетъ небольшую выемку, которая называется бухтою или губою Лососей, и тутъ, у этой губы, находится *Корсаковский постъ*, административный центръ южнаго округа. Налпу спутницу, жизнерадостную даму, ожидала пріятная случайность: на Корсаковскомъ рейдѣ стоялъ пароходъ Добровольнаго флота *Владивостокъ*, только-что пришедшій изъ Камчатки, и на немъ находился ея мужъ, офицеръ. Сколько по этому поводу было восклицаній, неудержимаго смѣха, суеты!

Постъ имѣеть съ моря приличный видъ городка, не сибирскаго, а какого-то особеннаго типа, который я не берусь назвать; основанъ онъ былъ почти 40 лѣтъ назадъ, когда по южному берегу тамъ и сямъ были разбросаны японскіе дома и сараи, и очень возможно, что это близкое сосѣдство японскихъ построекъ не обошлось безъ вліянія на его внѣшность и должно было придать ей особыя черты. Годомъ основанія Корсаковскаго считается 1869 годъ, но это справедливо лишь по отношенію къ нему, какъ къ пункту ссыльной колоніи; на самомъ же дѣлѣ первый русскій постъ на берегу бухты Лососей былъ основанъ въ 1853—54 г. Лежитъ онъ въ падѣ, которая и теперь носитъ японское названіе Хахка-Томари, и съ моря видна только одна его главная улица, и кажется издали, что мостовая и два ряда домовъ круто спускаются внизъ по берегу; но это только

*) Берегъ Анивы былъ впервые изслѣдованъ и описанъ русскимъ офицеромъ Н. В. Рудановскимъ, однимъ изъ сподвижниковъ Г. И. Невельскаго. Подробности см. въ дневникъ Н. В. Буссе, тоже участника въ Амурской экспедиціи: *Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—54 г.*, затѣмъ въ статьѣ Г. И. Невельскаго и Рудановскаго: *По поводу воспоминаній Н. В. Буссе, Вѣстникъ Европы* 1872 г., VIII, и въ запискахъ самаго Невельскаго. Майоръ Н. В. Буссе, сподвижъ первый и неуживчивый, пишетъ, что «обращеніе Невельскаго съ подчиненными и духъ бумагъ его не довольно серьезны», а про Рудановскаго, что онъ «тяжелъ, какъ подчиненный, и неспособный товарищъ», и что Рудановскій «дѣлалъ безтолковыя замѣчанія», а про Бошняка, что онъ «мечтатель и дитя». Когда Невельской медленно раскуривалъ свою трубку, то это его раздражало. Зимую съ Рудановскимъ на Анивѣ и будучи старше его чиномъ, майоръ назойливо требовалъ отъ него чинопочитанія и соблюденія всѣхъ правилъ субординаціи, и это въ пустынь, почти съ глазу на глазъ, когда молодой человѣкъ весь былъ погруженъ въ серьезную научную работу.

въ перспективѣ, на самомъ же дѣлѣ подъемъ не такъ крутъ. Новыя деревянныя постройки лоснятся и отсвѣчиваютъ на солнцѣ, бѣлѣетъ церковь, старой, простой и потому красной архитектуры. На всѣхъ домахъ высокіе шесты, вѣроятно, для флаговъ, и это придаетъ городку непріятное выраженіе, какъ будто онъ оцетинился. Здѣсь такъ же, какъ и на сѣверныхъ рейдахъ, пароходъ остаивается въ одной и даже двухъ верстахъ отъ берега, и пристань имѣется только для парового катера и баржъ. Къ нашему пароходу сначала подошелъ катеръ съ чиновниками и тотчасъ же послышались радостные голоса: «Бой, пива! Бой, рюмку коньяку!» Потомъ подошелъ вельботъ; гребли каторжные, наряженные матросами, и у руля сидѣлъ окружной начальникъ И. И. Бѣлый, который, когда вельботъ подходилъ къ трану, scomандовалъ по-военному: «Суни весла!»

Черезъ нѣсколько минутъ я и г. Б. были уже знакомы; вмѣстѣ потомъ мы съѣхали на берегъ, и я обѣдалъ у него. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, между прочимъ, что онъ только-что вернулся на *Владивостокъ* съ берега Охотскаго моря, изъ такъ-называемой Тарайки, гдѣ каторжные строятъ теперь дорогу.

Квартира у него небольшая, но хорошая, барская. Онъ любитъ комфортъ и хорошую кухню, и это замѣтно отражается на всемъ его округѣ; развѣзкая въ послѣдствіи по округу, я находилъ въ надзирательскихъ или станкахъ не только ножи, вилки и рюмки, но даже чистыя салфетки, и сторожей, которые умѣютъ варить вкусный супъ, а, главное, клоповъ и таракановъ здѣсь не такъ безобразно много, какъ на сѣверѣ. По разсказу г. Б., въ Тарайкѣ на дорожныхъ работахъ онъ жилъ въ большой палаткѣ, съ комфортомъ, имѣлъ при себѣ повара и на досугѣ читалъ французскіе романы *). По происхожденію онъ малороссъ, по образова-

*) И почти уже забыты то время, когда офицеры и чиновники, служившіе на Южномъ Сахалинѣ, терпѣли настоящую нужду. Въ 1876 г. за пудъ бѣлой муки они платили 4 р., за бутылку водки 3 р. и «свѣжаго мяса никто почти никогда не видѣлъ» (*Русскій Миръ* 1877 г., № 7), а о людяхъ попроси и говорить нечего. Эти буквально бѣдствовали. Корреспондентъ *Владивостока*, не дальше какъ 5 лѣтъ назадъ, сообщалъ, что «ни у кого не было поль-рюмки водки, табакъ манчжурскій (т. е. въ родѣ нашей махорки) до 2 р. 50 к. за фунтъ; поселенцы и нѣкоторые надзиратели курили байховый и киричный чай» (1886 г., № 22).

нію—бывшій студентъ-юристъ. Онъ молодецъ, не старше сорока лѣтъ, а это возрастъ, кстати сказать, средній для сахалинскаго чиновника. Времена измѣнились; теперь для русской каторги молодой чиновникъ болѣе типиченъ, чѣмъ старій, и если бы, положимъ, художникъ изобразилъ, какъ наказываютъ плетью бродягу, то на его картинѣ мѣсто прежняго капитана-пропойцы, старика съ слезе-багровымъ носомъ, занималъ бы интеллигентный молодой человекъ въ новенькомъ вице-мундирѣ.

Мы разговорились; между тѣмъ, наступилъ вечеръ, загли огонь. Я простился съ гостепріимнымъ г. Б. и отправился къ секретарю полицейскаго управления, у котораго мнѣ была приготовлена квартира. Было темно и тихо, море глухо шумѣло и звѣздное небо хмурилось, какъ будто видѣло, что въ природѣ готовится что-то недоброе. Когда я прошелъ всю главную улицу почти до моря, пароходы еще стояли на рейдѣ, и когда я повернулъ направо, слышались голоса и громкій смѣхъ, и въ темнотѣ показались ярко освѣщенные окна, и стало похоже, будто я въ заходустномъ городкѣ осенью ночью пробираюсь къ клубу. Это была квартира секретаря. По ветхимъ скрипучимъ ступенямъ я поднялся на террасу и вошелъ въ домъ. Въ залѣ, точно боги на облакахъ, въ табачномъ дымѣ и въ туманѣ, какой бываетъ въ трактирахъ и сырыхъ помѣщеніяхъ, двигались военные и штатскіе. Съ однимъ изъ нихъ г. фонъ-Ф., инспекторомъ сельскаго хозяйства, я уже былъ знакомъ, —раньше мы встрѣчались въ Александровскѣ, —съ остальными же я теперь видѣлся впервые, хотя всѣ они отнеслись къ моему появленію съ такимъ благодушіемъ, какъ будто были знакомы со мною уже давно. Меня подвели къ столу, и я тоже долженъ былъ пить водку, то-есть спиртъ, на-половину разведенный водой, и очень плохой коньякъ, и ѣсть жесткое мясо, которое жарилъ и подавалъ къ столу ссыльно-каторжный Хоменко, хохоль съ черными усами. Изъ постороннихъ, кромѣ меня, на этой вечеринкѣ присутствовалъ также директоръ Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи Э. В. Штеллингъ, прибывшій на *Владивостокъ* изъ Камчатки и Охотска, гдѣ онъ хлопоталъ объ учрежденіи метеорологическихъ станцій. Тутъ же я познакомился съ майоромъ Ш., смотрителемъ Корсаковской ссыльно-каторжной тюрьмы, служившимъ раньше при ген. Грессерѣ въ

петербургской полиціи: это—высокій, полный мужчина, съ тою солидною, импонирующею осанкой, какую мнѣ до сихъ поръ случалось наблюдать только у частныхъ и участковыхъ приставовъ. Разсказывая мнѣ о своемъ короткомъ знакомствѣ со многими извѣстными писателями въ Петербургѣ, майоръ называлъ ихъ просто Миша, Ваяя, и приглашая меня къ себѣ завтракать и обѣдать, невзначай раза два сказалъ мнѣ ты *).

Когда во второмъ часу ушли гости и я легъ въ постель, слышались ревъ и свистъ. Это задулъ нордъ-остъ. Значить, не даромъ съ вечера хмурилось небо. Хоменко, придя со двора, доложилъ, что пароходы ушли, а между тѣмъ, на морѣ поднялась сильная буря. «Ну, небожь, вернётся! — сказалъ онъ и засмѣялся:—Гдѣ имъ совладать?» Въ комнатѣ стало холодно и сыро, было, вѣроятно, не больше шести-семи градусовъ. Бѣдный Ф., секретарь полицейскаго управленія молодой человѣкъ, никакъ не могъ уснуть отъ насморка и кахля. Капитанъ К., жившій вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ, тоже не спалъ; онъ постучалъ изъ своей комнаты въ стѣну и сказалъ мнѣ:

— Я подучаю *Недѣлю*. Не желаете ли?

Утромъ было холодно и въ постели, и въ комнатѣ, и на дворѣ. Когда я вышелъ наружу, шелъ холодный дождь и сильный вѣтеръ гнулъ деревья, море ревѣло, а дождевыя капли при особенно жестокихъ порывахъ вѣтра били въ лицо и стучали по крышамъ, какъ мелкая дробь. *Владивостокъ* и *Байкаль*, въ самомъ дѣлѣ, не совладали со штормомъ, вернулись и теперь стояли на рейдѣ, и ихъ покрывала мгла. Я прогулялся по улицамъ, по берегу около пристани; трава была мокрая, съ деревьевъ текло.

На пристани около сторожки лежитъ скелетъ молодого кита, когда-то счастливаго, рѣзваго, гулявшаго на просторѣ сѣверныхъ морей, теперь же облѣяя кости богатыря лежали въ грязи и дождь точилъ ихъ... Главная улица шос-

*) Майоръ Ш., надо отдать ему справедливость, относился съ полнымъ уваженіемъ къ моему литературной профессіи и все время, пока я жилъ въ Корсаковскѣ, всячески старался, чтобы мнѣ не было скучно. Раньше, за нѣсколько недѣль до моего пріѣзда на югъ, онъ также возился съ англичаниномъ Говардомъ, искателемъ практической и тоже литераторомъ, потерпѣвшимъ въ Анивѣ крушеніе на японской джонкѣ и потомъ написавшимъ порядочный вздоръ объ авиашахъ въ своей книгѣ *The Life wirth Trans-Siberian savages*.

сирована и содержится въ порядкѣ, на ней тротуары, фонари и деревья, и мететь ее каждый день клейменный старикъ. Тутъ только присутственныя мѣста и квартиры чиновниковъ, и нѣтъ ни одного дома, въ которомъ жили бы ссыльные. Дома большею частью новые и пріятные на видъ, и нѣтъ той тяжкой казенщины, какъ, наприм., въ Дуэ. Вообще же въ Корсаковскомъ посту, если говорить о всѣхъ его четырехъ улицахъ, старыхъ построекъ больше, чѣмъ новыхъ, и не рѣдкость дома, построенные 20—30 лѣтъ назадъ. И старыхъ зданій, и старожиловъ среди служащихъ въ Корсаковскѣ относительно больше, чѣмъ на сѣверѣ, а это, быть-можетъ, значитъ, что здѣшній югъ болѣе располагаетъ къ осѣдой и покойной жизни, чѣмъ оба сѣверныхъ округа. Здѣсь, какъ я замѣтилъ, и патріархальности больше, и люди консервативнѣе, и обычаи, даже дурные, держатся крѣпче. Такъ, въ сравненіи съ сѣверомъ, здѣсь чаще прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и бываетъ, что въ одинъ пріемъ съкутъ по 50 человѣкъ, и только на югѣ уцѣлѣлъ дурной обычай, введенный когда-то какимъ-то давно уже забытымъ полковникомъ, а именно—когда вамъ, свободному человѣку, встрѣчается на улицѣ или на берегу группа арестантовъ, то уже за 50 шаговъ вы слышите крикъ надзирателя: «Смир-р-рно! Шапки долой!» И мимо васъ проходятъ угрюмые люди съ обнаженными головами и глядятъ на васъ исподлобья, точно если бы они сняли шапки не за 50, а за 20—30 шаговъ, то вы побили бы ихъ палкой, какъ г. Z или г. N.

Я жалѣю, что не засталъ въ живыхъ старѣйшаго сахалинскаго офицера, штабсъ-капитана Шишмарева, который долготою дней своихъ и какъ старожилъ могъ бы поспорить даже съ палевскимъ Микрюковымъ. Онъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда и я видѣлъ только домъ-особнякъ, въ которомъ онъ жилъ. Поселился онъ на Сахалинѣ еще въ до-историческія времена, когда не начиналась каторга, и это казалось до такой степени давно, что даже сочинили легенду о «происхожденіи Сахалина», въ которой имя этого офицера тѣсно связано съ геологическими переворотами: когда-то, въ отдаленныя времена, Сахалина не было вовсе, но вдругъ, вслѣдствіе вулканическихъ причинъ, поднялась подводная скала выше уровня моря, и на ней сидѣли два существа—сивучъ и штабсъ-капитанъ Шишмаревъ. Гово-

рять, что онъ ходилъ въ вязаномъ скруткѣ съ погонами и инородцевъ въ казенныхъ бумагахъ называлъ такъ: «дикие обитатели лѣсовъ». Онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и, между прочимъ, плывалъ по Тымѣ съ Поляковымъ, и изъ описанія экспедиціи видно, что они поссорились.

Жителей въ Корсаковскомъ посту 163: 93 м. и 70 ж., а со свободными, солдатами, ихъ женами и дѣтьми, и съ арестантами, ночующими въ тюрьмѣ, наберется немного болѣе тысячи.

Хозяйствъ 56, но все это хозяйства не деревенскія, а скорѣе городскія, мѣщанскія; съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія они представляются совершенно ничтожными. Земли пахотной всего 3 дес., а луговъ, которыми пользуется также и тюрьма, 18 дес. Надо видѣть, какъ тѣсно жмутся усадьбы одна къ другой и какъ живописно лѣплятся онѣ по склонамъ и на днѣ оврага, образующаго падь, чтобы понять, что тотъ, кто выбиралъ мѣсто для поста, вовсе не имѣлъ въ виду, что тутъ, кромѣ солдатъ, будутъ еще жить сельскіе хозяева. На вопросъ, чѣмъ они занимаются и чѣмъ живутъ, хозяева отвѣчали: работишка, торговишка... Относительно стороннихъ заработковъ, какъ увидитъ ниже читатель, южный сахалинец поставленъ далеко не въ такое безвыходное положеніе, какъ сѣверный; при желаніи онъ находитъ себѣ заработокъ, по крайней мѣрѣ, въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы, но корсаковцевъ это мало касается, такъ какъ на заработки они уходятъ очень рѣдко и, какъ истые горожане, живутъ на неопредѣленные средства,—неопредѣленныя въ смыслѣ ихъ случайности и непостоянства. Одинъ живетъ на деньги, которыя онъ привезъ съ собой изъ Россіи, и такихъ большинство, другой—въ писаряхъ, третій—въ дьячкахъ, четвертый—держитъ лавочку, хотя по закону не имѣетъ на это права, пятый—промѣниваетъ арестантскій хламъ на японскую водку, которую продаетъ, и проч., и проч. Женщины, даже свободнаго состоянія, промышляютъ проституціей; не составляетъ исключенія даже одна привилегированная, про которую говорятъ, что она кончила въ институтѣ. Здѣсь меньше голода и холода, чѣмъ на сѣверѣ; каторжные, жены которыхъ торгуютъ собой, курятъ турецкій табакъ по 50 к. за четвертку, и потому здѣшняя проституція кажется болѣе злокачественной, чѣмъ на сѣверѣ, хотя—не все ли равно?

Семейно живутъ 41, причеъъ 21 пара состоитъ въ незаконномъ бракѣ. Женщинъ свободнаго состоянія только 10, то-есть въ 16 разъ меньше, чѣмъ въ Рыковскомъ, и даже въ 4 раза меньше, чѣмъ въ такой щели, какъ Дуэ.

Среди ссыльныхъ въ Корсаковскѣ попадаются интересныя личности. Упомяну о безсрочномъ каторжномъ Пищиковѣ, преступленіе котораго дало матеріаль Г. И. Успенскому для очерка *Одинъ-на-одинъ*. Этотъ Пищиковъ засѣкъ нагайкой свою жену, интеллигентную женщину, беременную на девятомъ мѣсяцѣ, и истязаніе продолжалось шесть часовъ; сдѣлалъ онъ это изъ ревности къ добрачной жизни жены: во время послѣдней войны она была увлечена наѣвнымъ туркомъ. Пищиковъ самъ носилъ письма къ этому турку, уговаривалъ его приходиться на свиданіе и вообще помогать обѣимъ сторонамъ. Потомъ, когда турокъ уѣхалъ, дѣвушка полюбила Пищикова за его доброту; Пищиковъ женился на ней и имѣлъ отъ нея уже четырехъ дѣтей, какъ вдругъ подъ сердцемъ завозилось тяжелое, ревнивое чувство...

Это высокій, худощавый человекъ, благообразный, съ большою бородой. Онъ служитъ писаремъ въ полицейскомъ управленіи и потому ходитъ въ вольномъ платьѣ. Трудолюбивъ и очень вѣжливъ, и, судя по выраженію, весь ушелъ въ себя и замкнулся. Я былъ у него на квартирѣ, но не засталъ его дома. Занимаетъ онъ въ избѣ небольшую комнату; у него аккуратная чистая постель, покрытая краснымъ шерстянымъ одѣяломъ, а около постели на стѣнѣ въ рамочкѣ портретъ какой-то дамы, вѣроятно, жены.

Интересна также семья Жакомини: отецъ, ходившій когда-то шкиперомъ въ Черномъ морѣ, его жена и сынъ. Всѣ трое въ 1878 году были преданы въ г. Николаевѣ военно-полевому суду за убійство и осуждены, какъ они сами увѣряютъ, невинно. Старуха и сынъ уже отбыли каторгу, а старикъ Каръ Николаевичъ, 66 лѣтъ, все еще каторжный. Они держатъ лавочку и въ комнатахъ у нихъ очень прилично, лучше даже, чѣмъ у ново-михайловскаго богача Потемкина. Старикъ Жакомини шлѣ на Сахалинъ сухимъ путемъ, черезъ Сибирь, а сынъ моремъ, и сынъ прибылъ на мѣсто тремя годами раньше. Разница огромная. Если послушать старика, то становится страшно. Какихъ ужасовъ наглядѣлся и чего только онъ ни вынесъ,

пока его судили, мытарили по тюрьмамъ и потомъ три года тащили черезъ Сибирь; на пути его дочь, дѣвушка, которая пошла добровольно за отцомъ и матерью на торговлю, умерла отъ изнуренія, а судно, которое везло его и старуху въ Корсаковскъ, около Мауки потерпѣло аварію. Старикъ рассказываетъ все это, а старуха плачетъ. «Ну, да что!—говоритъ старикъ, махнувъ рукой.—Значитъ, Богу такъ угодно».

Въ культурномъ отношеніи Корсаковскій постъ замѣтно отсталъ отъ своихъ сѣверныхъ собратій. Такъ, въ немъ до сихъ поръ еще нѣтъ телеграфа и метеорологической станціи *). О климатѣ Южнаго Сахалина мы можемъ судить пока лишь по отрывочнымъ случайнымъ наблюденіямъ разныхъ авторовъ, которые служили здѣсь, или же, подобно мнѣ, пріѣзжали сюда не надолго. По этимъ даннымъ въ Корсаковскомъ посту, если брать среднія температуры, лѣто, осень и весна теплѣе, чѣмъ въ Дуэ, почти на 2°, а зима мягче почти на 5°. Между тѣмъ, на той же Анивѣ, но только немного восточнѣе Корсаковского поста, въ Муравьевскомъ температура уже значительно ниже и скорѣе подходит къ дуйской, чѣмъ къ корсаковской. А на 88 верстѣ сѣвернѣе Корсаковского поста, въ Найбучи, командиръ *Всадника* утромъ 11 мая 1870 г. записалъ два градуса мороза; шелъ снѣгъ. Какъ видитъ читатель, здѣшній югъ мало похожъ на югъ: зима здѣсь такая же суровая, какъ въ Олонецкой губ., а лѣто — какъ въ Архангельскѣ. Крузенштернъ въ половинѣ мая видѣлъ на западномъ берегу Апивы снѣгъ. На сѣверѣ Корсаковского

*) Э. В. Штеллингъ при мнѣ хлопоталъ объ устройствѣ станціи п въ этомъ ему сильно помогалъ военный врачъ 3—ій, корсаковскій старожилъ и очень хорошій человекъ. Но мнѣ кажется, что станцію слѣдуетъ устроить не въ Корсаковскомъ посту, открытомъ для восточныхъ вѣтровъ, а въ какомъ-нибудь болѣе центральномъ пунктѣ округа, наприм., въ селеніи Владиміровкѣ. Впрочемъ, на Южномъ Сахалинѣ что ни мѣсто, то свой климатъ, и правильнѣе всего было бы учредить метеорологическіе наблюдательные пункты одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ: у залива Буссе, въ Корсаковскѣ, Крильонѣ, Маукѣ, Владиміровкѣ, Найбучи и Тарайкѣ. Это, конечно, не легко, но п не такъ уже трудно. По-моему, для этого можно воспользоваться услугами грамотныхъ ссыльныхъ, которые, какъ показалъ уже опытъ, скоро пріучаются самостоятельно вести наблюденія, и нуженъ только человекъ, который взялъ бы на себя трудъ руководить ими.

округа, именно въ Кусуннаѣ, гдѣ добываютъ морскую капусту, наблюдалось въ году 149 ненастныхъ дней, а на югѣ, въ Муравьевскомъ посту, 130. Но, тѣмъ не менѣе, все-таки въ южномъ округѣ климатъ мягче, чѣмъ въ обоихъ сѣверныхъ, и жить здѣсь поэтому должно быть легче. На югѣ среди зимы бываетъ оттепель, чего ни разу не наблюдали около Дуэ и Рыковского; рѣки вскрываются раньше и солнце выглядываетъ изъ-за облаковъ чаще.

Корсаковская тюрьма занимаетъ самое возвышенное мѣсто въ посту и, вѣроятно, самое здоровое. Тамъ, гдѣ главная улица упирается въ тюремный заборъ, находятся ворота, очень скромныя на видъ, и что это не простыя, обывательскія ворота, а входъ въ тюрьму, видно только по надписи, да по тому еще, что каждый вечеръ тутъ толпятся каторжные, которыхъ впускаютъ въ калитку по одиночкѣ и при этомъ обыскиваютъ. Тюремный дворъ расположенъ на наклонной плоскости и уже съ середины его, несмотря на заборъ и окружающія постройки, видны голубое море и далекий горизонтъ, и поэтому кажется, что здѣсь очень много воздуха. При осмотрѣ тюрьмы, прежде всего, замѣчается стремленіе мѣстной администраціи къ рѣзкому обособленію каторжныхъ отъ поселенцевъ. Въ Александровскѣ тюремныя мастерскія и квартиры нѣсколькихъ сотъ каторжныхъ разбросаны по всему посту, здѣсь же въ тюремномъ дворѣ помѣщаются всѣ мастерскія и даже пожарный сарай и жить внѣ тюрьмы, за очень рѣдкими исключеніями, не позволено даже каторжннмъ разряда исправляющихся. Здѣсь постъ самъ по себѣ, а тюрьма сама по себѣ, и можно долго прожить въ посту и не замѣтить, что въ концѣ улицы находится тюрьма.

Казармы здѣсь старыя, въ камерахъ тяжелый воздухъ, отхожія мѣста много хуже, чѣмъ въ сѣверныхъ тюрьмахъ, хлѣбопекарня темная, карцеры для одиночнаго заключенія темные, безъ вентиляцій, холодные; я и самъ нѣсколько разъ видѣлъ, какъ заключенные въ нихъ дрожали отъ холода и сырости. Здѣсь одно только лучше, чѣмъ на сѣверѣ: просторная кандалная и кандалныхъ сравнительно меньше. Чище всѣхъ живутъ въ казармахъ бывшіе моряки; они и одѣты чище *). При мнѣ въ тюрьмѣ ночевало только

*) И. И. Бѣлому удалось организовать изъ нихъ искусную команду для работъ на морѣ. Старшимъ среди нихъ считается каторжный

450 человекъ, всѣ же остальные находились въ командировкѣ, главнымъ образомъ, на дорожныхъ работахъ. Всего въ округѣ числилось каторжныхъ 1,205.

Здѣшній смотритель тюрьмы больше всего любитъ показывать прѣзжимъ пожарный обозъ. Обозъ, въ самомъ дѣлѣ, великолѣпенъ и въ этомъ отношеніи Корсаковскъ переце-

Голыцынъ, маленькаго роста, съ бакенамп. Любитъ пофилософствовать. Когда онъ сидитъ у руля и командуетъ: «Руби рангоуты!» или—«Весла на воду!»—то дѣлаетъ это не безъ начальственной суровости. Несмотря на его почтенную наружность и старшинство, при мнѣ его събили раза два-три за льянство и, кажется, за грубости. Послѣ него экскурсировавшимъ морякомъ считается каторжный Медвѣдевъ, человекъ умный и отважный. Какъ-то японскій консулъ г. Кузе возвращался изъ Тарайки, у руля былъ Медвѣдевъ; кромѣ нихъ, въ вельботѣ находился еще надзиратель. Къ вечеру засвѣжло, стало темно... Когда подыблили къ Найбуци, то уже не было видно входа въ рѣчку Найбу, пристать же прямо къ берегу было опасно, и Медвѣдевъ рѣшилъ ночевать въ морѣ, несмотря на сплывный штормъ. Надзиратель хватилъ его по уху, г. Кузе строго приказывалъ держаться берега, но Медвѣдевъ не слушался и упрямо уходилъ въ море все дальше и дальше. Всю ночь штормовало; волны трепали лодку, и каждую минуту казалось, что онѣ задытютъ или опрокинутъ ее. Консулъ потомъ рассказывалъ мнѣ, что это была ночь самая страшная въ его жизни. Когда на разсвѣтъ Медвѣдевъ пошелъ къ устью рѣчки, то все-таки на бартъ вельботъ захлебнула воды. Съ тѣхъ поръ г. Бѣлый, отпускная кого-нибудь съ Медвѣдевыми, всякій разъ говоритъ:

— Что бы онъ ни дѣлалъ, пожалуйста, молчите и не протестуйте.

Въ тюрьмѣ обращаютъ на себя также вниманіе два родныхъ брата, бывшіе персидскіе принцы, которыхъ и по сіе время въ шельмахъ, приходящихъ сюда изъ Персіи, титулуютъ высочествами. При сланы они за убійство, совершенное ими на Кавказѣ. Ходятъ они по-персидски, въ высокихъ мерлушковыхъ шапкахъ, збы наружу. Они еще въ разрядѣ испитуемыхъ и поэтому не имѣютъ права имѣть при себѣ деньги, и одинъ изъ нихъ жаловался, что ему не па что купить табаку, а отъ куренія, ему кажется, кашель у него становится легче. Онъ клеитъ для кашедарія конверты, довольно неуклюжіе; поглядѣвши на его работу, я сказалъ: «Очень хорошо». И, поиндигому, эта похвала доставила бывшему принцу большое удовольствіе.

Писаремъ при тюрьмѣ состоитъ каторжный Гейманъ, полный, красивый брюнетъ, служившій когда-то окологочнымъ въ московской полиціи и осужденный за растлѣніе. Въ тюрьмѣ онъ слѣдовалъ за мною по нитамъ и, когда я оглядывался, великій разъ почтительно снималъ шапку.

Здѣшній падачъ носить фамилію Мипаева; онъ изъ купеческихъ сыновъ, человекъ еще молодой. Въ тотъ день, когда я его видѣлъ, онъ, по его словамъ, накавалъ розгами 8 человекъ

голяль многіе большіе города. Бочки, пожарные насосы, топоры въ чехлахъ,—все это игрушечно и блеститъ, точно приготовлено для выставки. Ударили тревогу, изъ всѣхъ мастерскихъ тотчасъ же повыскакивали каторжные безъ шапокъ, безъ верхняго платья,—однимъ словомъ, кто въ чемъ былъ,—въ одну минуту впряглись и съ громомъ покатали по главной улицѣ къ морю. Зрѣлище было эффектное, и майоръ Ш., творецъ этого образцоваго обоза, былъ очень доволенъ и все спрашивалъ, нравится ли мнѣ. Жаль только, что вмѣстѣ съ молодыми впряглись и побѣжали также старики, которыхъ слѣдовало бы щадить, хотя бы ради ихъ слабаго здоровья.

ХІІІ.

Поро-ан-Томари.—Муравьевскій постъ.—Первая, Вторая и Третья Падь.—Соловьевка.—Лютога.—Голый мысъ.—Мицулька.—Листвничное.—Хомутовка.—Большая Елань.—Владиміровка.—Ферма или фирма.—Луговое.—Поповскія Юрты.—Березники.—Кресты.—Большое и Малое Такоэ.—Галкино-Враское.—Дубки.—Найбучи.—Море.

Обзоръ населенныхъ мѣстъ Корсаковскаго округа я начну съ селеній, которыя расположены по берегу Анивы. Первое, на четыре версты восточнѣе и южнѣе поста, называется по-японски *Поро-ан-Томари*. Основано оно было въ 1882 г. на мѣстѣ бывшей здѣсь когда-то айнской деревушки. Жителей 72: 53 м. и 19 ж. Хозяевъ 47 и изъ нихъ 38 живутъ бобылями. Какъ ни кажется просторно вокругъ селенія, а все же на каждаго хозяина приходится только $\frac{1}{4}$ дес. пахотной земли и меньше чѣмъ $\frac{1}{2}$ дес. покосной; значить, добыть больше негдѣ или очень трудно. Тѣмъ не менѣе все-таки, если бы Поро-ан-Томари было на сѣверѣ, то въ немъ давно бы уже было 200 хозяевъ и при нихъ 150 совладѣльцевъ; южная администрація въ этомъ отношеніи болѣе умѣренна и предпочитаетъ основывать новыя селенія, чѣмъ расширять старыя.

Тутъ я записалъ девять стариковъ въ возрастѣ отъ 65 до 85 лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, Янъ Рыцборскій, 75 лѣтъ, съ фізіономіей солдата временъ очаковскихъ, до такой степени старъ, что, вѣроятно, уже не помнитъ, виноватъ онъ или нѣтъ, и какъ-то странно было слышать, что все это безсрочные каторжники, злодѣи, которыхъ баронъ А. Н. Корфъ, только во вниманіе къ ихъ преклоннымъ лѣтамъ, приказалъ перевести въ поселенцы.

Костинъ, поселенецъ, спасается въ землянкѣ: самъ не выходитъ наружу и никого къ себѣ не пускаетъ, и все молится. Поселенца Горбунова зовутъ всѣ «рабомъ Божиимъ», потому что на волѣ онъ былъ странникомъ; по профессіи онъ маляръ, но служитъ пастухомъ въ Третьей Пади, быть-можетъ, изъ любви къ одиночеству и созерцанію.

Версть на 40 восточнѣе есть еще, впрочемъ, уже только на картѣ, *Муравьевскій постъ*. Основанъ онъ былъ сравнительно давно, въ 1853 г., на берегу бухты Лососей; когда же въ 1854 г. прошли слухи о войнѣ, то онъ былъ снятъ и возобновленъ лишь черезъ 12 лѣтъ на берегу залива Буссе или Двѣнадцатифутовой гавани, — такъ называется неглубокое озеро, соединенное съ моремъ протокомъ, куда могутъ входить только мелко-сидящія суда. При Мицулѣ въ немъ жило около 300 солдатъ, которые сильно болѣли пынгой. Цѣлью основанія поста было упроченіе русскаго вліянія на Южномъ Сахалинѣ; послѣ же трактата 1875 г. онъ былъ упраздненъ за ненадобностью и покинутыя избы, какъ говорятъ, сожжены были бѣглыми *).

Къ селеніямъ, которыя лежатъ западнѣе Корсаковского поста, ведетъ веселая дорога у самого моря; направо глинистыя крутизны и осыпи, кучерявія отъ зелени, а налѣво шумящее море. На пескѣ, гдѣ волны уже разбиваются въ пѣну и, точно утомленные, катятся назадъ, коричневымъ бордюромъ лежитъ по всему побережью морская капуста, выброшенная моремъ. Она издаетъ приторно-слащавый, но не противный запахъ гнѣющей водоросли, и для южнаго моря этотъ запахъ такъ же тишнченъ, какъ ежеминутный взлетъ дикихъ морскихъ утокъ, которыя развлекаютъ васъ все время, пока вы ѣдете по берегу. Пароходы и парусныя суда здѣсь рѣдкіе гости; ничего не видно ни возлѣ,

*) Тутъ когда-то были Муравьевскія копи, въ которыхъ добыча угля производилась постовыми солдатами изъ разряда штрафованныхъ, то-есть была тутъ своя маленькая каторга; назначало ихъ на работы мѣстное начальство въ наказаніе «за незначительныя, впрочемъ, преступленія» (Мицулъ). Въ чью пользу, однако, поступала бы выручка, если бы добытый солдатами уголь былъ проданъ, сказать нельзя, такъ какъ весь онъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ постройками.

До 1870 г. военными властями были основаны еще посты Чибисанскій, Очехпокскій, Мануйскій, Малковскій и многіе другіе. Всѣ они уже брошены и забыты.

ни на горизонтѣ, и потому море представляется пустыннымъ. И изрѣдка развѣ покажется неуклюжая стѣноплавка, которая движется еле-еле, иногда на ней темный, некрасивый парусъ, или каторжный бредетъ по колѣна въ водѣ и тащитъ за собою на веревкѣ бревно, — вотъ и всѣ картины.

Вотъ крутой берегъ прерывается длиною и глубокою долиною. Тутъ течетъ рѣчка Унтавай или Унта, и возлѣ была когда-то казенная Унтовская ферма, которую каторжные называли Дранкой, — понятно, почему. Въ настоящее время здѣсь тюремные огороды и стоятъ только три поселенческія избы. Это — *Первая Падь*.

Затѣмъ слѣдуетъ *Вторая Падь*, въ которой шесть дворовъ. Тутъ у одного зажиточнаго старика-крестьянина изъ ссыльныхъ живетъ въ сожительницахъ старуха, дѣвушка Ульяна. Когда-то, очень давно, она убила своего ребенка и зарыла его въ землю, на судѣ же говорила, что ребенка она не убила, а законала его живымъ, — этакъ, думала, скорбій оправдаютъ; судъ приговорилъ ее на 20 лѣтъ. Рассказывая мнѣ объ этомъ, Ульяна горько плакала, потому вытерла глаза и спросила: «Капустки кисленькой не купите ли?»

Въ *Третьей Падѣ* 17 дворовъ.

Во всѣхъ этихъ трехъ селеніяхъ жителей 46, въ томъ числѣ женщинъ 17. Хозяевъ 26. Люди здѣсь все основательные, зажиточные, имѣютъ много скота и нѣкоторые даже промышляютъ имъ. Главною причиной такого благосостоянія слѣдуетъ признать, вѣроятно, климатъ и почвенныя условія, но я думаю также, что если пригласить сюда чиновниковъ изъ Александровска или Дуэ и попросить ихъ распорядиться, то черезъ годъ же во всѣхъ трехъ Падяхъ будетъ не 26, а 300 хозяевъ, не считая совладѣльцевъ, и всѣ они окажутся «домовладельцами и самовольными» и будутъ сидѣть безъ куска хлѣба. Примѣра этихъ трехъ маленюкихъ селеній, я думаю, достаточно, чтобы, наконецъ, взять за правило, что въ настоящее время, пока еще колонія молода и не окрѣпла, чѣмъ меньше хозяевъ, тѣмъ лучше, и что чѣмъ длиннѣе улица, тѣмъ она бѣднѣе.

На четвертой верстѣ отъ поста находится *Соловьевка*, основанная въ 1882 году. Изъ всѣхъ сахалинскихъ селеній она занимаетъ наиболѣе выгодное положеніе: она при морѣ

и, кромѣ того, недалеко отъ нея находится устье рыбной рѣчки Сусун. Населеніе держитъ коровъ и торгуетъ молокомъ. Занимается также хлѣбопашествомъ. Жителей 74: 37 м. и 37 ж. Хозяевъ 26. Всѣ они имѣютъ пахотную и покосную землю, въ среднемъ по одной десятинаѣ на душу. Земля хороша только около моря, по скатамъ берега, дальше же она плоха, изъ-подъ ели и пихты.

Есть еще одно селеніе на берегу Анивы, далеко въ створѣ, верстъ за 25 или, если плыть къ нему моремъ, въ 14 миляхъ отъ поста. Оно называется *Лютота*, находится въ пяти верстахъ отъ устья рѣки того же имени и основано въ 1886 г. Сообщение съ постомъ крайне неудобное: пѣшкомъ по берегу или же на катерѣ, а для поселенцевъ — на сѣноплавкѣ. Жителей 53: 37 м. и 16 ж. Хозяевъ 33.

Что же касается береговой дороги, то она, минуя Соловьевку, около устья Сусун круто поворачиваетъ вправо и идетъ уже по направленію къ сѣверу. На картѣ Сусун своими верховьями подходитъ къ рѣкѣ Найбѣ, впадающей въ Охотское море, и вдоль этихъ обѣихъ рѣкъ, почти по прямой линіи отъ Анивы до восточнаго берега, протянулся длинный рядъ селеній, которыя соединены непрерывною дорогой, имѣющею въ длину 88 верстъ. Этотъ рядъ селеній составляетъ главную суть южнаго округа, его фizioномію, а дорога служитъ началомъ того самаго магистральнаго почтового тракта, хоторымъ хотятъ соединить Сѣв. Сахалинъ съ Южнымъ.

Я утомился или облѣнился и ужъ на югѣ работалъ не такъ усердно, какъ на сѣверѣ. Часто цѣлые дни уходили у меня на прогулки и пикники, и уже не хотѣлось ходить по избамъ, и когда мнѣ любезно предлагали помощь, то я не уклонялся отъ нея. Въ первый разъ до Охотскаго моря и назадъ я проѣхался въ обществѣ г. Бѣлаго, которому хотѣлось показать мнѣ свой округъ, а затѣмъ, когда я дѣлалъ перепись, меня всякій разъ сопровождалъ смотритель поселеній Н. И. Ярцев *).

*) Въ сентябрѣ и въ началѣ октября, исключая тѣ дни, когда дулъ нордъ-остъ, погода стояла превосходная, лѣтняя. Бдучи со мной, г. Б. жаловался мнѣ, что онъ сильно тоскуетъ по Малороссіи и что ничего ему такъ не хочется теперь, какъ посмотреть на вишню въ то время, когда она вѣстъ на деревѣ. На почтовыхъ въ надзирательскихъ онъ просыпался очень рано; проснешься на разсвѣтъ, а

Селенія южнаго округа имѣють свои особенности, которыхъ не можетъ не замѣтить человекъ, только-что прѣѣхавшій съ сѣвера. Прежде всего, здѣсь значительно меньше нищеты. Неоконченныхъ, брошенныхъ избъ или забитыхъ наглухо оконъ я не видѣлъ вовсе, и тесовая крыша здѣсь такое же заурядное и привычное для глазъ явленіе, какъ на сѣверѣ солома и корье. Дороги и мосты хуже, чѣмъ на сѣверѣ, особенно между Малымъ Такоэ и Сянцами, гдѣ въ половодье и послѣ сильныхъ дождей бываетъ непроходимая слякоть. Сами жители выглядят моложе, здоровѣе и бодрѣе своихъ сѣверныхъ товарищей, и это такъ же, какъ и сравнительное благосостояніе округа, быть-можетъ, объясняется тѣмъ, что главный контингентъ ссыльныхъ, живущихъ на югѣ, составляютъ краткосрочные, то-есть люди по преимуществу молодые и въ меньшей степени изнуренные каторгой. Встрѣчаются такіе, которымъ еще только 20—25 лѣтъ, а они уже отбыли каторгу и сидятъ на участкахъ, и не мало крестьянъ изъ ссыльныхъ въ возрастѣ между 30 и 40 годами *). Въ пользу южныхъ селеній говорить также и то обстоятельство, что здѣшніе крестьяне не торопятся уѣзжать на материкъ: такъ, въ только-что описанной Соловьевкѣ изъ 26 хозяевъ 16 имѣють крестьянское званіе. Женщинъ очень мало: есть селенія, гдѣ нѣтъ ни одной женщины. Сравнительно съ мужчинами онѣ выглядят въ

онъ стоитъ у окна и читаетъ въ полголоса: «Блѣый свѣтъ занялся надъ столицей, крѣпко спать молодая жена...» И г. Я. тоже все читалъ наизусть стихотворенія. Бывало, какъ скучно станеть въ дорогѣ, попросишь его прочесть что-нибудь, и онъ прочтетъ съ чувствомъ какое-нибудь длинное стихотвореніе, а то и два.

*) По той же причинѣ, напримѣръ, въ Кореаковскомъ посту поселенцы въ возрастѣ отъ 20 до 45 лѣтъ составляютъ 70% всего числа жителей. Прежде былъ скорѣе обычай, чѣмъ правило, при распредѣленіи вновь прибывающихъ арестантовъ по округамъ, назначать краткосрочныхъ, какъ менѣе преступныхъ и закоренѣлыхъ, на югъ, гдѣ теплѣе. Но, при опредѣленіи долго-и краткосрочныхъ по статейнымъ спискамъ, не всегда соблюдалась необходимая осторожность. Такъ, бывшій начальникъ острова ген. Гинне, какъ-то пропитывая на пароходѣ статейные списки, самъ отобралъ краткосрочныхъ и назначилъ ихъ къ отправкѣ на югъ; потомъ же среди этихъ счастливицевъ оказалось 20 бродягъ и непомятыхъ, то-есть самыхъ закоренѣлыхъ и безнадежныхъ. Въ настоящее время упомянутый обычай, повидимому, уже оставленъ, такъ какъ на югъ присылаются долгосрочные и даже безсрочные, а въ страшной Воеводской тюрьмѣ и въ рудникѣ я встрѣчалъ краткосрочныхъ.

большинствѣ больными и старухами, и приходится вѣрить здѣшнимъ чиновникамъ и поселенцамъ, которые жалуются, что съ сѣвера всякій разъ присылаютъ имъ однихъ только «завалыщенькихъ», а молодыхъ и здоровыхъ оставляютъ себѣ. Докторъ З—кій говорилъ мнѣ, что какъ-то, исполняя должность тюремнаго врача, онъ вздумалъ осмотрѣть партію вновь прибывшихъ женщинъ, и всѣ онѣ оказались съ женскими болѣзнями.

На югѣ въ обиходѣ совѣмъ не употребляется слово совладѣлецъ или половинщикъ, такъ какъ здѣсь на каждый участокъ полагается только по одному хозяину, но такъ же, какъ и на сѣверѣ, есть хозяева, которые лишь причислены къ селенію, но домовъ не имѣютъ. Какъ въ посту, такъ и въ селеніяхъ совѣмъ нѣтъ евреевъ. Въ избахъ на стѣнахъ встрѣчаются японскія картинки; приходилось также видѣть японскую серебряную монету.

Первое селеніе по Сусуѣ — *Голой Мысъ*; существуетъ оно лишь съ прошлаго года и избы еще не достроены. Здѣсь 24 мужчины и ни одной женщины. Стоитъ селеніе на бурѣ, который и раньше назывался голымъ мысомъ. Рѣчка здѣсь не близко отъ жилья, — надо къ ней спускаться; колодца нѣтъ.

Второе селеніе — *Мицулка*, названное такъ въ честь М. С. Мицуля *). Когда дороги еще не было, то на мѣстѣ

*) Въ экспедиціи 1870 г., посланной изъ Петербурга подъ начальствомъ Власова, принималъ участіе также агрономъ Михаилъ Семёновичъ Мицунъ, человекъ рѣдкаго нравственнаго закала, труженникъ, оптимистъ и идеалистъ, увлекавшійся и, притомъ, обладавшій способностью сообщать свое увлеченіе и другимъ. Ему въ ту пору было около 35 лѣтъ. Къ возложенному на него порученію онъ отнесся съ замѣчательною добросовѣстностью. Изведя почву, флору и фауну Сахалина, онъ пеходилъ въкомъ пылившіе Александровскій и Тымовскій округа, западное побережье, всю южную часть острова; тогда на островѣ совѣмъ не было дорогъ, лишь кое-гдѣ попадались жалкія тропинки, исчезавшія въ тайгѣ и болотахъ, и всякое передвиженіе, колное или иное, было истиннымъ мученіемъ. Идея ссыльно-хозяйственной колоніи поразила и увлекла Мицуна. Онъ отдался ей всею душой, полюбилъ Сахалинъ и, подобно тому, какъ мать не видитъ въ своемъ любимомъ дѣтисѣ недостатковъ, такъ онъ на островѣ, который сдѣлался его второю родиной, не замѣчалъ промерзлой почвы и тумановъ. Онъ находилъ его цвѣтущимъ уголкомъ земли, и этому не могли мѣшать ни метеорологическія данныя, которыхъ впрочемъ тогда почти не было, ни горькій опытъ прошлыхъ лѣтъ, къ которому онъ относился, повидимому, недоверчиво. А тутъ

теперешней Мицульки стояла станція, на которой держали лошадей для чиновниковъ, ѣдущихъ по казенной надобности; конюхамъ и работникамъ позволено было строитья до срока, и они поселились около станціи и завели собственныя хозяйства. Дворовъ тутъ только 10, а жителей 25: 16 м. и 9 ж. Послѣ 1886 г. окружной начальникъ не позволялъ уже никому селиться въ Мицулкѣ, и хорошо дѣлалъ, такъ какъ земля здѣсь неважная и луговъ хватаетъ только на десять дворовъ. Теперь въ селеніи 17 каровъ и 13 лошадей, не считая мелкаго скота, и въ казенной вѣдомости показаны 64 курицы, но всего этого не станетъ вдвое больше, если удвоить число дворовъ.

Говоря объ особенностяхъ селеній южнаго округа, я забылъ упомянуть еще объ одной: здѣсь часто отравляются борцомъ (*Aconitum Napellus*). Въ Мицулкѣ у пос. Такого свинья отравилась борцомъ; онъ сжадничалъ и поѣлъ ея печенки, и едва не умеръ. Когда я былъ у него во вѣзбѣ, то онъ стоялъ черезъ силу и говорилъ слабымъ голодомъ, но о печенкѣ рассказывалъ со смѣхомъ, и по его все еще опухшему, сине-багровому лицу можно было судить, какъ дорого обоилась ему эта печенка. Немного раньше его отравился борцомъ старикъ Коньковъ и умеръ, и домъ его теперь пустуетъ. Этотъ домъ составляетъ одну изъ достопримѣчательностей Мицульки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывший смотритель тюрьмы, Л., принявши какое-то вьющееся растеніе за виноградъ, доложилъ генералу Гинце, что въ Южномъ Сахалинѣ есть виноградъ, который съ успѣхомъ можно культивировать. Генералъ Гинце немедленно приказалъ узнать, нѣтъ ли среди арестантовъ челоуѣка, работавшаго когда-либо на виноградникахъ. Такой скоро нашелся. Это былъ поселенецъ Раевскій, мужчина, но преданію, очень высокаго роста. Онъ объявилъ себя специалистомъ, ему повѣрили и на первомъ же отходящемъ пароходѣ отправили при бумагѣ изъ Александровскаго поста въ Корсаковскій.

еще дикій виноградъ, бамбукъ, гигантскій ростъ травъ, японцы... Дальнѣйшая исторія острова застаётъ его уже завѣдующимъ, статскимъ совѣтникомъ, все еще увлекшимся и неутомимо работающимъ. Умеръ онъ на Сахалинѣ отъ тяжелаго перваго разстройства, 41 года. И я видѣлъ его яогилу. Постъ него осталась книга *Очеркъ острова Сахалина въ сельско-хозяйственномъ отношеніи*, 1873 года. Это длинная ода въ честь сахалинскаго плодородія.

Тутъ его спросили: «Заѣмъ пріѣхалъ?» Онъ отвѣтилъ: «Разводитъ виноградъ». Посмотрѣли на него, прочли бумагу и только плечами пожали. Виноградарь пошелъ бродить по округу, заломивъ шапку; такъ какъ онъ былъ командированъ начальникомъ острова, то не считъ нужнымъ явиться къ смотрителю поселеній. Произошло недоразумѣніе. Въ Мицукльѣ его высокой ростъ и достоинство, съ какимъ онъ держалъ себя, показались подозрительными, его приняли за бродягу, связали и отправили въ постъ. Тутъ долго держали его въ тюрьмѣ и наводили справки, потомъ выпустили. Въ концѣ-концовъ, онъ поселился въ Мицукльѣ, здѣсь и умеръ, а Сахалинъ такъ и остался безъ виноградниковъ. Домъ Раевского пошелъ въ казну за долгъ и былъ проданъ Конькову за 15 рублей. Старикъ Коньковъ, когда платилъ деньги за домъ, лукаво подмигнулъ глазомъ и сказалъ окружному начальнику: «А вотъ, погодите, умру, и вы опять съ этимъ домомъ хлопотать будете». И въ самомъ дѣлѣ, въ скоромъ времени отравился борцомъ и теперь казнь опять приходится возиться съ домомъ *).

Въ Мицукльѣ живетъ сахалинская Гретхенъ, дочь поселенца Николаева, Таня, уроженка Псковской губ., 16 лѣтъ. Она бѣлокура, тонка и черты у нея тонкія, мягкія, нѣжныя. Ее уже просватали за надзирателя. Бывало, ѣдешь черезъ Мицуклу, а она все сидитъ у окна и думаетъ. А о чемъ можетъ думать молодая, красивая дѣвушка, попавшая на Сахалинъ, и о чемъ она мечтаетъ, — извѣстно, должно-быть, одному только Богу.

Въ пяти верстахъ отъ Мицукли находится новое селе-

*) Одинъ сельско-каторжный подалъ мнѣ что-то въ родѣ прошенія съ такимъ заглавіемъ: «Конфиденціально. Кое-что изъ нашего захолустья. Великодушному и благосклонному литератору господину Ч., осчастливленному посѣщеніемъ недостойный о-въ Сахалинъ. Постъ Юрсакоевскій». Въ этомъ прошеніи я нашелъ стихотвореніе подъ заглавіемъ *Борецъ*:

Горделиво растеть надъ рѣкой,
 На болотистомъ мѣстѣ, въ лощинѣ.
 Листикъ тотъ синий — красивый такой,
 Акоштомъ слыветъ въ медицинѣ.
 Этотъ корень борца,
 Посаженный рукою Творца,
 Часто народъ соблазняетъ,
 Въ могилу кладеть,
 Къ Аврааму на доно ссылаеть.

нѣ *Лиственничное*, и дорога здѣсь идетъ просѣкой черезъ лиственничный лѣсъ. Называется она также Христофоровкой, потому, что когда-то гилякъ Христофоръ ставилъ здѣсь на рѣкѣ негли для соболей. Выборъ этого мѣста подь селеніе нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ почва здѣсь дурная, неподная для культуры *). Жителей 15. Женщинъ нѣтъ.

Немного дальше, на рѣкѣ Христофоровкѣ, нѣсколько каторжныхъ занимались когда-то разными подѣлками изъ дерева; имъ разрѣшено было построишься до срока. Но мѣсто, гдѣ они поселились было признано неудобнымъ, и въ 1886 г. ихъ четыре избы были перенесены на другое мѣсто, къ сѣверу отъ Лиственничнаго версты на четыре, что и послужило основаніемъ для селенія *Хомутовки*. Называется оно такъ потому, что поселенецъ изъ вольныхъ крестьянннъ Хомутовъ, занимался здѣсь когда-то охотой. Жителей 38: 25 м. и 13 ж. Хозяевъ 25. Это одно изъ самыхъ неинтересныхъ селеній, хотя, впрочемъ, и оно можетъ похвалиться достопримѣчательностью: въ немъ живетъ поселенецъ Броновскій, извѣстный всему югу, какъ страстный и неутомимый воръ.

Далѣе, черезъ три версты, находится селеніе *Большая Елань*, основанное года два тому назадъ. Еланями здѣсь называются прирѣчныя долины, въ которыхъ растутъ ильма, дубъ, боярка, бузина, ясень, береза. Обыкновенно онѣ бывають защищены отъ холодныхъ вѣтровъ, и въ то время, какъ на сосѣднихъ горахъ и трясинахъ растительность поражаетъ своею скудостью и мало отличается отъ полярной, здѣсь, въ еланяхъ, мы встрѣчаемъ роскошныя рощи и траву раза въ два выше человѣческаго роста; въ лѣтніе, не пасмурные дни земля здѣсь, какъ говорится, парить, во влажномъ воздухѣ становится душно, какъ въ банѣ, и согрѣтая почва гонитъ всѣ злаки въ соломѣ, такъ что въ одинъ мѣсяць, напримѣръ, рожь достигаетъ почти сажени вышины. Эти елани, напоминающія малороссу род-

*) Для тѣхъ, кто выбираетъ мѣста подь новыя селенія, лпственница служитъ признакомъ дурной, болотистой почвы. Такъ какъ подпочва-глица не пропускаетъ воду, то образуется торфъ, появляются бугульникъ, клеква, мохъ, сама лпственница портится, дѣлается корявой, покрывается ягелемъ. Поэтому-то здѣсь лпственницы небрасивы, мелкостволны и высыхають, не доживъ до старости.

ныя лѣвды, гдѣ дуга чередуются съ садами и рощами. наиболѣе пригодны для поселеній *)).

Жителей въ Большой Еланн 40: 32 м. и 8 ж. Хозяевъ 30. Когда поселенцы раскорчевывали землю подъ свои усадьбы, то имъ было приказано щадить старыя деревья, гдѣ это возможно. И селеніе, благодаря этому, не кажется новымъ, потому что на улицѣ и во дворахъ стоятъ старыя, широколиственные пльмы, — точно ихъ дѣды посадили.

Изъ здѣшнихъ поселенцевъ обращаютъ на себя вниманіе братья Бабичи, изъ Кіевской губ.; сначала они жили въ одной избѣ, потомъ стали ссориться и просить начальство, чтобы ихъ раздѣлили. Одинъ изъ Бабичей, жалуясь на своего родного брата, выразился такъ: «Я боюсь его, какъ змія».

Еще черезъ пять верстъ — селеніе *Владиміровка*, основанное въ 1881 году и названное такъ въ честь одного майора, по имени Владимира, завѣдывавшаго каторжными работами. Поселенцы зовутъ ее также Черною Рѣчкой. Жителей 91: 55 м. и 36 ж. Хозяевъ 46, изъ нихъ 19 живутъ бобылями и сами доятъ коровъ. Изъ 27 семей только 6 законныя. Какъ сельско-хозяйственная колонія, это селеніе стѣнитъ обонхъ сѣверныхъ округовъ, взятыхъ вмѣстѣ, а, между тѣмъ, изъ массы женщинъ, приходящихъ на Сахалинъ за мужьями, свободныхъ и неспорченныхъ тюрьмой, то-есть наиболѣе цѣнныхъ для колоніи, здѣсь поселена только одна, да и та недавно заключена въ тюрьму по подозрѣнію въ убійствѣ мужа. Несчастныя женщины свободнаго состоянія, которыхъ сѣверные чиновники томятъ въ Ду» въ «казармахъ для семейныхъ», пригодилась бы здѣсь какъ нельзя кстати: во Владиміровкѣ одного рогаатаго скота больше 100 головъ, 40 лошадей, хорошіе покосы, но нѣтъ хозяйскъ и, значитъ, нѣтъ настоящихъ хозяйствъ **).

*) Тутъ растутъ пробковое дерево и виноградъ, но они вырождаются и такъ же мало похожи на своихъ предковъ, какъ сахалинскій бамбуковый тростникъ на цейлонскій бамбукъ.

***) Въ одномъ изъ своихъ приказовъ ген. Копоновичъ удостовѣряетъ, что отчасти по причинѣ своего изолированнаго положенія и затруднительности сообщеній съ нимъ, отчасти вѣдѣтвіе различныхъ частныхъ соображеній и расчетовъ, которые на глазахъ моихъ предшественниковъ разъядали дѣло и портили его вездѣ, куда только достигло ихъ тлетворное дыханіе, Корсаковскій округъ постоянно былъ обходимъ и обдѣляемъ, и что ни одна изъ самыхъ вопіющихъ нуждъ его не была разобрана, удовлетворена или представлена на разрѣшеніе» (приказъ № 318-й, 1889 г.).

Во Владиміровкѣ, при казенномъ домѣ, гдѣ живетъ смотритель поселеній г. Я. со своей женой акушеркой, находится сельско-хозяйственная ферма, которую поселенцы и солдаты называютъ фирмой. Г. Я. интересуется естественными науками и особенно ботаникой, растенія называетъ не иначе, какъ по-латыни, и когда у него подають за обѣдомъ, напримѣръ, фасоль, то онъ говоритъ: «Это—*faseolus*». Своей черной собачонкѣ онъ далъ кличку *Favus*. Изъ всѣхъ сахалинскихъ чиновниковъ онъ наиболѣе свѣдуещъ въ агрономіи и относится къ дѣлу добросовѣстно и любовно, но на его образцовой фермѣ урожаи часто бывають хуже, чѣмъ у поселенцевъ, и это вызываетъ всеобщее недоумѣніе и даже насмѣшки. По-моему, эта случайная разница въ урожаяхъ имѣетъ такое же отношеніе къ г. Я., какъ и ко всякому другому чиновнику. Ферма, на которой нѣтъ ни метеорологической станціи, ни скота, хотя бы для навоза, ни породичныхъ построекъ, ни знающаго человѣка, который отъ утра до вечера занимался бы только хозяйствомъ, — это не ферма, а въ самомъ дѣлѣ одна лишь фирма, то-есть пустая забава подъ фирмой образцоваго сельскаго хозяйства. Даже опытнымъ полемъ нельзя назвать эту фирму, такъ какъ въ ней только пять десятинъ и по качествамъ своимъ, какъ сказано въ одной казенной бумагѣ, земля нарочно выбрана ниже средняго достоинства. «съ цѣлью показать населенію примѣромъ, что при извѣстномъ уходѣ и лучшей обработкѣ можно и на ней добиться удовлетворительнаго результата».

Здѣсь, во Владиміровкѣ, произошла любовная исторія. Нѣкій Вуколь Поповъ, крестьянинъ, засталъ свою жену съ отцомъ, размахнулся и убилъ старика. Его приговорили къ каторжнымъ работамъ, прислали въ Корсаковскій округъ и тутъ опредѣлили на фирму, къ г. Я., въ кучера. Это былъ богатырскаго сложенія человѣкъ, еще молодой и красивый, характера кроткаго и сосредоточеннаго, — все, бывало, молчить и о чемъ-то думать, — и съ перваго же времени хозяева стали довѣрять ему и, когда увѣжали изъ дому, то знали, что Вуколь и денегъ не вытащитъ изъ комода, и спирта въ кладовой не выпьетъ. Жениться на Сахалинѣ ему было нельзя, такъ какъ на родинѣ оставалась у него жена и развода ему не давала. Таковъ приблизительно герой. Геронья—сильно-каторжная Елена Тертыш-

ная, сожительница поселенца Кошелева, баба вздорная, глухая и некрасивая. Она стала ссориться со своимъ сожителемъ, тотъ пожаловался и окружной начальникъ въ наказаніе назначилъ ее работницей на фирму. Тутъ увидѣлъ ее Вуколь и влюбился. Она его тоже полюбила. Сожитель Кошелевъ, вѣроятно, замѣтилъ это, потому что сталъ усердно просить ее, чтобъ она вернулась къ нему.

— Ну, да, ладно, знаю васъ!—говорила она.— Женись на мнѣ, тогда пойду.

Кошелевъ подаль докладную записку о вступленіи въ бракъ съ дѣвщицей Тертышной, и начальство разрѣшило ему этотъ бракъ. Между тѣмъ, Вуколь объяснялся Еленѣ въ любви, умоляя ее жить съ нимъ: она тоже искренно клялась въ любви и при этомъ говорила ему:

— Приходи такъ—я могу, а жить постоянно—нѣтъ: ты женатый, а мое дѣло женское, должна я о себѣ подумать, пристронься за хорошаго человѣка.

Когда Вуколь узналъ, что она просватана, то пришелъ въ отчаяніе и отравился борцомъ. Елену потомъ допрашивали, и она созналась: «Я съ нимъ четыре ночи почевала». Рассказывали, что недѣли за двѣ до смерти онъ, глядя на Елену, мывницую полъ, говорилъ:

— Эхъ, бабы, бабы! На каторгу изъ-за бабы пошелъ и тутъ, должно, изъ-за бабы придется кончить!

Во Владиміровкѣ я познакомился съ ссыльнымъ Василіемъ Смирновымъ, присланнымъ за поддѣлку кредитныхъ бумажекъ. Онъ отбылъ каторгу и поселенчество и занимается теперь охотой на соболей, что, повидимому, доставляетъ ему большое удовольствіе. Онъ рассказывалъ мнѣ, что когда-то фальшивыя бумажки давали ему по 300 рублей въ день, но попался онъ послѣ того ужъ, какъ бросилъ этотъ промыселъ и занялся честнымъ трудомъ. О фальшивыхъ бумажкахъ разсуждаетъ тономъ специалиста; по его мнѣнію, поддѣлывать тенерешнія кредитки можетъ даже баба. О прошломъ говорить онъ спокойно, не безъ пропіи, и очень гордится тѣмъ, что его когда-то на судѣ защищалъ г. Плевако.

Тотчасъ за Владиміровкой начинается громадный лугъ въ нѣсколько сотъ десятинъ; онъ имѣетъ видъ полукруга, версты четыре въ діаметрѣ. У дороги, гдѣ онъ кончается, стоитъ селеніе *Луговое* или Лужки, основанное въ 1888 г. Здѣсь 69 мужчинъ и только 5 женщинъ.

Далѣ слѣдуетъ опять короткій промежутокъ въ 4 версты, и мы въѣзжаемъ въ *Поповскія Юрты*, селеніе, основанное въ 1884 г. Его хотѣли назвать Ново-Александровкой, но это названіе не привились. Поѣхали о. Симеонъ Казанскій, или, по-просту, пошъ Семень, на собакахъ въ Найбучи «постить» солдатъ, на обратномъ пути его захватила сумасшедшая вьюга и онъ сильно захворалъ (другіе же говорятъ, что онъ возвращался изъ Александровска). Къ счастью, попались анскія рыбацкія юрты. онъ пріютился въ одной изъ нихъ, а своего возницу послалъ во Владиміровку, гдѣ тогда жили вольные поселенцы; эти пріѣхали за нимъ и доставили его еле-живого въ Корсаковскій постъ. Послѣ этого анскія юрты стали называться поповскими: это названіе удержала за собою и мѣстность.

Сами поселенцы зовутъ свое селеніе также Варшавой, такъ какъ въ немъ много католиковъ. Жителей 111: 95 м. и 16 жен. Изъ 42 хозяевъ семейно живутъ только 10.

Поповскія Юрты стоятъ какъ разъ на срединѣ пути между Корсаковскимъ постомъ и Найбучи. Тутъ кончается бассейнъ рѣки Суеун и, послѣ некрутого, едва замѣтнаго перевала черезъ водораздѣльный хребетъ, мы спускаемся въ долину, орошаемую Найбой. Первое селеніе этого бассейна находится въ 8 верстахъ отъ Юртъ и называется *Березники*, потому что около когда-то было много березы. Изъ всѣхъ южныхъ селеній это самое большое. Тутъ жителей 159: 142 м. и 17 ж. Хозяевъ 140. Уже есть четыре улицы и площадь, на которой, какъ предполагаютъ, со временемъ будутъ выстроены церковь, телеграфная станція и домъ смотрителя поселеній. Предполагаютъ также, что если колонизація удастся, то въ Березникахъ будетъ волость. Но это селеніе очень скучно на видъ, и люди въ немъ скучные, и думаютъ они не о волости, а только о томъ, какъ бы скорѣе отбыть срокъ и уѣхать на материкъ. Одинъ поселенецъ на вопросъ, женатъ ли онъ, отвѣтилъ мнѣ со скукой: «Былъ женатъ и убилъ жену». Другой, страдающій кровохарканіемъ, узнавъ, что я врачъ, все ходилъ за мной и спрашивалъ, не чахнетъ ли у него, и пылливо засматривалъ мнѣ въ глаза. Ему было страшно отъ мысли, что онъ не дождется крестьянскихъ правъ и умретъ на Сахалинѣ.

Далѣе черезъ 5 верствъ слѣдуетъ селеніе *Кресты*, осно-

ванное въ 1885 г. Тутъ когда-то были убиты двое бродягъ и на мѣстѣ ихъ могила стояли кресты, которыхъ теперь уже нѣтъ; или иначе: хвойный лѣсъ, который давно уже вырубленъ, пересѣкалъ здѣсь когда-то елань въ видѣ креста. Оба объясненія поэтичны; очевидно, названіе Кресты дано самимъ населеніемъ.

Находятся Кресты на рѣкѣ Такоэ, какъ разъ при впаденіи въ нее притока; почва—суглинокъ съ хорошимъ налетомъ ила, урожай бываютъ почти каждый годъ, луговъ много и люди, по счастью, оказались порядочными хозяевами: но въ первые годы селеніе мало отличалось отъ Верхняго Армудана и едва не погибло. Дѣлю въ томъ, что посажено было здѣсь на участки сразу 30 человекъ; это было какъ разъ то время, когда изъ Александровска долго не присылали инструментовъ, и поселенцы отирались къ мѣсту буквально съ голыми руками. Изъ жалости имъ были даны изъ тюрьмы старые топоры, чтобы они могли нарубить себѣ лѣсу. Потомъ цѣлыхъ три года подъ рядъ имъ не выдавали скота,—по той же причинѣ, но какой изъ Александровска не присылали инструментовъ.

Жителей 90: 63 м. и 27 ж. Хозяевъ 52.

Здѣсь есть лавочка, въ которой торгуетъ отставной фельдфебель, бывшій ранѣе надзирателемъ въ Тымовскомъ округѣ: торгуетъ онъ бакалейнымъ товаромъ. Есть и мѣдные браслеты, и сардинки. Когда я пришелъ въ лавочку, то фельдфебель принялъ меня, вѣроятно, за очень важнаго чиновника, потому что вдругъ безъ всякой надобности доложилъ мнѣ, что онъ былъ когда-то замѣшанъ въ чемъ-то, но оправданъ, и сталъ торопливо показывать мнѣ разныя одобрительныя аттестаціи, показалъ, между прочимъ, и письмо какого-то г. Шнейдера, въ концѣ котораго, помнится, есть такая фраза: «а когда потецѣветъ, жарьте талыи». Потомъ фельдфебель, желая доказать мнѣ, что онъ уже никому не долженъ, принялся рыться въ бумагахъ и искать какія-то расписки, и не нашелъ ихъ, и я вышелъ изъ лавочки, унося съ собою увѣренность въ его полной невинности и фунтъ простыхъ мужичиныхъ конфетъ, за которыя онъ, однако, содралъ съ меня полтинникъ.

Слѣдующее послѣ Крестовъ селеніе находится у рѣки съ японскимъ названіемъ Такоэ, впадающей въ Найбу. Долина этой рѣки называется Такоёской и знаменита она тѣмъ,

что на ней когда-то жили вольные поселенцы. Селение *Большое Такоэ* существует официально съ 1884 г., но основано было гораздо раньше. Хотѣли назвать его Власовскимъ въ честь г. Власова, но названіе это не удержалось. Жителей 71: 56 м. и 15 ж. Хозяевъ 47. Здѣсь живетъ постоянно класный фельдшеръ, котораго поселенцы называютъ перwokласснымъ. За недѣлю до моего прѣзда отравилась борцомъ его жена, молодая женщина.

Вблизи селенія, а особенно по дорогѣ къ Крестамъ, встрѣчаются преезодныя строевыя ели. Вообще много зелени, и, притомъ, сочной, яркой, точно умытой. Флора Такоёской долины несравненно богаче, чѣмъ на сѣверѣ, но сѣверный пейзажъ живѣе и чаще напоминаетъ мнѣ Россію. Правда, природа тамъ печальна и сурова, но сурова она по-русски, здѣсь же она улыбается и груститъ, должно быть, по-аннеки и вызываетъ въ русской душѣ неопредѣленное настроеніе *).

Въ Такоёской же долинѣ, въ 4½ верст. отъ Большого, находится *Малое Такоэ* на небольшой рѣчункѣ, впадающей въ Такоэ **). Основано селеніе въ 1885 г. Жителей 52: 37 м. и 15 ж. Хозяевъ 35. Изъ нихъ живутъ семейно только 9, и нѣтъ ни одной вѣнчанной пары.

Дальше, въ 8 верстахъ, на мѣстѣ, которое у японцевъ и аннцевъ называлось Сянча и гдѣ когда-то стоялъ японскій рыбный сарай, находится селеніе *Галкино-Враское* или Сянча, основанное въ 1884 г. Мѣстоположеніе красивое—при впаденіи Такоэ въ Найбу, но очень неудобное. Весною и осенью, да и лѣтомъ въ дождливую погоду, Найба, капризная, какъ все вообще горныя рѣки, разливаются и затопляютъ Сянчу; сильное теченіе запираетъ входъ для

*) Въ верстѣ отъ Большого Такоэ на рѣкѣ стоитъ мельница, построенная по приказанію ген. Кополовича нѣмцемъ Лаксомъ, котораго онъ же построилъ мельницу и на Тыми близъ Дербинскаго. На такоёской мельницѣ берутъ за помоль по 1 ф. муки и 1 коп. съ пуда, Поселенцы довольны, потому что раньше платили по 15 коп. съ пуда или же мололи дома на ручныхъ мельницахъ собственнаго издѣлія, съ пльмовыми жерновами. Для мельницы пришлось рыть каналъ и строить плотину.

**) Я не называю мелкихъ притоковъ, на которыхъ стоятъ селенія Суеуёскаго и Найбинскаго бассейновъ, потому что все они имѣютъ трудно усвоаемыя аннекія или японскія названія, въ родѣ Экуреки или Фуфкасаманай.

Такоэ и эта тоже выходитъ изъ береговъ; то же происходитъ и съ мелкими рѣчками, впадающими въ Такоэ. Галкино-Враское представляетъ изъ себя тогда Венецію и ѣздятъ по немъ на аннскихъ лодкахъ; въ избахъ, построенныхъ на низинѣ, полъ бываетъ залитъ водой. Мѣсто для селенія выбиралъ нѣккій г. Ивановъ, понимающій въ этомъ дѣлѣ такъ же мало, какъ въ гиляцкомъ и аннскомъ языкахъ, переводчикомъ которыхъ онъ официально считается; впрочемъ, въ ту пору онъ былъ помощникомъ смотрителя тюрьмы и исправлялъ должность пинъшваго смотрителя поселеній. Анцы и поселенцы предупреждали его, что мѣсто тутъ топкое, но онъ не слушалъ ихъ. Кто жаловался, тѣхъ сбѣкли. Въ одно изъ наводненій погибъ быкъ, въ другое—лошадь.

Впаденіе Такоэ въ Найбу образуетъ полуостровъ, на который ведетъ высокій мостъ. Тутъ очень красиво; мѣсто какъ разъ соловьиное. Въ надзирательской свѣтло и очень чисто, есть даже каминъ. Съ террасы видъ на рѣку, во дворѣ садикъ. Сторожемъ здѣсь старикъ Савельевъ, каторжный, который, когда здѣсь ночуютъ чиновники, служить за лакея и повара. Какъ-то, прислуживая за обѣдомъ мнѣ и одному чиновнику, онъ подалъ что-то не такъ, какъ нужно, и чиновникъ крикнулъ на него строго: «Дуракъ!» Я посмотрѣлъ тогда на этого безответнаго старика и, помнясь, подумалъ, что русскій интеллигентъ до сихъ поръ только и сумѣлъ сдѣлать изъ каторги, что самымъ пошлымъ образомъ свелъ ее къ крѣпостному праву.

Жителей въ Галкинѣ-Враскомъ 74: 50 м. и 24 ж. Хозяевъ 45 и изъ нихъ 29 имѣютъ крестьянское званіе.

Послѣднее селеніе по тракту — *Дубки*, основанное въ 1886 г. на мѣстѣ бывшаго здѣсь дубоваго лѣса. На странствѣ 8 верстъ, между Сіянцами и Дубками, встрѣчаются горѣлые лѣса и между ними луговины, на которыхъ, говорятъ, растетъ капорскій чай. Когда ѣдешь, показываютъ, между прочимъ, рѣчку, гдѣ поселенецъ Маловѣчинъ ловилъ рыбу; теперь эта рѣчка носитъ его имя. Жителей въ Дубкахъ 44: 31 м. и 13 ж. Хозяевъ 30. Мѣстоположеніе считается хорошимъ по теоріи, что тамъ, гдѣ растетъ дубъ, почва должна быть хороша для пшеницы. Большая часть площади, которая занята теперь подъ пашней и покосомъ, недавно еще была болотомъ, но поселенцы,

по совѣту г. Я., выкопали канаву до Найбы, въ сажень глубины, и теперь стало хорошо.

Быть-можетъ, оттого, что это маленькое селеніе стоитъ съ краю, какъ бы особнякомъ, здѣсь значительно развиты картежная игра и пристанодержательство. Въ іюнѣ здѣшній поселенецъ Лифановъ проигрался и отравился бордомъ.

Отъ Дубковъ до устья Найбы остается только 4 версты, на пространствѣ которыхъ селиться уже нельзя, такъ какъ у устья заболочина, а по берегу моря песокъ и растительность песчано-морская: шиповникъ съ очень крупными ягодами, волосянецъ и проч. Дорога продолжается до моря, но можно проѣхать и по рѣкѣ, на алясской лодкѣ

У устья стоялъ когда-то постъ *Найбуи*. Онъ былъ основанъ въ 1866 г. Мицудъ засталъ здѣсь 18 построекъ, жилыхъ и не жилыхъ, часовню и магазинъ для провіанта. Одинъ корреспондентъ, бывшій въ Найбуи въ 1871 г., пишетъ, что здѣсь было 20 солдатъ подъ командой юнкера: въ одной изъ избъ красивая высокая солдатка угостила его свѣжими яйцами и чернымъ хлѣбомъ, хвалила здѣшнее житье и жаловалась только, что сахаръ очень дорогъ *). Теперь и слѣда нѣтъ тѣхъ избъ, и красивая высокая солдатка, когда оглянешься кругомъ на пустыню, представляется какимъ-то мнѣмъ. Тутъ строятъ новый домъ, надзирательскую или станцію, и только. Море на видъ холодное, мутное, реветъ и высокія сѣдыя волны бьются о песокъ, какъ бы желая сказать въ отчаяніи: «Боже, зачѣмъ ты насъ создалъ?» Это уже Великій или Тихій океанъ. На этомъ берегу Найбуи слышно, какъ на постройкѣ стучатъ топорами каторжные, а на томъ берегу, далеко, воображаемомъ, Америка. Налѣво видны въ туманѣ сахалинскіе мысы, направо тоже мысы... а кругомъ ни одной живой души, ни птицы, ни мухи, и кажется непонятнымъ, для кого здѣсь режутъ волны, кто ихъ слушаетъ здѣсь по ночамъ, что имъ нужно и, наконецъ, для кого онѣ будутъ реветъ, когда я уйду. Тутъ, на берегу, овладѣваютъ не мысли, а именно думы; жутко и, въ то же время, хочется безъ конца стоять, смотрѣть на однообразное движеніе волнъ и слушать ихъ грозный ревъ.

*) *Мицудъ В. Виттефтъ*. «Два слова объ о-вѣ Сахалинѣ». *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1872 г., №№ 7, 17 и 34.

Оглавление

XV ТОМА.

СТР.

I. Г. Николаевскъ на Амурѣ.—Пароходъ <i>Байкаль</i> .—Мысъ Пронге и входъ въ Лиманъ.—Сахалинъ полуостровъ.—Лаперузовъ, Браунтовъ, Крузенштерновъ и Невельской.—Японскіе изслѣдователи.—Мысъ Джаоре.—Татарскій берегъ.—Де-Кастри.	3
II. Краткая географія.—Прибытіе въ Сѣверный Сахалинъ.—Пожаръ.—Пристань.—Въ Слободѣ.—Обѣды у г. Л.— Знакомства.—Ген. Кононовичъ.—Пріѣздъ генералъ-губернатора.—Обѣды и иллюминація	17
III. Перепись.—Содержаніе статистическихъ карточекъ.— О чемъ я спрашивалъ и какъ отвѣчали мнѣ.—Изда и ея жильцы.—Мнѣнія сельскихъ о переписи	31
IV. Рѣка Дуйка.—Александровская долина.—Слободка Александровка.—Бродяга Красный.—Александровскій постъ.—Его прошлое.—Юрты.—Сахалинскій Парижъ	40
V. Александровская ссыльно-каторжная тюрьма.—Общія камеры.—Кандальвыя.—Золотая Ручка.—Отхожія мѣста.—Майданъ.—Каторжныя работы въ Александровскѣ.—Прислуга.—Мастерскія	51
VI. Разсказъ Егора	64
VII. Маиы.—Корсаковское.—Коллекція д-ра П. П. Суруненко.—Метеорологическая станція.—Климатъ Александровскаго округа.—Ново-Михайловка.—Потемкинъ.—Эксп-палачъ Терскій.—Красный-Яръ.—Бутаково	70
VIII. Рѣка Аркай.—Арковскій кордонъ.—Первое, Второе и Третье Арково.—Арковская долина.—Селенія по западному побережью: Мгачи, Танги, Хое, Трамбаусъ, Віахты и Ванги.—Туннель.—Кабельный домикъ.—Дуэ.—Казармы для семейныхъ.—Дуйская тюрьма.—Каменноугольные копи.—Воеводская тюрьма.—Прикованные къ тачкамъ	84

	стр.
IX. Тымы или Тымы.—Лейт. Бошнякъ.—Поляковъ.—Верхній Армудань.—Нижній Армудань.—Дербинское.—Прогулка по Тымы.—Усково.—Цыгане.—Прогулка по тайгѣ.—Воскресенское.	106
X. Рыковское.—Здѣшняя тюрьма.—Метеорологическая станція М. Н. Галкина-Враского.—Палево.—Микрюковъ.—Вальзы и Лонгари.—Мало-Тымово.—Андрее-Ивановское.	121
XI. Проектированный округъ.—Каменный вѣкъ.—Была ли вольная колонизація?—Гиляки.—Ихъ численный составъ, наружность, сложеніе, пища, одежда, жилища, гигиеническая обстановка.—Ихъ характеръ.—Попытки къ ихъ обрусенію.—Орочи.	129
XII. Мой отъѣздъ на югъ.—Жизнерадостная дама.—Западный берегъ.—Теченія.—Маука.—Крильонъ.—Анива.—Корсаковский постъ.—Новыя знакомства.—Нордъ-остъ.—Климатъ Южнаго Сахалина.—Корсаковская тюрьма.—Пожарный обозъ.	144
XIII. Поро-ан-Томари.—Муравьевскій постъ.—Первая, Вторая и Третья Пады.—Соловьевка.—Лютога.—Голый Мысъ.—Мицудька.—Лиственичное.—Хомутовка.—Большая Елань.—Владиміровка.—Ферма или фирма.—Луговое.—Поповскія юрты.—Березники.—Кресты.—Большое и Малое Такоэ.—Галкино-Враское.—Дубки.—Найбучи.—Море.	159

INSTYTUT
BADAŃ TIEMNOKICH PAŃ
BIBLIOTEKA
00-300 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

10

11

12

13

The first part of the book is devoted to a general
 introduction to the subject of the history of the
 world. The author discusses the various theories
 of the origin of the world and the different
 views of the nature of time and space. He
 then proceeds to a detailed account of the
 development of the world from the beginning
 of time to the present day. The author
 discusses the various stages of human
 civilization and the progress of science
 and art. He also touches upon the
 different religions and philosophies of the
 world. The book is written in a clear and
 concise style and is suitable for students
 of history and general readers alike.

F

24.113

/15/16